

Карина Демина

ДИКИЙ,
ДИКИЙ ЗАПАД

Annotation

В городке Последний путь, что стоит на краю цивилизации, люди живут простые, добрые и отзывчивые, всегда готовые помочь ближнему в решении проблем. Особенно, если не бесплатно. Вот и Эдди берется помочь чужаку, некоему Чарльзу Диксону, в решении его проблемы. Всего-то и надо, что отыскать сбежавшую сестрицу. А уж чем поиски обернутся, кто знает? Эдди – опытный охотник, справится и с заклинателями мертвецов, и с кровожадными сиу, и с Проклятым городом, да мало ли что еще на Вольных землях встретить можно. Заодно, глядишь, и собственную сестрицу в добрые руки пристроит. Первая часть истории

- [Карина Демина](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Вместо эпилога](#)
  -
-

Карина Демина

Дикий, дикий запад

Данный текст был приобретен на портале Литнет (№ 34092622
20.05.2022). Литнет – новая эра литературы

Глава 1

Где некий господин прибывает на Дикий запад дабы решить одну крайне щекотливую проблему

Клиент мне сразу не понравился. Вот бывает такое, что только глянешь на человека и всем нутром своим понимаешь – ничего-то, кроме неприятностей, ждать от него не стоит. А главное, и сам он об этом знает, а потому поглядывает свысока, снисходительно этак, понимая, что деваться нам от него некуда.

Что поделаешь, дела в конторе шли не сказать, чтобы хорошо.

Если сказать, то хорошо-то они не шли никогда, что не мешало Эдди надеяться, что вот однажды случится чудо и про нас узнают. Нет, местные-то знали. Да и как не узнать, когда городок наш столь мал, что знали тут всё и про всех, а уж про «Контору частного сыска и решения ваших проблем» и подавно.

Название придумал Эдди.

И все прочее тоже.

Он же, облачившись в приличный сюртук, ныне хмуро разглядывал визитера. Первого, почитай, за месяц. А визитер, стало быть, пялился на Эдди. Оно-то верно, братец мой единокровный в сюртуке гляделся весьма даже представительно. Еще и морда, битая Биллом Клином, которого братец давече все-таки взял, уже отошла. Почти. Левый глаз так и вовсе приоткрылся уже, а что синева вокруг, так она, как матушка изволила выражаться в хорошие дни, весьма даже гармонировала с цветом сюртука.

– Чего изволите? – хмуро поинтересовался Эдди и сплюнул.

В плевательницу.

Медную.

Её он, помнится, в том году принял в зачет одного долга, ибо больше брать с Макфи было нечего. Плевательница была большою и солидной, и на людей незнакомых впечатление производила изрядное.

Клиент... потенциальный клиент, вздрогнул.

А то... Билли, чтоб ему веревка занозистая попалась, братца моего отделал славно. И зуб выбил. Эдди его уже выбивали, конечно, так что отрастет, куда он денется, да только пока вид был... внушающим.

Да.

В общем, клиент вздрогнул и на меня посмотрел.

А я что? Я улыбнулась. Матушка еще сказывала, что если улыбаться людям, то они будут добрее. Правда, может, где-то там оно на востоке так и было, что одной улыбки хватало, а тут, на Западе, с револьвером оно всяко надежнее.

Я и положила руку на свой «Кольт».

На всякий случай.

А то ведь человек в городе явно новый. У них всякая придурь в голове случается, некоторые вон и ухаживать пытались. Один даже в окно полез как-то. С цветами. Потом на суде лаялся, что намерения у него были исключительно добрые, он бы даже женился потом, и что, стало быть, зря Эдди ему эти цветы в одно место засунул...

Но то история старая, ей лет десять уже.

После неё-то братец и перестал ругаться, что я сплю с револьвером под подушкой. Даже новый подарил. Под вторую подушку. А что... места у нас дикие.

– Добрый день, – гость стянул с головы котелок и поклонился.

Я кивнула.

Эдди снова сплюнул и языком дыру потрогал. Поморщился. Стало быть, зуб выбит не до конца, а значит, предстоит, как это говаривала матушка, визит к добрейшему мастеру Брину, который в городе был за брадобрея, цирюльника и еще зубы дергал.

За это его и недолюбливали.

А может, за на редкость поганый характер.

– Верно ли я понял, что вы – мистер Элайя? – и снова на братца уставился. А главное глядит, не мигает. И братец тоже. Правда, ему не мигать сложнее, глаз-то, пусть и открылся, все одно слезится.

Эдди кивнул.

– Мне вас настоятельно рекомендовали, как... человека, – тут уж гость запнулся, ибо человеком Эдди был едва ли на четверть. Но ничего, спустил, кивнул подбадривающе даже. И этот, в сизом костюмчике, который явно на заказ шитый и не криворуким

Клюпенем-младшим, продолжил. – Как человека, способного решить любую проблему, даже весьма щекотливую.

– Ага, – сказал Эдди довольноно.

И оскалился уже во весь рот.

Я глянула на него с немалой укоризной: маменька, помнится, крепко его пеняла за эту вот улыбку, с которой становились видны и длинные, с палец, клыки, и резцы подточенные, и прочие зубы. Учила она его, учила, да без толку.

– Что ж, в таком случае... – гость вздохнул и огляделся. – Где мы можем побеседовать?

– А от туточки... – Эдди гостеприимно обвел рукой нашу конуру, которую гордо именовал конторой. Прежде-то тут салон был, который матушка держала, когда еще надеялась, что однажды в нашем захолустье кому-то, кроме Беттиных шлюх, станет интересна высокая мода. От той поры остались кружевные занавески, салфетка с вышитыми колокольчиками и ваза на ней. Некогда в вазе стояли цветы, и матушка каждую неделю букет меняла, но...

В общем, не сложилось с высокой модой.

– Гм... действительно... – он вновь покосился на меня, но осторожно. То ли револьвер мой любопытство сдерживал, то ли хмурый взгляд Эдди.

Тот и руки сцепил.

Насупился.

И вид... в общем, во многом внешностью Эдди, как любила говорить моя маменька, пошел в деда, который был не просто так, а орочьим шаманом. Вот и достались от него Эдди, что тяжелая челюсть, что покатый лоб немалой твердости – в прошлом-то году один умник этим самым лбом стену пробил. Не специально. Надеялся Эдди вырубить и уйти. А стена возьми и...

– Сестра моя, – мрачно сказал Эдди, и в голосе его лично я услышала предупреждение. Впрочем, не только я, если господин тоже вздрогнул. А вот рост Эдди достался уже от бабушки, той, которая по материнской линии, а невысоких ахайя не бывает. – Милли...

Вообще-то Милисента.

И даже Милисента Георгина Августа Фредерика Иоланта Годдард. На кой одному человеку такая куча имен, матушка мне честно пыталась объяснить.

Про честь там родовую.

Предков.

Славу... в общем, я слушала. Пыталась. А то ведь к чему матушку огорчать? Ей вон и Эдди хватает, которого папенька мой однажды в дом привел и сказал: мол, сын и наследник, стало быть, воспитывай. Матушка... думаю, к тому времени она изрядно утратила иллюзий о счастливой совместной жизни, а потому лишь кивнула и принялась за дело. Оно-то, конечно, воспитать мальчишку, который первый десяток лет жизни своей провел в орочьем племени, дело такое... сложное. Но матушка справилась.

Как-то.

– Позвольте представится, – гость снова поклонился, как-то хитро ножкой мазнувши, отчего сразу стало понятно: воспитанный засранец.
– Чарльз Диксон.

– Чарли, стало быть, – кивнул Эдди, буравя этого Диксона недобрый взглядом. И ноздри широкого носа раздулись, втягивая запах.

А пахло от гостя...

Хорошо пахло. Не навозом, потом и прочим, чем тут пахнет по обыкновению, и даже не цветочками, как от Беттиных шлюшек, а... в общем, хорошо.

– Чарльз, если позволите, – гость положил руки на спинку стула. – Третий граф Невелл...

Если он думал, что мы тут восхитимся, то это зря.

Мы с Эдди переглянулись, и братец пожал плечами. Мол, случается с людьми и такое. А что, в нашем захолустье кого только не встретишь. Так что графом больше, графом меньше.

– И чего надо? – спросил Эдди, вовсе теряя терпение.

Это уже у него от огненных дэвов, с которыми спутался кто-то из совсем уж дальних предков, и Эдди напрочь отрицал такое родство, но я матушке с её способностями кровь разглядеть, верила. А то, раздражался братец легко.

И порой вовсе впадал в ярость.

Правда, сам он утверждал, что ярость эта – от бабки, которая происходила из прибрежников, а те славились неукротимостью нрава в бою... ну, сложная у него родословная, что уж тут.

– Надо... – Графчик присел на стул, осторожно так, будто ожидая от этого стула пакости какой. К слову, не зря. Помнится, той неделей этим самым стулом Эдди оглушил Кривого Пью, решившего, что, раз он знает с какой стороны за ружье браться, то теперь он в городе самый главный. Стул от того развалился, а чинил его Эдди сам.

Из экономии.

У моего брата множество талантов, это все признают, но вот мастер... мастеров в нашем роду, похоже, не было.

– Мне необходимо, чтобы вы помогли мне отыскать мою сестру, – это Графчик произнес спокойно и ровно, выпялившись на Эдди, который вдруг от взгляда его смутился.

Вот честно!

Кто бы другой и не заметил, но я-то не другая, я-то вижу...

– И я готов платить.

Я убрала револьвер со стола и даже ноги сняла, вспомнив, что, коль человек платить готов, то надобно с ним совсем уж вежливою быть. Клиенты на дороге не валяются.

Даже проблемные.

А этот...

На стол упал кошель. Тяжеленный... видать, нарочно готовил, чтоб Эдди впечатлить, так-то мы не совсем и дикие, нормальные люди кошель с собой не таскают. Чревато это. Куда уж безопаснее с чековой книжкой гулять. Но Эдди на кошель уставился.

Я...

...вспомнилось, что зима не так и далека, а угля в яме едва ли на треть осталась. Да и неплохо бы стены подконопатить. Стекло в гостиной треснуло, крыша снова подтекает. Не говоря уже о том, что обои совсем уж выцвели, а матушка молча перешивает очередное платье, надеясь, что, перешитое, оно соседям покажется новым. Соседям-то, честно говоря, на платье плевать, особенно Доусону, что стал заезжать слишком уж часто, чтобы это не выглядело подозрительным, но матушке же не скажешь.

Эдди тоже.

Он Доусону сперва зубы выбьет, а потом и душу вытряхнет. А по мне так ничего, пусть бы ездил. У Доусона плантации изрядные, и дом хороший, и сам он мужик видный. Глядишь, и сложилось бы.

– Сестру? – уточнил Эдди.

– Сестру, – рядом с кошельком лег снимок. Я шею вытянула, сиюсь разглядеть девицу, которая на нем. Уж больно интересно вдруг стало. Только не вышло.

Ну да...

Эдди потом покажет.

– К сожалению, юные девушки порой... увлекаются неподходящими личностями, – графчик произнес это препечально.

– Ага, – сказал Эдди, пальцами пошевелив, отчего гость вздрогнул.

Но зря. Это не про него, это... и вовсе Милфорд не был неподходящим... ну да, обычный ковбой, у которого за душою конь да револьвер. Но у многих и того нету.

В степь ходил.

Возвращался... как везло, так и возвращался. Песни еще пел красивые. Про любовь. И цветы однажды принес. Сказал, что я ему нравлюсь. И намерения у него были самые серьезные. До встречи с Эдди.

В общем, не задалось у меня с личной жизнью, да...

– Наш род весьма... состоятелен. И потому моя сестра многим казалась удачной партией. Однако она была помолвлена и осенью уже должна была бы состояться её свадьба с четвертым маркизом Шеффилдом. Это мой хороший друг.

Сказал и помрачнел.

И пальцы так по столешнице постучали. Выразительно.

– Однако... случилось так, что на приеме Августа встретила некоего... молодого человека, которым вдруг увлеклась. При том, что об этом увлечении не знали ни я, ни матушка. А потому побег её стал совершеннейшей неожиданностью.

Эдди уставился на меня.

А я что? Этакая дурь мне в голову точно не придет. Куда бежать? Да и... от Эдди не убежишь. И потому я сделала вид, что совсем даже ничего не поняла.

И вообще сию вот.

Паутиной люблюсь.

– Она оставила письмо, в котором призналась, что никогда не любила Ричарда, вернее принимала ошибочно симпатию за любовь, и что лишь с неким Н. познала всю глубину этого чувства.

В руках Эдди хрустнул карандаш.

Была у него привычка крутить что-нибудь в пальцах, вот и...

– Она просила её не искать. Говорила, что они заключат брак, а потом уедут туда, где её прошлое не станет помехой.

Карандаш полетел на пол.

Я вздохнула.

Вот... и не скажешь, что дура. Но девчонку было жаль. Не оттого ли, что со мной такого не приключится? Любовь любовью, в неё-то я не больно верила, но безумца, который рискнул бы с Эдди связаться, в округе нет.

– Как вы понимаете, случился скандал. Мне пришлось объясняться с Ричардом, который был весьма огорчен... даже оскорблен.

– Сам дурак, – пробормотал Эдди.

– Простите?

– Если есть невеста, то приглядывать надо.

Сказал и засопел, на меня взглядом стрельнул. А я что? Знать-то, что Эдди заглядывал к Молли Шеппард, я знаю, и что даже подумывал предложение сделать, тоже знаю. Ну да, подслушивать разговоры чужие нехорошо, но полезно.

Правда, Молли, будто почуяв приближение эдакого счастья, скоренько выскочила замуж за Роса Кадиша. Точно дура. Оно, конечно, у Кадишей земли прилично, и деньжата водятся, да не в них счастье.

И запил Эдди зря.

Матушка ему так и высказала, мол, человек достойный в любой самой неприятной ситуации сумеет сохранить лицо.

– Это верно, но... я полагал, что Августа – девушка разумная. А тут...

– Не догнал?

– Она... она и вправду разумная девушка, – графчик печально улыбнулся. – И сумела все обставить так, будто уехала к подруге в гости. Та... поверила в большую любовь и согласилась помочь. Две недели Августа якобы гостила у неё. Нам приходили письма. И никто ни о чем не волновался. Но она не вернулась домой в срок. А потом... время было упущено.

Взгляд Эдди стал тяжелым.

А я что? Девка-то молодец, сообразила, как все обставить. Сообразить бы ей еще и другое... любовь... любовь – такая штука, опасная. Матушка моя вон отца на что любила. Я-то, конечно, всей правды не знаю, кто мне скажет, но и не полная идиотка, чтобы взять и поверить в эту самую любовь.

То есть, что матушка любила – это да.

Не любила бы, небось, в жизни не стала бы сбегать из дому да со всем семейством ссориться. Но вот отец... привезти привез, в доме поселил, а после скучно ему стало, да.

Как-то вот...

Графчик руки сцепил да так, что кости захрустели.

– Я нашел и жреца, заключившего брак. И свидетелей. Брак законный.

– Уже хорошо, – миролюбиво заметил Эдди. – А то ведь случается... всякое.

Я кивнула.

Случается.

Вона, у матушки Бетти, если не каждая вторая, то каждая третья девка точно из дома по-за любви большей сбежавшая. Только частенько этой самой любви хватало лишь до первой гостинички, а бывало, что и сама эта любовь девуку в бордель продавала.

Жизнь – штука такая.

Сложная.

– Честно говоря, я ожидал, что Августа вернется домой. Напишет. Позвонит. Телеграмму пришлет на худой конец! Право слово, мы с матушкой, конечно, были злы, но не настолько же! Однако...

– Не написала?

– Нет. И это, признаюсь, меня несколько... насторожило. Мы с Августой довольно близки. И да, возможно, она бы опасалась, что я разозлюсь...

Эдди хмыкнул.

– Однако должна была бы понимать, что прежде всего меня волнует именно её благополучие...

– А этот... женишок?

– О нем удалось выяснить немного. Некий Уинстон Грейтон. Моим... знакомым он доводился дальним родственником, об устройстве которого они и хлопотали, правда, без особой надежды.

Взгляд Эдди сделался весьма выразителен.

– Да, признаюсь, я тоже не слишком поверил, однако и оснований обвинять этих... людей в чем-то у меня не было.

Хрустнул второй карандаш.

Этак он все переломает.

– Бишопы – семейство весьма почтенное, известное, а потому, как понимаете...

– Не на любую шею можно веревку накинуть... – иногда Эдди проявлял редкостное понимание.

– Именно, – график изобразил кривоватую улыбку. – Мне удалось выяснить, что этот Уинстон прибыл в город за неделю до встречи с Августой, а отбыл сразу после свадьбы. Вместе с тем Элайя Бишоп весьма скоро подал претензию на выплаты приданого, которое было оговорено моим отцом.

– А вы?

– Часть денег я выплатил, но не все. Имелись юридические основания об отсрочке. Поймите, дело не в деньгах. Я лишь желал убедиться, что с моей сестрой все в порядке. Если она счастлива с этим... Уинстоном, я приму его в семью. Постараюсь, во всяком случае.

Вот тут лично у меня возникли некоторые сомнения. Уж больно морда у графа выразительной была. С такой мордой только новых родственников в семью и принимать.

– Честно говоря, я надеялся, что эта отсрочка позволит как-то связаться или с Августой, или с её супругом.

– Не вышло?

– Нет.

– И сколько?

– Что?

– Сколько вы им выплатили?

– Двадцать пять тысяч долларов.

Мы с братом переглянулись. В его взгляде мне почудилось сожаление, а я... что я... у меня тоже приданое есть. Конь. Пара револьверов. И еще матушкины кружева. Ну и деньжат Эдди наскреб бы, сотни две, когда б постарался.

– Это мелочь, на самом-то деле, – Графчик махнул рукой. – Основная часть приданого – более ста тысяч...

— Это, может, там мелочь, — спокойно отозвался Эдди. — А здесь и за пару долларов глотку перережут... но ты это понял, да?

Глава 2

В которой Чарльз Диксон рассказывает историю и получает предложение помощи

Существо, смотревшее исподлобья на Чарльза, человека менее подготовленного привело бы в ужас, ибо было велико, страшно и, что хуже всего, странно. Это существо отличала удивительная смесь черт едва ли не всех, известных человеку, рас.

Однако...

При всем том следовало признать, что существо это вызывало куда меньшее раздражение, чем исключительно правильный, идеальный в каждой черте своей Элайя Бишоп.

Стоило подумать, как челюсти свело от гнева.

...остальные выплаты.

Судебное разбирательство. Новый скандал, когда матушка еще от старого не отошла. И мягкая улыбка старого паука. Мол, вы же понимаете, Чарли, что дело вовсе не в деньгах, дело исключительно в принципе.

Стервятник.

А этот... этот скорее походил на горного льва, тварь огромную и невероятно опасную. Но такая Чарльзу и нужна. Если кто и пройдет по Диким землям, то она.

Он подавил вздох.

И продолжил.

— Я нанял людей, но им удалось выяснить лишь, что чета Уинстон сперва купила билеты на пароход «Веселая Нелли», на котором прибыла в Аштон-таун, а уже оттуда отправилась дальше, по железной дороге.

— И думаете, они здесь? — с сомнением произнесло существо. — У нас небольшой городок, и если бы кто объявился новый, я бы знал.

Девушка, что пряталась в углу, кивнула, мол, точно бы знал.

– Вышли они на станции Арвик, где и купили фургон с парой тяжеловозов, да кое-какие припасы.

– Какие?

Чарльз поморщился. Вот какая разница? Но все же ответил.

– Муки двести сорок фунтов. Порошок яичный. Сухое молоко. Крупа рисовая, высшего сорта. Пшеница.

Он попытался вспомнить, что там еще было.

– Соль. Пятьдесят фунтов соли.

– Много, – сказала существо и провело ладонями по включенным волосам. – Не для себя брали...

– Там же был сделан снимок. Как полагаю, свадебный. И мне повезло. Пластину не уничтожили.

И стоила она не сказать, чтобы много. Впрочем, Чарльз уже успел убедиться, что здесь цены несколько отличались от привычных.

– Вот, – он выложил второй снимок.

И едва сдержался, чтобы не забрать, когда к нему потянулась грубая рука.

– Милли, – рявкнуло существо. – Иди-ка сюда... только глянь!

На что там глядеть, Чарльз не слишком понимал. Этот снимок... пожалуй, именно он и убедил его, что надо ехать, что сколь бы ни велика была любовь Августы к этому проходимцу, но ей, такой хрупкой и утонченной, совсем не место на Диких землях.

Что...

Бледная девушка на снимке, если и напоминала Августу, то лишь чертами лица. Она и прежде не отличавшаяся полнотой, похудела вовсе уж до призрачной бледности. И строгие черные одеяния, – Августа прежде в жизни не надела бы чего-то подобного – лишь подчеркивали и худобу, и общую болезненность облика. Но главное даже не это, в конце концов, Августа никогда-то не любила путешествовать. Главное, что она больше не улыбалась.

Совсем.

А выражение лица... разве возможно это странное виноватое, совершенно несчастное выражение лица? Мужчина же, стоявший за спиной Августы, положивший руки на плечи её как-то совершенно по-хозяйски, выглядел довольным. Он был крупным и не сказать, чтобы красивым.

Вот и что она в нем нашла?

Самодовольный тип.

Нехороший.

Наглый.

Чарльз заставил себя дышать ровнее. Матушке он снимок не показывал. Матушку он вовсе не стал волновать, благо, императрица вошла в положение и призвала её ко двору, отговорившись какой-то там надобностью.

Пускай.

Главное, время выиграли. А там... Чарльз найдет сестру. С помощью ли, без нее, но найдет всенепременно. И вернет домой.

– Надо же, – девица, выползшая из своего угла, в ближайшем рассмотрении оказалась... интересной.

Да, пожалуй что.

Высокая.

Неприлично, пожалуй, высокая для женщины, она была худа, смугла и темноволоса. Узкое лицо её обладало чертами чересчур резкими, в которых угадывалось присутствие иной крови, что девицу нисколько не портило.

Резкие острые скулы.

Треугольный подбородок. Изящный нос. И узкие приподнятые к вискам глаза. Темные волосы свои она заплетала в косы, которые украшала резными фигурками. В левом ухе девицы висела крупная жемчужина того насыщенного цвета, который не случается сам по себе.

Оберег?

И судя по отголоску силы, старый, настоявшийся, что весьма... странно.

Впрочем, сейчас Чарльза волновала не столько эта девица, сколько презадумчивое выражение лица её, которое подсказывало, что эти двое увидели на снимке что-то, самим Чарльзом пропущенное. А уж он-то изучил и снимок, и пластину, за которую пришлось платить отдельно, с лупой.

– Машман, – сказала девица и дернула себя за перо, что торчало из косы. Перья были длинными и выкрашенными в разные цвета.

Пожалуй, матушка сочла бы сию особу варварски великолепной.

...попросить сделать снимок? Все одно письмо придется писать. И еще надо подумать, что бы такого в нем написать, чтобы и не врать

слишком уж откровенно, и матушку в волнение не ввести.

– Вот и я думаю, – согласилось существо и поглядело на Чарльза с жалостью.

Даже неудобно как-то стало.

– Простите, – Чарльз считал себя человеком глубоко воспитанным, а потому вложил в это слово всю бездну своего недоумения и желания понять, что же такого они увидели.

И кто такой машман.

И почему...

– Машман, – повторило существо, ткнув пальцем в снимок. – Видите?

– Нет, – признался Чарльз.

Существо поглядело на Чарльза с упреком, даже самому стало слегка совестно: как это, не знать, кто такие машманы и чем они от обыкновенных людей отличаются. После же потерло пальцем заплывший глаз и соизволило-таки пояснить.

– Община у них. Там... – рукой махнул на стену, которая некогда была весьма себе приличной стеной, крашеной в нарядный бледно-розовый цвет. Но местами краска выцвела, местами облезла. Впрочем, большей частью её закрывали характерного вида листы с портретами. Над рожками, чем-то неуловимо похожими друг на друга, вероятно, стилем работы тюремного живописца, виднелись надписи «Разыскивается». А под ними – суммы. Некоторые листы были перечеркнуты, на других стояли отметки, третьи, явно добавленные недавно, выделялись относительной чистотой бумаги.

– Машманы, – девица с грохотом подтянула трехногий табурет к столу, на который и взгромоздилась безо всякого девичьего изящества.

Чарльз поспешно отвел взгляд.

Он вовсе даже не собирался пялиться на ноги этой вот самой девицы, даже с учетом того, что ноги эти были выставлены на всеобщее обозрение.

И с каких это пор девицы носят штаны?

Впрочем... в местах нынешних, надо полагать, исключительно диких, сие было обыкновенным. А потому не следовало демонстрировать свое удивление. И вообще.

– Машманы – это люди пророка Ма-Ашшам, – девица поерзала, табурет опасно закачался, и Чарльз поспешно вскочил, ибо был

человеком воспитанным, да и собственный стул не внушал ему доверия. Но девицу, глядишь, и выдержит. – Он тут объявился...

– Да лет двадцать тому... – задумчиво произнесло существо. – Или даже больше...

– Точно больше.

– Ага, меня туточки не было...

– Надо у матушки спросить.

– Спросим, – эти двое переглянулись и кивнули, приняв решение.

А после девица заговорила.

– Они основали общину. Свободную, как говорят. Устроились неплохо, в Змеиной ложбине, там аккуратно деревня вымерла, то ли от оспы, то ли от краснухи, то ли просто вырезали. Но орки из этих мест всяко откочевали. После-то пытались вернуться, но община отбилась. Да...

– Живут своим правом.

Что-то спокойствия эти новости не добавляли.

– Верят в пророка... но так-то люди тихие, безобидные, если к ним не лезть.

– А...

– Вот, – тонкий палец, правда, без маникюра вновь ткнул в снимок. – Видите? У него на шее.

– На шее?

Чарльз склонился над фотографией. На шее у потенциального родственника и вправду было какое-то пятно, но его Чарльз, говоря по правде, принял за обыкновенный дефект печатной пластины.

– Это хвост Великого Змея. Всем мужчинам, которые прошли посвящение, наносят рисунок.

На столе появилась лупа, которую Чарльзу протянули весьма вежливо. А он и отказываться не стал. Правда, толку-то... снимок, отпечатанный не на самой лучшей бумаге, был крупным, зернистым, и пятно даже под лупой пятном осталось.

– Еще на руке, вот, тут виднее... – девица повернула фотографию.
– И белая лента на шляпе. Если по отдельности, то оно, конечно, совпадением быть может.

– И главное, рожа знакомая, – осклабился нелюдь. – Я его точно видел.

– Кто не видел.

Деввица тоже оскалилась, правда, в отличие от родственника зубы у неё были целыми, да и клыки не выпирали. Что не могло не радовать.

– Это один из сыновей пророка. В прямом смысле слова, – она плюхнулась на табурет, который вновь закрипел, но к величайшему удивлению Чарльза, не стал разваливаться. – У пророка семьдесят пять жен.

– Сколько? – вот теперь Чарльз по-настоящему удивился.

Он и с одной-то... то есть, не с женой, счастливого брака удалось избежать неимоверными усилиями, хотя надо полагать, что теперь матушка удвоит усилия. И думалось об этом... не слишком радостно.

А тут семьдесят пять...

– Вообще-то все женщины общины считаются его женами, – нелюдь сцепил руки на груди. – Он может призвать к себе любую, которая понравится.

– И их... мужья?

– Будут рады, а уж если та понесет... впрочем, все дети общины считаются детьми пророка.

Чарльз закрыл глаза, успокаивая гнев и силу, что в последнее время колобродила. Не иначе, от нервов.

– Но на самом деле он всегда точно знает, в ком есть кровь Великого змея. И да, своих дочерей он берет в жены в первую очередь.

– Это же...

– Это свободная община, – сказала девица и поморщилась. – А еще у них есть пушка, маги и ружья, потому их, конечно, недолюбливают, но воевать...

– Все одно кроме пушки, магов и ружей там взять нечего.

– И... как быть?

Почему-то подумалось, что предыдущий его план, явиться и потребовать сестру, не выдержит столкновения с реальностью.

– Подумать надо...

– И матушку спросить, – сказала девица, почесав щеку. – Матушка точно знает...

...а если обратиться к шерифу? Должен же быть в этом захолустье шериф... и вообще... войска какие-то... заплатить... или...

...там, дома, ему доходчиво объяснили, что Августа – особа совершеннолетняя, вольная поступать так, как ей самой

заблагорассудится, а потому искать её полиция не станет.

Что-то подсказывало, что здесь ответят примерно то же.

Может, правда, не столь вежливо.

– А знаете... – чудовище громко хлопнуло в ладоши. – Приходите-ка к нам вечерочком. На ужин. Там и потолкуем, заодно матушка чего сподмогнет.

Не было печали.

Но вежливость требовала согласиться.

Прежде Эдди как-то вот не спешил тянуть в дом всяких там... нет, притащил однажды щенка с перебитой лапой, потом еще сокола, которого сам выходил. Котенка горной пумы.

И так, по мелочи. Но это же другое.

– Гость? – матушка, если и удивилась, то виду не подала, но взгляд её, полный задумчивости, обратился на меня. – Милисента, мне понадобится помощь.

Вот уж не было печали.

Нет, я не против готовить. Я даже умею. Мамаша Мо, которую, что характерно, тоже в дом притащил Эдди и случилось это лет десять тому, меня хорошо учила. Но вот... одно дело сварить похлебку и лепешек напечь и совсем иное маяться дурью, выгатавливая чего-нибудь эдакого.

Впрочем, с кухни меня скоро отослали.

Готовиться.

Ага. Можно подумать, я – рисовый пудинг, которому выстояться надо. Только разве с матушкой поспоришь? И к чему оно? Раз спровадили, я и пошла.

Не к себе.

К Эдди.

– Чего думаешь? – братец отыскался, как и следовало ожидать, на конюшне. Огромная, она предназначалась для двух десятков лошадей, но ныне в ней стояли жеребец Эдди, на редкость пакостливая и кусучая скотина, моя Гроза и матушкина Сметанка, да еще ослик, на котором мамаша Мо ездила в город.

Эдди вздохнул.

И глянул на меня искоса. Виновато так... вот что-то мне не нравится ни взгляд этот, ни внезапно прорезавшееся его

гостеприимство. А еще запах, ибо пахло на конюшне не только лошадьми да сеном. Крыша еще когда проседать стала, но в дальнем углу. Теперь еще и мокро там, и опорные столбы подгнивать начали. И по-хорошему надо бы конюшню разобрать, снести лишнее, переложить стены.

Заговорить от крыс и прочей мелкой пакости, которая явно где-то гнездо свила. Я потянула воздух, пытаюсь уловить это вот ощущение. И пальцы сложила, позволив выбраться искре силы.

– Не спали, – проворчал Эдди.

– Не спалю... девке конец.

Он опять вздохнул.

А чего тут вздыхать-то, когда все ясно? Встречалась я с этим самым пророком, который объявил себя потомком Великого Змея. Случайно вышло, но все знают, что он по осени является в город да не просто так, у Бетти с ним договор, ибо не просто так собирает она в своем борделе сироток.

Пророк за сироток платит.

Особенно за девочек. Таких вот бледных хрупких, как та, что глядела на меня со снимка. И главное, что все-то об этом знают, но...

...какая еще у них дорога? – сказала мне Бетти, когда я... не сдержалась. – Или думаешь, шлюхой быть веселее? А там он, конечно, попользует, но и мужа потом найдет. И будут они жить в тепле да сытости.

И наверное, в чем-то она была права.

Поэтому и смотрели на её дела сквозь пальцы. Да только одно дело сироты, которые хлебнули горя и поняли, что в жизни им не особо рады, и другое – хрупкая девушка, урожденная графиня.

Этакая и руки на себя наложит, ежели что.

– Попробовать стоит, – сказал тихо Эдди. – А деньги нам нужны.

А то я не понимаю, что нужны. Дел-то таких, за которые платят, немного. Вот и перебиваемся свободной охотой, хотя Эдди совсем не рад, но понимает, что сам не справится. А я ловкая.

И сильная.

И стреляю отлично. Только... за Билла ему две сотни дадут, которых едва хватит, чтоб за старые долги расплатиться и угля купить.

– Попробуем, – мне было жаль девицу.

И если братец её решит вздернуть новообретенного родственничка, то веревку я ему подам с превеликой радостью.

– Милли, – Эдди чистил жеребца остервенело, и тот замер, чувствуя настроение хозяина, только на меня косился, будто я виновата. – Постарайся вести себя... ну...

– Как?

– Как надо.

– А как надо?

– Милли!

– Что? – не то, чтобы я не понимала. Понимала, только понимание это не радовало совершенно. Опять они с матушкой сговорились да за моей спиной.

Для моего же блага...

– Тебе надо уезжать, – Эдди отвел взгляд.

– Куда?

– На восток.

– Зачем?

Глупый разговор. Ведь переговорено уже не раз и не два. И... и может, в чем-то он и прав, здесь я вряд ли найду кого толкового, чтобы надежный и верный, чтобы любил, чтобы... не как папаша. Но и там-то меня никто не ждет. Будто я не видела, как этот графчик на меня поглядывал.

Небось, там, на востоке, все девицы воспитанные до жути.

Ходят в платьях.

Целыми днями волосы укладывают да букеты составляют. Или говорят о чем-то этаким, моему уму недоступном. И вот кем я там буду?

– Ладно, – Эдди рукой махнул и шлепнул жеребца по крупу. – Как-нибудь да сладится... матушку не огорчай.

Не огорчу. Можно подумать, я её люблю меньше. Хотя... я-то люблю, а вот Эдди матушку боготворит. И потому говорить ему про Доусона с его планами никак не можно.

С этой мыслью я отправилась к колодцу.

Водопровод в доме имелся, да только заклятья давно выветрились, а может, воды опустились. Не важно. Все одно старый маг, обновлявший заклятья за небольшую плату, позапрошлым летом упился вусмерть, а нового водника взять было неоткуда.

Вот и приходилось довольствоваться колодцем.

Я умылась.

И волосы заплела, получилось даже почти ровно, но матушка все одно покачала головой.

— Какая же ты... — сказала она тихо, а я склонила голову, показывая, что сама знаю, какая я.

Слишком... не такая.

Даже по меркам Последнего пути не такая. Высокая. Тощая. Безгрудая. И наглая. Когда-то давно, лет этак в пятнадцать, я еще надеялась, что стану нормальной. И платья, матушкой сшитые, носила. И бегала на танцы в амбар старого Руди. И всю ночь стояла у стенки, жадно глядя на то, как другие веселятся. А потом поняла, что, сколько бы кружев матушка не нашивала, какие бы фасоны ни выдумывала, ничего-то не изменится. Я навсегда останусь дочкой Безумного Дика, даже не полукровкой, а... в общем, как поняла, так в амбар больше и не заглядывала. И платья сменились куда более удобной одеждой.

— Думаете, он поможет? — спросила я матушку, когда та ловко разобрала мои космы. Волосы у меня, в отличие от матушки, были тяжелыми, жесткими, что конская грива. И укладываться не желали. Но матушка, как никто другой умела с ними справиться.

Сейчас вот тоже, гребнем провела раз, другой и...

— Смотря в чем, — матушка отложила гребень.

Она тоже косу плела, но какую-то совсем не такую, как у меня. Узором. И ленты шелковые её слушались, не выскальзывали, не норовили запутаться.

— Эдди прав, дорогая моя. Тебе стоит уехать отсюда. Это место... оно не для тебя.

— А для тебя?

— Я привыкла, — матушка отвернулась, но пальцы дрогнули.

— Доусон тебе нравится?

— Он... хороший человек. Спокойный. Надежный.

— А ты... ты не хочешь уехать? — я перехватила матушкину руку.

— Куда?

— Не знаю. Домой? У тебя ведь... у нас ведь есть какая-то родня... там, на востоке?

— Какая-то есть, — не стала спорить матушка, хотя о той своей жизни она говорить не любила. — Но... не думаю, что они обрадуются

моему возвращению.

И лицо сделалось таким... умиротворенно-спокойным, что я сразу доперла: родня там не самая любящая. Но все-таки... нет, Доусон и вправду неплохой мужик.

Я узнавала.

И пить не пьет, и играть не играет, даже в бордель не заглядывает. Поместье у него опять же хорошее, хозяйство крепкое, а главное, нет привычки пропадать, как у папаши.

– Но все-таки, – почему-то сегодня мысль о востоке не отпускала.
– Ты не думала? Вдруг тебя тоже ищут?

– Если бы искали, то нашли бы, – матушка завязала пышный бант, а потом ловко вытащила прядку волос. – Я не пряталась.

А потом подошла к шкафу и, распахнув его, замолчала. Ну... платья-то у меня имелись. Матушка отчего-то вбила себе в голову, что, даже если я их не ношу, то иметь обязана. Но, верно, для сегодняшнего ужина ей хотелось обрядить меня во что-нибудь этакое.

Спорить я не собиралась.

Ни к чему матушку из-за ерунды огорчать. Хочется ей меня в платье увидеть? Пускай себе.

Глава 3

Где проходит семейный ужин, а гость узнает о том, откуда взялись машманы

Признаться, от сегодняшнего ужина Чарльз ничего-то хорошего не ждал. Он вообще весьма смутно представлял себе, чем именно может помочь беседа с некой женщиной в его проблеме.

Августа...

Любимый балованный ребенок, который ни в чем-то отказа не знал.

И вот...

...душа требовала бросить все и отправиться в треклятую Змеиную долину или как она там. Маги? Чарльз как-нибудь да справится. Еще можно людей нанять. Сотню. Две. Да хоть тысячу. Правда, имелись некоторые сомнения, что в этом захолустье в принципе можно набрать тысячу человек.

...а он к ужину готовится.

Костюм сменил.

Умылся, насколько это возможно. За горячую воду потребовали пятьдесят центов и еще двадцатку пришлось заплатить престарелому, но крепкому орку-полукровке, который эту воду поднял в номер, а после убрал. Причем совершенно парадоксальным образом после мытья Чарльз чувствовал себя грязнее, чем до него.

Костюм измялся.

От свежей рубашки почему-то пахло пылью и плесенью. Аромат же туалетной воды показался на редкость едким.

Ничего.

— Экипаж? — искренне удивился тот же полукровка. — Эт вы... господин... откуда туточки экипаж?

И вправду.

Как-то... местные реалии продолжали радовать Чарльза.

— Все верхами больше, — орк глядел с насмешкой. — Но можно у Бетти поспросить... она порой шлюх на пастбище возит.

Не хватало.

И... как быть? Пешком? Этак Чарльз хорошо, если к утру доберется.

– Тогда, – пришлось расстаться с еще одной монетой. – Будь добр, отыщи мне лошадь.

Про букет цветов, который следовало бы поднести хозяйке дома, Чарльз решил не спрашивать. Что-то подсказывало, что в Последнем пути цветочных лавок нет.

Впрочем, лошадь ему нашли и не слишком поганую, да и тот же орк вызвался проводить к поместью Бешеного Эдди, а то ведь господин и заблудиться может. Или заехать не туда. Куда? А мало ли... уж больно господин выглядит прилично. Такому человеку, куда ни поедь, все не туда будет.

Народишко-то вокруг бедовый.

Поместье именовалось «Старые клены», хотя ни единого клена рядом Чарльз не увидел. У ворот росло чахлое акациевое дерево, покосившееся, какое-то на редкость уродливое и колючее.

– Раньше-то все окрестные земли ихними были, – орк, получивши плату, сделался несколько более дружелюбен. – Вона, там еще пастбища были. Табуны. Старый Кло известным табунщиком был. С племенами водился, это да... и жену взял честь по чести, потому-то его и не трогали. Все мечтал, что сынка своего на восток отправит, выучит и будет тот жить человеком.

Сказал и на Чарльза глянул.

Чарльз в свою очередь смотрел на дом, который явно знал лучшие времена. Ныне же был он стар и уродлив, как это вот дерево у ворот. Стены его перекосились, крыша словно бы на бок съехала, и даже веселенькая зеленая краска, которой хватило, правда, лишь на фасад, нисколько не спасала положение.

– Он-то и поехал. А вернулся с женой молодой. Поселил тут. И пытался вроде жить, как оно заповедано, да только... дурь не газы, в себе не удержишь.

Народная мудрость заставила Чарльза хмыкнуть.

– Вот сперва табуны проиграл, потом и земли... он бы и это все, да только Старый Кло вовремя сообразил, что сынок у него дерьмовистый получился, и отписал, стало быть, усадьбу женушке его.

А та, пусть и любила муженька, но и о детях заботилась... ты это... господин... только не вздумай удивляться.

– Чему?

– А ничему, – орк сунул за щеку полоску табака. – Эдди нервный. И сильный. А потому нечего тут... и коль назад поедешь, не чинись, проси, чтоб сопровождал. С Эдди связываться не рискнут.

И в чем-то людей, которые не рисковали связываться с Эдди, Чарльз понимал.

После, думая, какой должна была бы быть владелица поместья, Чарльз пришел к выводу, что определенно не такой.

Не...

Хрупкой, словно былинка.

Светловолосой. Светлоглазой. С чертами лица столь совершенно изящными, что не залюбоваться ими было совершенно невозможно. И даже платье простого кроя, шитое из какой-то столь же возмутительно простой ткани – а женщины, подобные этой, должны носить исключительно шелка – лишь подчеркивало тихую красоту хозяйки дома.

– Доброго вечера, – он даже растерялся под взглядом этих светлых глаз. И тотчас укорил себя.

Поклонился.

Проклял мысленно за лень, ибо показалось неуместным появляться здесь с пустыми руками. Мог бы остановиться, нарвать каких цветов... а он...

– Доброго, – голос у женщины был низким, мягким. – К сожалению, мне давно не случалось принимать гостей...

В доме царило запустение.

Нет, его пытались держать. И порядок здесь был идеальный, но... выцветшие обои. И старая мебель, ткань на которой протерлась, а латки, пусть подобранные в тон, все одно выделялись такими ранами. Едва уловимый запах пыли и плесени.

Сквозняки.

Старые фотографии призраками чужой жизни.

Столовая, знавшая иные времена. Чарльз подозревал, что открыли-то эту комнату исключительно к его визиту. И скатерть извлекли, но освежить не успели, пусть и разгладили, но она, эта скатерть, от долгого хранения пожелтела. Посуда была разномастной.

Ахозяйка дома улыбалась.

И говорила.

Она была мила. Очаровательна. Она... смутно напоминала кого-то, нет, не внешностью, хотя, если верить старым снимкам, которые Чарльз подсмотрел, за прошедшие годы Элизабет Годдард изменилась крайне мало, скорее уж звуком своего голоса.

Жестами.

Этим поворотом головы. Мягкою улыбкой. И...

...а дочь пошла в отца. От матери она, если что и взяла, то светло-серые почти прозрачные глаза. И привычку склонять голову, будто прислушиваясь к чему-то. А так... высокая. Нескладная. И платье из светло-зеленой ткани ей, конечно, идет, но не так, чтобы сделать её красивой.

Да, определенно, Милисенту Годдард нельзя было назвать красивой. Однако было в ней что-то такое, привлекающее взгляд. Должно быть, экзотичность. Все-таки следовало признать, что девицы, с которыми Чарльза знакомила матушка, обладали совсем иной внешностью.

– Что же касается вашего дела, – о деле леди Элизабет – а именовать её просто миссис Годдард у Чарльза язык не поворачивался – заговорила лишь, когда подали десерт.

Подавала его хмурая женщина-орк, на редкость темнокожая даже для её расы. И столь же недружелюбная.

– То оно представляется мне крайне непростым. Я знакома со Змеем, – она слегка поморщилась, показывая, что знакомство это не делает ей чести. – Именно мой покойный супруг привел его в долину.

– Мама? – Эдди, который ради праздничного ужина напялил сюртук из лилового сукна, нахмурился.

– Я тогда только-только приехала. И была полна надежд. А еще весьма наивна. Ваш дед уже болел и серьезно. Он отошел от дел, надеясь, что мой супруг...

...она упорно не именovala того мужчину, со снимков, по имени, тем самым словно подчеркивая, что, несмотря на супружество, он был человеком далеким.

– ...справится с поместьем. Змеиный дол некогда принадлежал нам. Вернее он был частью земель, которые племя отдало Годдардам за своей дочерью. Земли не самые лучшие, ибо в те времена воды там не

было, а потому дол представлял собой кусок степи. Там и трава-то не росла.

– Проклятое место, – темнокожая служанка произнесла это, добавив пару слов на своем наречии.

– Именно. Гремучников там водилось много. Но ваша бабушка умела их заговаривать. И одно время семья торговала ядом, однако мой муж талант не унаследовал, после и вовсе земли продал.

Взгляд леди Элизабет затуманился.

И никто-то за столом не посмел прервать её воспоминания.

– Потом... позже... этот человек еще не единожды появлялся в нашем доме. Сперва, пока был жив ваш дед, он занимал сторожку, не желая показываться на глаза. Но потом освоился и здесь... это не было приятным знакомством. Великий Змей... он и сам называл себя так, но мой супруг знал его имя.

– И? – Чарльз все-таки позволил проявить себе нетерпение.

– Уильям. Уильям Сассекс. Он родом с Островов.

– Он...

– Родной брат герцога Сассекса. Того, прошлого, который представился несколько лет тому, – леди Элизабет позволила себе улыбнуться. – Не удивляйтесь, и в нашей глуши что-то да знают о большом мире... так вот, сколь я поняла, он был вынужден бежать. Уж не знаю, какие преступления он совершил, однако, полагаю, дело достаточно серьезное, если при всем своем могуществе Сассексы предпочли не замять его, но расстаться с Уильямом. Он получил некую сумму и пожелание исчезнуть, которое и воплотил.

Сассексы?

С Сассексами Чарльз был знаком, пусть и знакомство сие нельзя было назвать близким. Матушка с кем-то переписывалась, кажется, то ли с кузиной, то ли с троюродной бабушкой, а может и с той, и с другой. Чарльз не интересовался. И все-таки странно.

– Я предполагаю, с чем это связано. Но, боюсь, я связана клятвой. Так уж получилось, что... однажды моему супругу понадобилась помощь Уильяма. И она была оказана. И да, Уильям не обманул. Правда, все одно получилось совсем не так, как желал муж, но в том не было ничьей вины. Просто... судьба.

Сассексы и...

Все-таки следовало признать, что его представления о Диких Землях несколько отличались от реальности.

– Уильям... сложный человек. Весьма харизматичный. И мой супруг на некоторое время попал под его обаяние. Впрочем, не настолько, чтобы работать вовсе бесплатно, – теперь в улыбке леди Элизабет виделась печаль. – Они стали партнерами. И мой супруг помогал возродить долину. Он взял на себя поставки. Деревя. Людей... он выкупал в Уитшипере невест, кажется, даже имел долю в этом предприятии...

Про невест Чарльз не очень понял. И его непонимание не осталось незамеченным.

– Здесь было сложно с женщинами. Если... некоторые потребности тела удовлетворить еще можно было, то вот создавать семью просто-напросто не с кем. Тогда-то и придумали заключать контракты. На Островах много девушек из бедных семей, почти не имеющих шанса на замужество. Сироты опять же. Да и в целом... иногда семье было проще продать подходящего рода девицу, чем кормить её.

Она говорила о том спокойно, отстраненно даже, а вот Эдди вилку согнул. Правда, тотчас смутился, убрал руки под стол и разогнул. Леди Элизабет сделала вид, что не заметила.

Чарльз тоже.

Вилки чужие, ему ли до них дело.

– Семьям девушек даже платили что-то. Заключали договор, который гарантировал замужество.

– Но за соблюдением его следить было некому?

– Именно, – леди Элизабет слегка нахмурилась. – Мне не... стоит говорить о таком, но здесь быстро забываешь, что такое приличные темы для беседы. Как бы то ни было, предприятие существовало за деньги Уильяма, мой же супруг был поверенным. Девушек продавали на аукционах. И здесь уже зависело от того, кто заплатит. Кто-то и вправду покупал себе жену. Но большей частью несчастные уходили в... определенного рода заведения, где на них вешали долг за перевоз, обслуживание.

Неприятная тема.

Не для вечернего чаепития. И матушка определенно пришла бы в ужас. Тем лучше, что матушки здесь нет. А Чарльз должен знать, что

его ждет.

Не его.

Но о том он старался не думать.

– Некоторых девушек Уильям оставлял себе. Не только девушек. Мужчины тоже поселялись в Змеином доле. Я не уверена, что все они местные, скорее уж по некоторым обмолвкам можно судить, что вслед за Уильямом прибыли его... скажем так, единомышленники.

– И никого это не беспокоило?

– Кого? – леди Элизабет приподняла бровь. – Землю он купил честно. В местные дела не лез, а остальное... никто не жаловался. Здесь не принято лезть в дела соседей. Хотя... лет пять тому, Эдди, ты должен помнить, случился конфликт, когда дочь мирового судьи объявила, что жаждет душевного просветления и уходит в общину.

– И?

– И ушла, – прогудел Эдди. – Дура она была. Полная.

– Была?

– И осталась. Я так думаю, – вилку Эдди положил рядом с фарфоровым блюдом. – На деле сбежала. Взяла в сопровождение двух невольников, няньку да отправилась искать приключений.

– Уильям вернул её.

– Вернул?

– Еще до того, как судья созвал... желающих погулять в долине. Самолично явился, – леди Элизабет сцепила тонкие пальцы. – И девушку привез, и невольников, и няньку. После долго беседовал с судьей Смитом, и на следующий день Нэнси отправили в Бристон, к тетушке.

– Но почему...

– А зачем? – в глазах леди Элизабет таилась бездна терпения, без которого в этой глуши, кажется, было не выжить. – Что он получил бы с ней, кроме проблем? Смит злопамятен. А война никому не интересна. Главное, что после того машманы стали показываться в городе. Нечасто, да, но... впечатление произвести они умели. Женщины в темных платьях. Мужчины, которые не пьют, но с оружием. Они стали торговать. Виски. Звериные шкуры. Вяленая рыба. Змеиный яд опять же. А судья Смит довел до всех, что не стоит задирать хороших людей. Потом к ним ушла Веселая Мэри, решив начать новую жизнь...

...о старой Чарльз догадался по имени.

— ...и объявилась весьма скоро, стала рассказывать подругам о том, до чего неплохо там живется. О доме, о муже. В общем, еще несколько девушек решили переменить судьбу, что вызвало некоторое недовольство. Однако вновь же, Уильям счел нужным разрешить конфликт.

— Забашлял.

— Выкупил, Эдди. Или, правильнее будет сказать, закрыл долги. И заявил во всеуслышание, что община будет рада принять любого, однако сперва этот человек должен или решить свои дела в миру, или же обратиться к Уильяму за помощью, а тот, в свою очередь, подумает, стоит ли связываться.

Хитрый, засранец.

Чарльз весьма себе сомневался, что этот самый Уильям так просто брался спасать всех.

— К слову, после этого ни Мэри, ни её подруги в городе больше не появлялись, с чего пошли слухи, что жить среди машманов не так и хорошо. Во всяком случае, я не слышала, чтобы кто-то еще ушел к ним. Хотя порой в городе и появлялись молодые пары, которые вскоре исчезали на дороге в Змеиный дол.

Как Августа.

Чарльз закрыл глаза, силясь справиться с болью и страхом. И совестью, которая нашептывала, что он сам виноват. Не уследил. Не заметил. Не... и вообще сразу надо было ехать, а не слушать советчиков.

Напишет.

Вернется.

Куда ей деваться от семьи... выходит, что есть куда.

— Вам следует взять с собой Милисенту, — этот поворот беседы был, мягко говоря, неожиданным.

Причем, кажется, для всех, включая саму девицу, до того с преунылым видом ковырявшую пудинг.

— Уильям сильный маг. Очень сильный маг, — леди Элизабет снизошла до объяснений. — Вам, возможно, будет неприятно слышать, но... вы слабее.

Слышать было и вправду неприятно.

– Силу его в той или иной степени унаследовали все сыновья. Именно потому война – не то, что вам нужно. Проникнуть в долину незаметно, Эдди, тоже не выйдет.

– Но...

– Это весьма... специфическое место. По сути Змеиный дол – узкая лощина, которая возникла между горами. Маги несколько изменили её, расширили, однако естественная защита сохранилась. Ведут в долину несколько дорог. По одной можно добраться верхом и даже с фургоном, прочие же преодолимы для людей подготовленных. Но и перекрыть их столь же легко.

– Думаете, охраняются?

– Практически уверена. Уильям – человек очень осторожный. Изворотливый. Беспринципный. А потому самый простой вариант – просто объяснить ему свой интерес. И предложить сделку. От денег он не откажется.

Деньги, как подозревал Чарльз, старый засранец тоже получит, усилиями Бишопов... которые... надо бы у матушки поинтересоваться, не приходится ли оные какой-нибудь родней Сассексам? Скорее всего, приходится. Там, если копнуть, все друг другу в какой-то мере родня.

– А я зачем?

– Затем, деточка, что... условия могут быть разными. Уильям... – в руках леди Элизабет появилась серебряная ложечка, которая описала по столу полукруг. – Ко всему прочему Уильям болезненно самолюбив. Незадолго до смерти... моего супруга он появился в доме. Пришел предложить мне убежище. Дом, меня достойный.

Голос все-таки дрогнул.

– Он клялся, что оставит всех прочих жен, что, если пожелаю, оставит и долину. Обещал увезти меня в Бристон. Многое обещал...

– Вы отказались?

– Я была замужем, – это прозвучало так, что и тени сомнений не возникло: сколь бы неудачным ни было замужество, но брачные клятвы для леди Элизабет – не пустой звук. – Тогда... он сказал, что будет ждать. Что однажды я пойму, сколь нуждаюсь в нем. И тогда приду сама.

– Вы...

– Милисента – моя дочь. Он помнит о ней.

– Помнит? – девица нахмурилась.

– Подарки на Рождество, – а вот братец её был куда более догадлив. – Это... он?

– Он.

– И ты...

– Уильям, может, не лучший человек в мире, но далеко не худший. С вами он может просто-напросто отказаться разговаривать. А вот Милисенту выслушает. Только...

Она замолчала ненадолго.

– Эдди, она должна вернуться обратно.

– Да, мама.

Данный текст был приобретен на портале Литнет (№ 34092622 20.05.2022). Литнет – новая эра литературы

Глава 4

В которой герои обсуждают разницу между Востоком и Западом, а еще заключают сделку

Рождество, стало быть.

Рождество я любила.

Рождество начиналось задолго до самого праздника с уборки, которая ненадолго оживляла дом, позволяя надеяться, что в этом-то году все станет иначе. И я с остервенением натирала жалкие остатки столового серебра, в котором и серебра-то не осталась. Переставляла посуду в шкафах. Скребла полы и драила окна, пытаясь добавить мутным стеклам хоть каплю прозрачности.

Потом мы с матушкой спускались на кухню.

Рождественский пудинг – это... это серьезно. Но в кои-то веки готовка меня не раздражала, как и церковные гимны мамыши Мо, которые та пела грудным низким голосом. И голос этот, кажется, проникал в самое мое нутро.

И дом наполнял.

...Рождество.

Изюм. Орехи. Цукаты. Шоколад, что появлялся на столе. Толстая индейка, запеченная с травами. И огромная ель, которую Эдди притаскивал в сочельник. Узор зеленых игл на полу. Запах хвои и праздника.

Подарки.

– Почему она мне не сказала? – спросила я, услышав, как застонал пол под весом Эдди.

– А это что-то изменило бы? – брат мой, который мог двигаться совершенно беззвучно, теперь ступал нарочито тяжело, заставляя старые доски петь и плакать.

– Не знаю. Но... я ведь придумала.

– Что?

Он сел рядом.

Старое наше место. Тайное. Тогда, много лет тому, я сюда убегала, чтобы не слышать раздраженного голоса отца, перекрывавшего все прочие голоса. Здесь, на чердаке, было спокойно.

И не пахло потом.

Спиртным.

– Историю. Будто где-то там, далеко, у нас с тобой есть добрый дедушка Уилли... он ведь так подписывался, да? И он живет. Он очень старенький, и потому не может приехать. Но однажды я соберусь и отправлюсь к нему в гости.

– Вот и отправишься, – хмыкнул Эдди.

...тогда, много лет назад, после очередного возвращения отца, я поднялась на чердак и обнаружила, что убежище мое занято.

– Наверное, глупо обижаться... почему она их передавала?

– Подарки? – уточнил Эдди.

Я кивнула.

...мы не дрались. Мы... смотрели. Я видела перед собой настоящего дикого орка, а он – девочку из хорошей семьи, ибо в присутствии отца мне следовало быть именно такой. А потому из сундуков доставались платья и панталоны, кушаки, платки и платочки, перчатки...

Как же я их ненавидела.

– Почему нет?

– Не знаю. Мне показалось, что она его... недолгобливает.

– Может, и так.

– Но подарки принимала?

– Подарки – дело хорошее.

Вот ведь. И понимает же распрекрасно, о чем я. Может, конечно, и хорошее, но...

– Помнишь, ту куклу? В платьице. Ты с нею спала. И ела. И вовсе не выпускала из рук? Она и сейчас у тебя сидит.

Сидит.

Ему жалко, что ли? И кукла... нет, в куклы я давно уже не играюсь, наверное, почти сразу после того, как Эдди взялся учить меня стрелять, то и бросила. Но мисс Китти – это не просто кукла.

Она красивая.

Чудесная.

И я помню свой восторг. И утро то помню. Отец, к моей огромной радости, не приехал. И потому утро было тихим. Снега насыпало по самые окна. И похолодало ощутимо. Пол кусался, но я кралась к елке, гадая, что мне принесли лесные духи.

А там...

– Думаю, мама просто... она такое позволить не могла, – Эдди вздохнул. Он был старше.

И умнее.

И... и тогда первым протянул руку, сказав:

– Ты слабая.

– Сам такой.

– Слабая. Я буду тебя защищать.

Причем произнесено это было низким рокочущим голосом, но я ничуть не испугалась, хотя никогда-то не видела прежде живого орка так близко. Но спросила:

– А перья дашь потрогать? И волосы заплести надо.

Волосы у него, как и у меня, были темными и жесткими, а еще все время норовили запутаться, но тогда он позволил расчесать себя. И я пытала, стараясь подражать матушке, чесала, разбирала пряди, ровняла пробор... как он только выдержал?

– А сладости... у нас никогда не хватало на сладости. Иногда... – он махнул рукой. – Но если не хочешь, оставайся.

– Ты же знаешь, что не останусь.

– Знаю.

– И... не из-за денег... та девушка, мне её жаль. Думаешь, вытащим?

– Постараемся.

Рядом с Эдди всегда было спокойно, и я позволила обиде исчезнуть. В самом-то деле, какая разница, кто присылал шоколад или медовые орешки? Главное, что на Рождество мы устраивали себе маленький праздник. И это мои воспоминания.

Что до остального, то... Эдди не позволит случиться плохому.

И я закрыла глаза, чувствуя, как в душе вновь воцаряется мир.

Чарльз не удивился, когда в дверь постучали. Он ждал и визита, и разговора, ибо было очевидно, что полукровке-орку что-то да от него, Чарльза, надо. И отнюдь не денег.

А потому ждал.

Еще тогда, за ужином, леди Элизабет сказала, что возвращаться в город смысла нет, что вовсе удобнее будет остановиться у них, пока дело не сладится, ведь дом большой и места в нем довольно. А Чарльз не стал отказываться.

Дом и вправду большой.

И гостевые комнаты в нем тоже имелись, правда, если кто в них и гостил, то давно. Нет, здесь было чисто. Ни пыли. Ни плесени. Лишь характерный запах застоявшегося дома. Рассохшийся пол. Обои в трещинах. И старая кровать. Матрас соломенный, но солома свежая.

Ждали?

Готовились?

К чему?

– Можно? – поинтересовался Эдди. – Поговорить надо.

И бутылку поднял. Мутного стекла и вряд ли стоило надеяться на приличный брэнди, а вот орочий самогон – не совсем то, что пьют джентльмены. Хотя, как оказалось, на вкус самогон мало уступал брэнди, а местным реалиям соответствовал куда лучше.

– Думаете, завтра будут сложности?

– Будут. Непременно, – Эдди покачал кресло, прислушался к скрипу и, поморщившись, опустился на пол. – Не бывает, чтоб вовсе без сложностей.

Чарльз кивнул.

Но на пол садиться не стал. Впрочем, как и на стул. Местная мебель вызвала у него некоторые сомнения. А вот кровать выглядела достаточно прочной, чтоб не развалиться под весом его.

– Договор? – Эдди протянул руку. – Я вытаскиваю твою сестру. Ты помогаешь моей.

– В чем?

Чарльз прищурился. Что-то... нет, девица была неплохой и по-своему интересной, экзотичной весьма, однако это еще не значит, что он должен на ней жениться. А кажется, именно это и имелось в виду.

– Заберешь её отсюда, – Эдди отхлебнул из бутылки и поморщился. – К себе. На Восток. Найдешь ей мужа.

– Гм...

– Им здесь не место. Ей точно. Матушка... к ней заглядывает один тут. Я с ним побеседую... ежели чего, – он бухнул кулаком по полу и

пол загудел. А Чарльзу представилось, что после этой беседы человек, коль намерения его в отношении леди Элизабет недостаточно серьезны, отступится. – И с ней. Если захочет... но не захочет. Не станет возвращаться. Гордая. А Милли тут не место.

– Почему ты так думаешь?

Вот не выглядела эта самая Милли сколь бы то ни было неуместной. Скорее уж наоборот, здесь она более чем дома, тогда как на востоке... Чарльз попытался представить её в матушкиной гостиной и с сожалением был вынужден признать: не столь и богатое у него воображение.

– А что её здесь ждет? – Эдди вновь протянул бутылку, и на сей раз Чарльз не стал отказываться.

Самогон был... скажем так, не коньяк и не бренди, но и не то дерьмо, которым торговали в местном салуне.

– Или подстрелят, или влюбится в какого поганца. Не известно, что хуже.

– Думаешь, на востоке поганцев нет?

– Хватает, но... там её не продадут в бордель. Или оркам. Или еще кому... я ведь... работа такая. Сегодня живой, а завтра пулю в лоб и что дальше?

В голове зашумело. И Чарльз признал, что пуля во лбу – так себе жизненный план.

– А если случится вдруг что, то завтра же дом полыхнет. Многие тут на неё злые. Гордая больно. Дерзкая. И языкая без меры. Найдутся, которые захотят поучить.

Эдди вновь приложился к бутылке.

И рыкнул.

От голоса этого у Чарльза по спине мурашки побежали.

– Там, глядишь, шанс будет... и дар у неё сильный.

– Дар? – а вот это меняло дело. И Чарльз мысленно обругал себя: почему не присмотрелся? Привык, что на фронтире маги, коль и встречаются, то редко. Впрочем, на востоке их тоже было не так, чтобы много.

А уж среди женщин и подавно.

– От матушки унаследовала... думаю, что от матушки. Правда... – тут Эдди несколько замялся, глянул исподлобья, будто оценивая Чарльза, решая, сколь стоит ему доверять.

...от матушки вряд ли. Прекрасная леди Элизабет несла в себе искру дара, но слабую. Её-то Чарльз и увидел лишь потому, как приглядывался.

— ...отец из обычных был. А она от... уродилась. Но тут мы не особо узнавали. Сам понимаешь, узнает кто и...

...девушка с сильным даром — редкость. А уж в местах нынешних, если подумать, то вовсе небывалая.

— ...даже я не сумею уберечь. Но дар крепчает, прорывается...

— Как давно открылся?

— Да... от как в возраст стала входить, — уши Эдди запунцовели, что было по меньшей мере необычно. — Она тогда сарай дальний спалила... из-за папаши. Матушка её учила, но...

Чарльз потер переносицу.

И поглядел на орка, который с видом презадумчивым покачивал бутылку. Содержимое её бултыхалось, и звук этот удивительным образом вписывался в стрекот сверчков.

— Ей нормально надобно, — сказал Эдди. — Пока еще держалась. Пряталась. А месяца два тому брала одного... умника... прохвост еще тот, но за голову две сотни обещали. Неплохо, да... я не знал. Тоже был на деле, а она заприметила. Пошла следом. Ходит Милли хорошо... затеяла знакомство, думала взять по-тихому, а этот решил, что, раз девка, то и руки распустить можно. Уж не знаю, чего там у них вышло, но сдавать шерифу было нечего. Одни головешки остались.

Чарльзу подурнело.

Выходит, девчонка не просто маг, но... сжечь человека не так просто, как полагают некоторые. Более того, люди горят с трудом, а уж до состояния головешек довести и вовсе...

— Перенервничала она, — Эдди явно оправдывался.

— И... что... суд?

— Какой суд? — искренне удивился Эдди.

А Чарльз сунул пальцы под галстук.

— Прикопали по тихому и все. Сам виноват.

— Ты... понимаешь, что... — Чарльз махнул рукой, вдруг осознав: нет, не понимает. Его собеседник любит сестру, как любит и матушку, которая ему явно не родная, но упоминать о том не стоит, ибо ни к чему нервировать хорошего человека.

Нечеловека.

И глубоко плевать этому вот нечеловеку и на пакт Пульмана, ограничивающий использование сил мага. И на все уложения Кодекса. И беспокоит его вовсе не факт убийства, которое он, к слову, не считает чем-то из ряда вон выходящим, если говорит о нем с такой бесхитростною простотой, сколько судьба сестрицы. В том плане, что пару ей и вправду найти не получится.

Мужа-то сжечь сложнее, чем какого-то там мошенника.

И вот...

– Я не дурак, – тихо произнес Эдди, и губа его задралась, а в полутьме блеснули клыки. – Но здесь свои законы. И у кого сила, у того закон.

– На Востоке все несколько иначе.

– И это понимаю. Я знаю, что дар у женщин – редкость. И гарантия, что этот дар перейдет детям. А потому мужа ей сыскать будет куда проще, чем здесь.

...и желательно, тоже одаренного. В достаточной мере, чтобы не превратиться в кучку пепла после какой-нибудь супружеской ссоры.

– Она добрая. Ласковая. И матушка её хорошо учила, только тут эта вот... учеба никому не нужна. Скажи нашим, что для рыбы особая вилка нужна, так на смех поднимут. А то и пулю всадят.

– За что?

– Чтоб не выпендривался, – чистосердечно сказал Эдди. – Возьми её с собой. Найди мужа. Нормального.

– А... она согласится?

– Согласится.

Вот насчет этого были у Чарльза кое-какие сомнения.

И не только насчет этого... но их Чарльз разумно оставил при себе. А протянутую руку пожал, скрепляя договор.

Глава 5

О магах, силе и окрестных пейзажах

Выезжали засветло.

Эдди заседлал лошадок, матушка собрала сумки, а я оружие проверила. Наше. К графчику, который прямо с утра на меня выпялился, будто диво дивное узрел, лезть не стала. То ли испереживался человек за ночь, то ли просто не выспался, мало ли. Главное, что сделался он нервозен до крайности.

А чего тут?

Поздно уже переживать.

Но хотя бы в седло сам забрался, а то ведь с этих, которые с востока, всякого ожидать можно. Эдди, склонившись, подставил лоб под матушкин поцелуй, как делал всегда.

На удачу.

— Будьте осторожны, — сказала матушка, а потом тише добавила. — Не бойся, милая. Уильям не причинит тебе вреда.

Ну... оно-то, может, и так, но как-то слабо в это верилось. Да и усвоила я уже, что у каждого человека свое понятие о полезном.

Поехали.

Эдди впереди. Я за ним, а Графчик наш следом. И главное, едет да спину взглядом сверлит, прям того и гляди насквозь просверлит. А я чего? Я будто и не замечаю. Только пояс с револьверами поправила, на всякий случай.

И главное, не понятно... и не спросишь.

Усилием воли я отрешилась и от графчика, и от взгляда его. А там и отсекала внешнее, мешающее, сосредоточившись на силе, что норовила выплеснуться волной, но мне-то иначе надобно.

...потихоньку.

Потихоньку сложнее всего, и книжка, Эдди купленная у нашего мага, если и помогла, то слабо. То ли не так я её прочла, то ли сила моя была иного свойства, но...

...пусто.

Тихо.

Стая койотов улеглась возле обглоданной бизоньей туши. Хитрый лис прячется в кустах. Пара тетеревов... мелочь лесная, вроде молодого зайца, что спешит уйти прочь. Нет, людей нет.

Кроме тех, которые рядом.

Я заставила себя дышать ровно, как в книге писано. Вдох. И выдох. И вдох. И силу почувствовать. Правда, с последним как-то не очень получалось. То дыхание сбивалось, то сила норовила вырваться.

— Если позволите... — от этого голоса я вздрогнула и едва с седла не свалилась, а со мною даже в годы юные этакое не приключалось. — Вы слишком стараетесь. Чересчур контролируете все. Ясно?

— Нет, — я руку на револьвер положила, показывая, что к задушевному разговору не расположена.

И вообще, откуда он...

— К слову, скрывать свою ауру у вас получается отлично, — графчик подъехал ближе. — Признаться, даже я сперва не понял, что вы одарены.

Лучше бы и дальше не понимал.

Нет, теперь-то, в одежде обыкновенной, он на человека похож сделался. Только кожа чересчур вот белая да волос светлый уложен аккуратно. И как у него выходит-то? Даже под шляпою прическа не растрепалась.

Ишь.

И улыбается. Этак... подозрительно дружелюбно.

— Оттого и удивительно. Работа с внешним слоем ауры требует высочайшего уровня контроля, и далеко не все маги способны скрывать свою одаренность...

— Это не я, — руку с револьвера я убирать не стала. — Это Эдди.

— Ваш брат?

— Ага... домой съездил. Камушек привез. На веревочке, — зачем-то уточнила я, глядя, как меняется выражение лица этого вот... графчика.

А ведь мне с ним ехать.

Потом.

Когда все закончится.

Нет, можно, конечно, и не ехать. Кто меня заставит? Точно не Эдди, но... он прав, если не во всем, то во многом. Может, нравом я и не удалась, но душой никогда-то не была.

– Вы... имеете в виду... орочий талисман? – тихо, будто тут было кому, кроме койотов, подслушивать. Хотя... тишину разорвал протяжный крик падальщика, от которого вздрогнули уже и лошади, и этот вот, белобрый.

Я же молча вытащила камушек, который Эдди самолично повесил мне на шею, а веревку завязал тем самым узлом, который и сам вряд ли бы распутал. Веревка же из буйволиной кожи плетеная и тоже не простая. В общем, как я подозревала, снять этот камушек можно, лишь голову мне отпиливши.

– Удивительно... – графчик склонился ко мне и сам едва не свалился, правда, сумел-таки удержаться. – Признаюсь, на востоке порой случается кое-что купить, но... о магии орков там ходят разные слухи.

Я кивнула.

– С ним легче, – камушек был обыкновенным.

Беленьким, гладеньким, слегка кривоватым и с дыркой, которая явно не сама собою возникла. Его хотелось гладить и к коже он льнул, успокаивая. Иногда камень раскалялся, а порой делался вовсе холодным, но я привыкла.

С ним хотя бы сила успокоилась, а то ведь так и норвила выплеснуться.

Графчик же потянулся к седельным сумкам, явно надеясь вытащить из них что-то нужное, но после передумал. И то верно, дорога становилась уже, а из сухой травы стали подниматься узкие спины горных перевалов. Пока они гляделись как камни, что прорывали хилую шкуру земли, но я знала, что постепенно камней станет больше, а после они и вовсе сольются в темно-бурое, словно освежеванная туша, тело Драконьей скалы. Эдди рассказывал, что когда-то здесь и вправду водились драконы. Он даже зуб как-то притащил, преогромный, и мы его хранили, а потом показали матушке, а она сказала, что это не дракон, но древний зверь из тех, которые давным-давно вымерли. Сначала было обидно, но потом мы покумекали и решили: почему бы древнему зверю драконом не быть? То-то и оно... Скалы тут не сказать, чтобы вовсе непроходимые, если знать дорогу, то можно и на ту сторону перебраться. Правда, ничего-то хорошего там нет.

За хребтом начинались земли сиу, а те к чужакам относились... в общем, хорошо, что горы высокие.

– Гм... полагаю, он выполняет роль искусственного стабилизатора потоков, – глубокомысленно заявил графчик и нос поскреб. Шляпу-то он взял модную, с узенькими полями, а потому, хоть и сидела она преотлично, но тень давала слабую.

Вона, нос уже покраснел, а к вечеру и вовсе сварится.

Сказать, что ли?

Или... Эдди как-то обмолвился, что не стоит мешать людям самоубиваться.

– Однако вам все одно надо учиться.

– Надо, – согласилась я.

Вот кто бы спорил? Я ведь... одно дело, когда вспыхивает урод, который накинуд тебе на шею удавку, и давит, зная, что никуда-то ты не денешься, а еще нашептывает на ухо всякое-разное про то, что с тобою, придавленной, сотворит. Его не жаль было. Но вместе с тем не отпускала мыслишка, что, если вдруг в следующий раз сила вырвется на другого человека? Такого, который не заслуживает быть сожженным? Или вообще...

...Эдди.

И матушка.

Мамаша Мо, порой доводившая меня до белого каления своими гимнами, распевать которые она повадилась на рассвете, а дом наш старый. Пастор, тоже надоедливый, пенявший меня за отсутствие набожности и поведение, неподобающие приличной девице... сам-то он человек неплохой, но работа такая. И что если... или вот Сэлли, дочка Доусона? Вечно она надо мной посмеивается да со своими подружками.

Проклятье.

– Главное – сохранять душевное равновесие, – графчик оживился, верно, решив, что, если тут вокруг тихо, то и поболтать можно. – Помнить, что ваша сила не причинит вам вреда.

– Не хватало, – буркнула я.

– История знает всего несколько примеров, когда сила разрушила носителя, но это скорее исключение из правил.

– Утешает.

Я опять прислушалась к себе.

И на Эдди поглядела. А тот обернулся и кивнул: мол, все спокойно. Что ж, раз так... сила силой, но Эдди я верила больше, чем себе. Он умел слышать.

— Гм... да... пожалуй. В общем, не пытайтесь её сдерживать.

— Рехнулся?

Да если я сдерживать не стану, от него кучка останется... останется. Небольшая такая. Прошлая в шляпную коробку влезла, которую матушка потом искала, а я соврала, будто её крысы попортили. О происшествии мы с Эдди решили матушке не говорить.

Переживать ведь станет.

— Отнюдь, — сказал графчик.

— Мистер...

— Чарльз, — прервал он. — Раз уж нам предстоит общее дело... да и ваш брат вчера... уж не знаю, говорил ли он...

— Что хочет спровадить меня отсюда? Говорил.

— В таком случае, отлично. Так вот, как правило к обретению дара готовят. Всех. Учат основам, но вы...

— Меня не учили.

Нет, когда-то давно матушка что-то там говорила про правильное дыхание и мы даже дышали на счет, это казалось удручающе нудным, хуже даже игры на клавесине.

Клавесин хотя бы смешно дребезжал, а дышать...

— Это я заметил. Сила часть вас. Как сердце или легкие. Вы ведь не пытаетесь контролировать работу сердца? Представьте, если бы пришлось вам следить за каждым его ударом.

— Свихнуться можно, — я представила и согласилась.

— И сила — то же самое. Ей нужна свобода.

— А сгореть не боитесь?

— Ничуть. Та сила, что течет через вас, именуется в классической науке силой сырой, природной. Любое живое существо, орк ли, человек ли, бледноволосый ли сиу, даже высшие животные и те способны пропускать сквозь свое тело силу.

— То есть, моя лошадь — маг? — поинтересовалась я. А разговор и вправду интересный. В той книжке, конечно, что-то там говорилось, но на диво замудрено.

— Нет. Сейчас установлено, что общий процент одаренных не так и велик. Среди людей способностями оперировать сырой силой

обладает едва ли каждый сотый. У орков – каждый десятый. У сиу...

– Каждый, – отозвался Эдди.

– Каждый третий.

– Каждый, – ухо братца дрогнуло. – Просто не все хотят.

– В каком смысле?

Вот ведь, и надо было влезать в наш разговор? Хорошо ведь ехали. Я училась... честно, я люблю учиться. И читать сама стала, и писать. Правда, матушка говорит, что, поскольку, училась я сама, то и почерк у меня сложился такой, который прочесть способен лишь Эдди. И даже пыталась переучивать, но после сдалась, заявив, что я слишком упряма.

Упряма.

Так и есть.

– У них меньшие колобродят, – сказал Эдди, перекидывая винтовку поперек седла. Он нахмурился, вглядываясь во что-то впереди. И я вгляделась, но ничего-то помимо скал, что поднимались все выше и выше, и уже прорезались красной короной хребта, не увидела. – А старшие, те больше земли берегут. В леса от свои уходят. И силу, копь используют, то чтоб дороги отвести, да... а меньшие, они глупые, им войны охота.

– Гм... не буду спорить.

И правильно. С Эдди спорить, что с козлом бодаться, оно, конечно, никто не запретит, да только толку мало. Мне ли не знать.

А на восток я поеду.

Поучиться.

А как научусь, стану магом, так и домой вернусь. Муж, дети... не мое это. Вот совершенно. Только Эдди о том говорить не стоит, ибо... в общем, по той же причине, по которой спорить бесполезно.

– Итак, возвращаясь к нашей теме, – проблема сиу графчика заняла ненадолго. И он про меня вспомнил. – Обычные люди, пропуская энергию мира через себя, этого не чувствуют. Разве что, если вдруг окажутся в местах магических аномалий, где уровень внешней силы ничтожно мал, то ощутят некоторое неудобство.

И переносицу красную потер.

Это он зря.

Но с другой стороны, матушка бальзам свой положила, так что, как шкура полезет, а она несомненно полезет уже к вечеру, так и

намажу. Я добрая.

– Также они, как и животные, способны ощущать места с повышенным уровнем энергии. Именно в таких и возникали первые города и селения. Впрочем, некоторые ученые утверждали, что дело именно в животных, которых вокруг источника было множество, а уже древние люди приходили следом. И оставались. Не суть важно. Главное, сама энергия мира оказывает на тело и сознание людей влияние самое благотворное. Рядом с источниками люди редко болеют, дети рождаются сильными, здоровыми... в общем, сплошная польза.

Я кивнула.

Источники... помнится, возил меня Эдди к одному такому, который из скалы пробивался. И было это там, куда соваться одному не следует. Но с Эдди можно. У Эдди в волосах не зря перья кардинала. Он, может, и не маг, и не спалит никого, но видит больше, чем я.

Правда, болтать о том не след.

– Маги отличаются от обычных людей способностью накапливать внешнюю силу в себе, а также преобразовывать её в иные формы энергии.

Об этом в книге тоже писали.

Теперь я понимаю. Но как-то хитро писали, что раньше не понятно было, а теперь вот и дошло. Тут я кивнула. А где-то высоко вновь заорал сип, и другой ему ответил. А перед нами встала темно-красная скала.

– Как-то... здесь неуютно, – сказал графчик и поежился.

А то...

Места ведь дикие.

Глава 6

Где обитатели Змеиного дола встречают гостей

Скалы.

Вот никогда-то Чарльз горы не любил, даже те, облагороженные, подчиненные воле человеческой, где встал известный ныне курорт «Снежные выси». Выси там... были выси.

И острые пики, укрытые сине-зелеными палантинами льдов. И снег имелся. И аккуратные домики, где к услугам гостей было... чего там только не было. Но даже там, сопровождая матушку и Августу, которая как раз-то к горам относилась с детским восторгом, Чарльз чувствовал себя до крайности неуютно. Все ему казалось, что, опутанные пеленой заклятий, стабилизирующих породу, эти горы вот-вот очнутся. И встряхнутся, и...

В общем, в следующий раз матушка отправлялась в сопровождении дальней родственницы и трех её сыновей, которые к горам относились безо всякого предубеждения. А Чарльз трусливо отговорился собственной занятостью.

Нет, он был занят, но...

Здесьние горы стабилизированы не были.

Здесьние горы и не старались притвориться хоть сколь бы то ни было цивилизованными. Они поднимались красно-бурой стеной, словно прорываясь оттуда, снизу, разодрали жилы земные и перемазались кровью. Она, спекшаяся, покрывала камни.

– Тут остановимся, – Эдди спешил первым и огляделся. – Там дальше дорога неудобная.

И винчестер в руке подбросил.

А Чарльз едва сдержал облегченный выдох. Нет, он понимал, что придется ехать, что в горы, что через них, но... он был рад отсрочке, пусть и недолгой.

И было стыдно за эту радость.

Августа... Августа, верно, не надеется, что её ищут, что... и каждая минута промедления оборачивается для нее... чем?

Сверху раздался протяжный нервный звук, будто по стеклянной струне ногтем провели.

– Падальщики, – Эдди прищурился. – Есть хочешь?

Есть не хотелось совершенно. Стоило спешиться, и Чарльз с удивлением понял, что недолгий этот переход дался ему с трудом. Ноги ныли. Спину ломило. А ведь он неплохо держался в седле, только, выходит, этого мало?

Он ослабил подпругу, но конь лишь фыркнул и отвернулся.

– На от, – Эдди протянул флягу. – Пей. Тут скоро источник, можно будет свежей набрать.

Собственная фляга Чарльза опустела, и за это тоже было стыдно. Он вдруг явственно осознал, что здесь, в тени огромных гор, не имеют значения ни титул его, ни образование, которым он гордился, ни даже орден Алого сердца, врученный Его императорским Величеством лично. Что горам и пескам, расстилавшимся по обе стороны их – а Чарльз не поленился, отыскал в прикупленном атласе карту окрестностей – глубоко насрать и на вереницу благородных предков, и на Бархатную книгу родов, и на то, что он, Чарльз, является третьим по силе магом в Штатах.

Сипам, впрочем, тоже.

Над головой мелькнула огромная тень, и Чарльз едва удержался, чтобы не пригнуться.

– Живых они не тронут, – его страх не остался незамеченным. Впрочем, глядел Эдди без насмешки, за что Чарльз был ему благодарен. – Разве что ослабеешь крепко. Вот слабых добивают. Если койоты или волки не успеют раньше.

По спине поползла струйка пота.

И что-то мерзонькое очнулось в душе, нашептывая, что Чарльзу вовсе не обязательно ехать самому. Зачем? Можно ведь нанять... предложить больше денег. Или еще что-нибудь. Денег у него хватает. А стало быть...

Он отряхнулся и воды глотнул.

Теплая.

И сладкая.

– Спасибо.

– Ничего. Это по первости так, – Эдди флягу принял и убрал на пояс. – Сюда многие приезжают.

– Сюда?

– В город. Он ведь не зря Последний путь, там дальше Дикие земли. Вот и кажется многим, что там свобода. И творить можно, чего душе угодно. И счастье. Или богатство. С богатством-то проще, там хотя бы быстро понимание приходит, что золота тут, конечно, можно найти, да только проблем на задницу куда скорее.

Эдди сплюнул.

– А вот с романтиками хуже... эти до последнего... помирают, но верят в лучшее будущее.

– Разве это плохо? – уточнил Чарльз, скорее ради поддержания беседы, чем из желания поспорить.

В молчании просто остро осознавалась собственная неуместность.

– А чего хорошего?

Эдди, кажется понял, для чего этот разговор.

– На деле-то выходит или шею человек свернет по-за дури собственной, или выживет и дурь эту будет другим насаживать. Он, как твой этот... Змей.

– Не мой он.

– Не важно, – Эдди задрал голову и прищурился, пытаясь выглядеть что-то там, в высоте. – Главное же ж тоже он, строил, за идею. А вышло что?

– Что? – уточнил Чарльз.

– Не понятно что, – он махнул рукой. – Милли, ты как?

– Нормально, – Милисента уселась на камень и вытянула ноги. Ноги были длинными, но Чарльз изо всех сил старался не пялиться. Как-то оно невежливо, да и понято может быть превратно. – Парит сегодня. К грозе.

Чарльз поглядел на небо. Небо было чистым и прозрачным, и даже тени хищных птиц казались размытыми, неявными.

И какая гроза?

– Будет, – подумав, согласился Эдди. – Но и лучше, глядишь, в грозу и не погонят.

– А могут?

– Могут. Их земля. Их правила.

Чарльз заскрипел зубами.

Правила... был ведь закон. Императорский. Кодекс, что уголовный, что мировой, которому обязаны были подчиняться все граждане Свободных штатов, да только что-то подсказывало, что горам и людям, в них обретавших, плевать было еще и на кодекс с законом вместе.

– Но в грозу не принято. Или в снегопад. Или еще если чего приключится, – Эдди присел рядом. – Ноги разомни, а то судорогой сведет. Милли! Намажь ему рожу.

– Не надо!

– Обгорел весь, – ласково произнес Эдди.

Чарльз осторожно потрогал свое лицо. И ничего не почувствовал, разве что щеки горячие и нос немного чешется.

– На от, – Милли кинула на колени банку. – Мажь погуще, а то облезешь.

Спорить Чарльз не стал.

А хотелось.

Вскочить. Высказаться... резко высказаться. Потребовать почтения. Уважения. И... и он молча открутил крышку. Бальзам был густым и пах травами. И в прикосновении холодил. Прохлада эта проникала сквозь кожу, успокаивая.

В самом деле, что это он.

– Приспособишься, – ободряюще сказал Эдди и по спине хлопнул. От души. Чарльз даже пополам согнулся, но выдержал. А Эдди столь же оптимистично добавил: – Если выживешь, конечно.

– Очень... – произнес Чарльз сквозь сцепленные зубы. – Хотелось бы.

...узкая тропа поднималась выше и выше, и в какой-то момент Чарльзу даже показалось, что еще немного и они выберутся на самую вершину этих треклятых гор, которые расступились, но ровным счетом для того, чтобы места хватило на одну тропу. И пока ехали, Чарльз не мог отделаться от мысли, что с гор этих станет сдвигаться.

Или сбросить пару-тройку камней, запечатывая проход.

Или...

Но тропа вдруг резко повернула и стала спускаться. И главное, спуск был куда более отвесным, чем подъем. Становилось темнее.

Холоднее.

Нервознее. Но вот снова поворот и...

Грохот выстрела оглушил Чарльза. Истошно заржал жеребец, норовя подняться на дыбы, но Чарльз как-то справился.

– Не шали, – загрохотал голос Эдди, добавляя ушам боли. Этак Чарльз и оглохнет ненароком.

– Гостей не ждем, – отозвались откуда-то...

Сверху?

Сбоку?

– Откажете путникам в приюте? – сказано это было с немалою издевкой. И тот, кто скрывался в скалах, откликнулся:

– Гостей не ждем.

– Ишь, заладил, – произнес Эдди в полголоса. – Не ждут... где их ждут. Мы неожиданные гости. Ну да...

Он откашлялся, а после поднял руки так, чтобы видны были.

– Я с миром! – голос Эдди, отраженный скалами, заполнил узкое ущелье. – Нам надо увидеть Великого змея.

Несколько мгновений ничего не происходило. И Чарльзу даже подумалось, что вот сейчас их развернут, что скажут, будто Змей этот никого-то видеть не желает, что...

– Езжайте по одному, – отозвались сверху. – Я за тобой слежу.

– Я за тобой тоже, – Эдди шлепнул коня по шее, и мрачного вида жеребец порысил по тропе. Конь Чарльза двинулся за ним, не дожидаясь команды, что явно показывало, сколь высоко он ценит опыт наездника.

Чарльз попытался было нащупать стрелка, но...

Горы слева.

Горы справа.

Камни, которые соединялись с камнями. Глубокие тени. И солнце, что, пробиваясь в узкую расщелину, ослепляло до слез в глазах. В общем, оставалось надеяться, что Эдди стрелка видит.

И вообще понимает, что тут происходит.

А дорога стала шире, ровнее. Горы вовсе закончились как-то вдруг, словно кто-то провел черту, за которую им невозможно было ступить.

Их ждали.

Трое.

Крепкие с виду парни. При оружии, но... маги. Они и не думали скрывать ауру, напротив, сила клубилась над ними, словно предупреждая, что револьверы – это так, ерунда.

Эдди остановил жеребца и приложил пальцы к шляпе.

– Доброго дня, господа, – сказал он вежливо и даже поклон изобразил.

– Доброго дня, – ответил усатый тип хмурого вида.

– Как жизнь, Мэтти?

– Благодарю, не жалуюсь, мистер Годдард, – отозвался тип. – Вы к нам в гости или по делу?

– Боюсь, гостям вы не рады.

– Увы, – Мэтти развел руками, словно извиняясь. – Далеко не все гости приходят с добром. Вот и приходится... встречать.

– В целом или случилось что?

– Случилось, – Мэтти помрачнел и покосился на спутников своих, которые стояли молча и неподвижно, так, что вовсе закрались было сомнения, люди ли они. – Непокойно стало... ходят слухи, что Хромой Пью собирает друзей...

– А у него есть?

– Стало быть, есть. Желают дельце провернуть. Крупное. А какое, увы, узнать не удалось. Может, сюда пойдут, а может, еще куда.

– Спасибо, – Эдди снял шляпу, и показалось, что благодарит он вполне искренне. – Я передам шерифу. И остальным тоже.

– Не за что. Дети Великого Змея не враги людям, – Мэтти осклабился и добавил. – Нелюдям тоже... вы, стало быть...

– Побеседовать, – Эдди поднял руки, демонстрируя, что безоружен. В данный момент времени. – Могу я...

– Конечно. Тебе тут рады...

– Я уже понял.

Как-то вот эта радость с выстрелом казалась Чарльзу несколько сомнительной. Но кто его спрашивал.

– А с тобой кто?

– Сестра моя. Или не узнал?

– Увы, виноват, – Мэтти приподнял шляпу. – Простите, мисс...

– Ничего, – Милли дружелюбно улыбнулась. – Могу я спешиться? А то притомилась ехать.

– Если бы ваш брат удосужился предупредить о визите, мы бы отправили коляску. Не дело юной госпоже так долго ехать верхами, – и это было сказано с полной серьезностью. – Буду рад гостям в моем доме, что до дела, то отец примет вас вечером.

Чарльз открыл было рот.

И закрыл, сообразив, что уж его-то тут слушать никто не станет.

– И скажи приятелю, чтобы вел себя прилично, – счел нужным уточнить Мэтти, убирая руки с револьверов. – У нас тут не восток, порядки строгие.

– Думаю, он уже понял.

Глава 7

О хороших гостях и добрых хозяевах

Змеиный дол представлялся мне иным. Вот честно. В городе чего только не болтали. Нет, я понимаю, что болтать там горазды, болтать там любят, но вот... все одно.

Миссис Гроббер, которая мясную лавку держала и отличалась на диво склочным норовом, сказывала, будто бы все бабы тут общие.

И мужики общие.

И все общее. И машманы только делают, что свальным грехом занимаются. А порой и скотоложством. Правда, девочки Бетти поговаривали, что, наверное, только скотоложством, ибо в бордель машманы не заглядывали вовсе, а стало быть, нормальными отношениями не интересовались. И с чего бы оно? Вот то-то же... впрочем, ни им, ни миссис Гроббер я не слишком верила.

Но было... интересно.

И что сказать?

А ничего.

Чисто тут. Аккуратно. Домишки будто с картинки, небольшие, но на диво пригожие. Со ставенками резными, с низенькими заборчиками и, диво дивное, с цветами. Да не обыкновенными, которые росли у всех, а какими-то... помнится, у матушки тоже розовый куст был.

Пока папаша не спалил его по пьяни.

Случилось это незадолго до его смерти, а потому куст я помнила распрекрасно. Эти цветы были другими, но тоже красивыми.

Это ж до чего благостно-то люди живут, если им на цветы сил хватает!

А главное, что улицы не пустые. Прогуливаются мужики и не в лонгдогах, как оно частенько у нас случается, еще и заблеванных порою, но приличные. Иные в костюмах даже, в черных, аккурат, что у судьи нашенского. Один даже на часы глядел.

Охренеть.

Второй раз я охренела, уже оказавшись внутри этого от домишки, что гляделся прямо-таки кукольным. Помнится, у Салли, дочери

шерифа, был такой, который её папенька ажно из Бристона выписал. И все-то приходили глядеть.

Я тоже приходила.

Потом спала месяц беспокойно, все мне снились аккуратные розовые комнаты с будто бы настоящей, но крохотной мебелью. И журнал, где сказывалось, как надо правильно ледью быть.

То есть леди.

Но...

В общем, внутри этого от домишки было почти как там, разве что мебель человеческая, а так... пахло цветами и корицею, и свежими булками. Но полы устилали красивые плетеные циновки, на кроватях высились горы подушек, а стол...

– Дом гостевой, – сказал наш провожатый. – Вода в ванной комнате.

...и горячая. И сама ванна почти так же велика, как та, которая зарастает пылью в нашем особняке. Правда, наша на львиных лапах, а эта совсем без лап, на тоненьких ножечках, зато вода её наполняла. А я стояла, сглатывая слюну, и думала, до чего хорошо, когда дома вода есть.

– Я распоряжусь, чтобы о вас позаботились, – сказал провожатый и удалился.

Зато вскоре в дверь постучали.

И да, позаботились.

Женщины в черных платьях, до того скучных, что как-то оно не получалось представить, что эти вот женщины обретаются среди цветов, притащили огромные корзины со всякой снедью. И булки с корицей тут имелись, и вяленые окорока, рыба копченая, рыба жареная, а еще сыр, творог, масло и даже горшочек с темным горным медом.

В общем, счастье.

– Мне тут нравится, – сказала я уже потом, позже. Сперва-то в ванну залезла и лежала там, пока вода вовсе не остыла. А потом уже, переодевшись в чистое, и до стола добралась. – Кормят славно. И вода есть.

Эдди тяжело вздохнул, а Чарли отвернулся, будто я чего-то не то ляпнула.

А что?

Вона, если для гостей дом такой построили, хотя... странно, конечно, какие тут гости? Машманы чужаков не любят, это все знают.

А дом гостевой держат.

Я отрезала ломоть ветчины, плюхнула поверх свежего мягкого хлеба, накрыла толстым куском сыра. И покосилась на графчика, который сделал вид, что мои привычки его нисколько не интересуют. Вспомнилось вдруг, что матушка не одобрила бы.

Матушка учила меня есть с изяществом.

Но матушки тут не было.

– Их сопровождали, – сказал Чарли, который ел медленно и аккуратно, что матушкин кот, который, даже после недельного загула, делал вид, будто он вовсе даже не голоден, а рубленого лосося принимает исключительно из вежливости. – Женщин.

– И правильно, – я пожала плечами. – А вдруг бы мы чего плохого захотели?

Вона, даже Бетти своим шлюшкам сопровождение выделяет, если случается их послать куда. А они у ней куда как серьезные женщины, каждая знает, с какого конца за револьвер браться. Но... женщины.

Тут я иллюзий не питала.

Если и были какие, то окончательно испарились вместе с тем хитрозадым ублюдком, который умудрился накинуть петлю на мою шею.

Шея заныла.

– Верно, – Эдди ел осторожно, сперва обнюхивая каждый кусок. И наверное, это было разумно, но... я все равно ничего, кроме запаха копченой ветчины не учуяла бы. – Но и на улицах женщин не было.

Чарли кивнул.

А я задумалась. И вправду ведь. Мужчины были, а... эти, в черных платьях, вошли незаметно, и смотреть смотрели исключительно в пол, и ни одна-то на нас не взглянула, что вовсе не нормально. Люди по природе своей любопытны, а тут... и ни слова, главное, даже не поздоровались.

Странно.

Мясо вдруг перестало казаться вкусным, а сыр и вовсе пресным сделался. Но доестъ я доела. И запила кислым ягодным отваром.

Поглядела на спутников.

И предложила:

– А не прогуляться ли...

– Не стоит, – покачал головой Эдди. – Нам ясно дали понять, что гостям здесь не рады.

Ага.

Но настолько ли, чтобы...

– Да и гроза скоро, – добавил он, прежде чем я озвучила свою идею. Гостям тут, может, и не рады, но одно дело, если все гулять попремся, и совсем другое, если пойду лишь я. Я ведь тоже женщина.

Бестолковая.

Любопытная.

И разве стоит меня опасаться? Но тут, словно отозвавшись на слова Эдди, за окном гроыхнуло. И стало вдруг темно да так, что показалось даже, будто треклятое небо не удержалось на звездных гвоздях и рухнуло к бисовой матери.

Про гвозди говорила мамаша Мо и с полной серьезностью, и даже учебник астрономии, стыренный в прицерковной библиотеке, её не переубедил. Учебником этим она мне по макушке стукнула, обложила матерно и велела обратно вернуть, да еще покаяться.

Вернуть я вернула, а каяться не стала. Да и что вернула, жалела. А потому, пожалев месяцок, назад забрала. В конце концов, им там он тоже без надобности. Кому в Последнем пути астрономией увлекаться? То-то же оно. В следующее мгновение крошечная тьма сменилась светом столь ярким, что у меня глаза заслезились. А грохот сотряс домишку от крыши до самых подвалов.

– Что за... – графчик нервно озирался и револьверы вытащил. Ишь ты, беспокойный какой.

– Гроза, – миролюбиво сказал Эдди. – Бывает.

– Мать твою... извините, леди, – револьверы Чарли убрал и прислушался. Там, за окном, на которое, между прочим, и стекла не пожалели, гремел дождь.

– Ничего, я привыкла.

Он отчего-то не успокоился, а лишь сильнее покраснел. А потом провел ладонью над круглым камушком, что лежал в углу, и тот вспыхнул ровным белым светом.

– Любопытно... – пробормотал Чарли.

И замолк, потому как опять гроыхнуло. На сей раз домик тоже вздрогнул. И графчик, и чего уж тут, я тоже, ибо грохот этот был

каким-то... особо грохочущим. До самых печенок достал, а то и глубже.

А грозы тут случаются.

Если бы спросил, я бы рассказала. И о тех, что приходят с востока, осторожные да тихие, предупреждающие о своем приближении загодя. От них небо темнеет, а на нем золотыми змейками расползаются молнии. Эти грозы предсказуемы.

Они дают время подготовиться.

Снять белье, запереть ставни, поднять защиту. Ну, когда было, чего поднимать. Но есть и другие...

Порыв ветра ударил в стену, и показалось, что вот сейчас не выдержит та, хрустнет, разлетится скорлупой яичною, но...

– Погодите... – Чарли встал и подошел к этой самой стене, положил на неё ладони и застыл так, а по стене поползли огоньки.

Я едва яблоком не подавилась.

А что? Я, как волнуюсь, всегда ем. Ну, когда еда под рукой имеется. Тут вот была. И яблоки неплохие, крепкие, сочные, но...

Я ткнула Эдди локтем в бок. А он лишь плечами пожал. Видит? Огонечки расползались и уходили в стену, а та... та будто бы менялась, но как – не понятно. Я чувствовала эти перемены.

– Защита, – Чарли обернулся. – Правда, инактивированная, но я поднял, так оно и вправду спокойнее будет. А то какие-то у вас тут и грозы дикие.

Это да.

С Запада грозы приходили иные. Они налетали вдруг. Просто небо темнело и рождало тучи, черные и густые, тяжелые. И те, клубясь, выплевывали молнии одна другой больше. Прошлой осенью такая в дом старика Грейва шибанула, так с того дома и угольков то не осталось.

И от старика.

Только и уцелел, что старый осел.

Но теперь и вправду звуки отдалились. Нет, молнии плескались там, снаружи, но как-то... будто в другом месте. Грохот грохотал, да только домишко больше не вздрагивал.

– Еще защиту поставил, а то мнится мне, высокое искусство нашим хозяевам знакомо и более того, используют они магию весьма часто, – Чарльз потер руку об руку. – Что вновь же...

Он замолчал ненадолго, а потом обошел комнатушку, отдельно останавливаясь у каждой кровати. А кровати и вправду были хороши. Железные. Натерты до блеску. С железными узорчатыми шишечками на штырьках. И не доски тут, а новомодные пружинковые каркасы, про которые матушка читала в журнале. А поверх каркасов тех – соломенные матрасы.

И перины.

Простыни белые, чистые да накрахмаленные.

Я пощупала, убеждаясь, что не ошиблась: так и есть, благородный сатин. Матушка, помнится, все вздыхала, что надо бы на платье прикупить, но дорого. Ей дорого, а тут, стало быть, на простыни изводят. И подушки пуховые. И одеяло...

Не понимаю.

– Не понимаю, – вслух сказал Чарльз, обойдя комнатушку. – С одной стороны дом мал и не сказать, чтобы удобен...

– Чего?! – искренне удивился Эдди.

Не удобен... да у нас дома-то циновки поплоче, не говоря уже о простынях или этих вот покрывалах, бахромою украшенных.

– У вас просто запросы невелики, – Чарльз произнес это, словно извиняясь. – Люди... иного достатка привыкли и к иному уровню комфорта. Хотя тот, кто обустроивал это место, старался. Скажем, здесь есть заклятье охлаждения, весьма актуальное в жаркую погоду. Или вот...

Он опустился на четвереньки и положил руки на пол.

– ...точно, пол теплый. При желании можно активировать, и тогда пол будет нагревать сам дом. Это, надо думать, для зимы. Стены укрепленные. Стекла высокой очистки, но при этом можно поставить полог и фильтровать количество света, проникающее внутрь. Освещение также на силе основано. Камней всего семь, что немного, но и не так мало. Есть...

Чарли поднялся, как-то резко, рывком и даже подпрыгнул на месте, крутанулся, чтобы уставиться взглядом в стену. И мы с Эдди уставились. Братец нахмурился и щеку поскреб.

Пока он не понимал.

Я тоже.

– Комод для одежды...

И преотличный, из тяжелого темного дерева, такой века простоит.

– ...и стол для работы. Зачем в гостевом доме стол для работы?

Это он про тот, который возле окна? Мне тоже не понятно. Места занимает изрядно, тут бы еще одну кровать поставить, но они эту громадину втиснули.

– И не просто стол... – Чарльз погладил темное отполированное до блеска дерева. – Он зачарован... попробуй открыть.

Эдди покачал головой и заметил:

– Мы в гостях. Негоже лазить по чужим вещам, – а потом благоразумно добавил. – Пока.

– Именно... дом гостевой, а... запоры хорошие. Заклятье Линдберга. Его еще часто в систему сейфов встраивают. Основано на переменности энергий...

Мы ничего не поняли, но кивнули.

Так, на всякий случай. А Чарли совсем уж разошелся. Он комнатнушку эту разве что не обнюхал, и в ванну заглянул, и даже в отхожее место, белое, красивое, такое и в гостиной поставить не стыдно будет, нос сунул, но там-то ничего, кроме воды, крашеной синим и отчего-то воняющей лавандой, не было.

– Вся эта... это слишком сложно для гостевого дома, – сказал Чарли и уставился на нас.

А мы на него.

– Если только... здесь не встречаются каких-то совершенно особых гостей, – добавил он тихо.

Глава 8

Где происходит встреча, но результат её вовсе не тот, на который рассчитывали

Чарльз поскреб шею.

Чесалась.

И нос зудел. И еще уши, но шея – как-то особенно сильно. Поневоле начинаешь задумываться, не подхватил ли чего-нибудь этакого в гостинице.

Или на привале.

Или...

Чарли шею потер, ибо зуд откровенно мешал сосредоточиться на важной, очень важной мысли. О доме... долине... само место... сеть сторожевых заклятий, укрывшаяся под дорогой, свернувшаяся змеиным клубком.

Еще одна, охранная, по периметру.

И вдоль ограды дома сигналка, да и сам дом непростой. Слишком уж много тут было всего.

В дверь постучали, спугнув мысль. А потом дверь открыли, пусть и заперта она была в том числе собственной печатью Чарльза. Это и заставило потянуться к револьверам. Не только Чарльза.

– Эдди, мальчик мой... – вошедший сделал вид, будто не замечает общего настроения. – А с последней встречи нашей ты стал еще больше! Когда же ты прекратишь расти?!

– Не знаю, мистер Уилли, – прогудел Эдди, руку с револьверов убирая.

И правильно.

Магу... во всяком случае этому конкретному магу пуля была не страшна. Чарльз подозревал, что не только пуля. Человек был невысок, сутуловат и окружен облаком силы столь плотным, что и дышать-то рядом было затруднительно.

– А ты, моя милая... как давно я тебя не видел, – этот человек раскрыл руки, но с объятьями лезть не стал. И верно. Милисента

разглядывала его с интересом, но весьма и весьма настороженно. – Обними же дядюшку Уилла...

– Дядюшку ли? – тихо заметил Чарльз, ибо именно в этот момент сходство гостя с Милисентой сделалось... почти невероятным.

– А это кто? Ах, да... вижу... весьма и весьма любопытно. Что понадобилось людям столь важным в наших краях?

Он был и вправду невысок.

Ниже Чарльза, а Эдди и до плеча не доставал. Худощав. Сухопар. Стар.

И возраст свой скрывать не пытался, равно как и подчеркивать.

Но одетый с нарочитой простотой в обыкновенный для мест нынешних темный костюм, Уильям Сассекс оставался собой – великим магом и аристократом.

– Что ж... давно пора было бы побеседовать, но я все откладывал и откладывал. Не хотелось причинять боль драгоценной Элизабет. Я и без того причинил изрядно, что ей, что миру.

Он махнул рукой и вытащил из-под полы флягу.

– Коньяк. Выдержанный. Еще оттуда привезенный. Не желаете ли?

– Сочту за честь, – Чарльз усилием воли заткнул в себе желание вцепиться в темное, загоревшее дочерна, горло. Во-первых, и вправду стоит поговорит, а во-вторых... Уильям Сассекс пришел один вовсе не оттого, что был человеком доверчивым, и потому не ждал от гостей подвоха. Скорее уж он четко осознавал собственную силу.

– Наливайте, – Эдди с грохотом подвинул стул, на который и уселся. – Матушка... передала вам.

Он протянул слегка помятый конверт. И Чарльз был готов поклясться, что эта вот мелочь, этот вот конверт несказанно смутил Сассекса.

Или удивил.

Или...

Его пальцы коснулись бумаги невероятно нежно. Он прижал конверт к губам. И вдохнул запах его.

– Извините, – теперь уж смутился Эдди. – Жарко было. Взопрел... малость.

– Бывает, – усмехнулся Сассекс. – Надеюсь, вы извините, но... прежде чем начинать беседу, я должен...

И вышел.

В темноту. В грохот дождя. В ветер и...

– Он нормальный вообще? – тихо поинтересовалась Милли, которая, кажется, не совсем понимала, что происходит.

– Все маги в той или иной мере нормальны весьма относительно, – счел нужным сказать Чарльз.

А Эдди кивнул и добавил:

– Чокнутые они. Чем больше силы, тем крепче крышу ломит.

– Сейчас полагают, что способность взаимодействовать с тонкой энергией мира многократно усиливает нагрузку на мозг человека, а стало быть...

– Чушь это, – оборвал Чарльза Сассекс, который вернулся бодрым и, кажется, весьма собою довольным. – Наливайте, господа. Что до официальной науки, то она любит строить теории. На особо удачных строятся новые, и затем еще одни. И в итоге некоторые теории, не будучи доказанными, принимаются за истину. Дело не в мозге и энергии, точнее не в той мере, в которой полагают ученые. Скорее уж здесь вопрос общей вседозволенности. А вы не станете отрицать, что магам в нашем мире позволено куда больше, нежели людям обычным.

Отрицать Чарльз не стал, но коньяк по стопкам разлил, правда, не забыв проверить. А то мало ли. Но коньяк, судя по отклику энергии, оказался просто коньяком.

Хорошим.

Отменным даже.

– Я привез с собой несколько бочонков, что было весьма разумным решением, – Уильям вдохнул аромат. – Элизабет просит помочь вам... что ж, сделаю, что в моих силах. Долги надо отдавать. Итак, слушаю...

Почему-то рассказывать о сестре этому человеку не хотелось.

Совершенно.

И потому рассказ получился сухим, вымученным. И... каким-то, будто не об Августе речь, но о посторонней не слишком умной девице, которую Чарльзу поручили спасти.

Надо сказать, что слушать Уильям Сассекс умел. И слушал внимательно. И лишь когда Чарльз завершил повествование свое, сказал:

– Любопытно...

И снова коньяка налил. Всем, кроме Милли, которая предпочитала жевать кусок ветчины, закусывая её булочкой, и делала вид, что разговоры эти ей совершенно не интересны.

— Что ж... следовало, конечно, ожидать, но не думал, что так все обернется. Элайя Бишоп всегда был чрезмерно жадной сволочью. Однако, мне казалось, он понимает, когда нужно остановиться. Зато теперь понятно, почему он вдруг замолчал.

Чарльзу вот понятно не было.

Ничего.

— Вашей сестры здесь нет, — Уильям Сассекс поглядел с жалостью. И прежде чем Чарльз успел возразит, раскрыл ладонь. — Клянусь собственной силой, что здесь её нет. Однако, возможно, я подскажу вам, где её искать. Надеюсь, вы успеете. Но сперва... чтобы вы поняли, что происходит, я должен рассказать о вещах давних. И не самых приятных.

За стеной вновь гроыхнуло.

— Эта история началась еще на Островах. Семья моя, как вы, полагаю, знаете, обладает немалой властью. Положение. Деньги. Род... в общем, с самого рождения я был окружен роскошью и жить привык, не слишком задумываясь о других. Не буду лукавить, в юности я был не самым приятным человеком, да и теперь...

Он ненадолго замолчал.

— Мне было пятнадцать, когда я впервые влюбился. Естественно, со всем пылом юной души. И само собою, в особу неподходящую. Дочь торговца, пусть и состоятельного, Сассексу не пара. Однако мои родители проявили понимание. И даже позволили сочетаться с ней браком, пусть по их просьбе, брак сей был тайным. Отец моей возлюбленной согласился, что же говорить о нас. Жили с Эванной мы в одном из фамильных поместий. И дни проводили... счастливо.

Голос его едва заметно дрогнул.

— Не прошло и года, как Эванна объявила, что ждет ребенка. Я... я собою гордился, будто и вправду сделал что-то такое, особенное. Но...

Никто не посмел торопить его.

А Уильям Сассекс не спешил говорить. Он шевелил губами, словно подбирая слова.

— Они умерли. Роды начались до срока... и нет, дело не в моих родителях. Им я даже не сообщал, хотя, полагаю, сообщили слуги...

тогда я не слишком задумывался, сколь плотно меня, скажем так, опекают. Но родители мои прибыли на второй день после смерти Эванны, что не могло быть случайностью. И не было. Это я понял позже. Тогда же... во гневе, в ярости, я почему-то уверился, что виноваты они. Что они позавидовали моей любви, моему счастью. Отец мой был герцогом Сассексом, мать тоже происходила из древнего и не менее славного рода. Друг с другом они держались холодно, равнодушно, однако делали вид, что являются семьей. Я обвинил их, что именно они отравили мою Эванну, а они поклялись, что не делали этого. И никто не делал. Что... я сам её убил.

Кулаки сжались.

И наверное, если за столько лет та боль не утихла, то любовь существует?

– Мой отец отвел меня в... он назвал это «погостом первых жен». Гробницей, где находили покой юные леди Сассекс...

Сила его колыхнулась, и в какой-то момент Чарльзу даже показалось, что Сассекс не удержит её, но нет, облеглась.

Унялась.

– Прошу прощения, – Уильям Сассекс поднял крохотную чарку. – Оказалось, что у моего отца была своя возлюбленная, как и у его брата. И отца, то есть моего деда. У многих нашего рода. Кто-то женился, кто-то жил так. А кто-то обратил внимание, что женщины простые, не родовитые или относящиеся к родам молодым, умирают в тягости. Ни одна из многих так и не разрешилась от бремени.

По спине пополз холодок.

– В то время как женщины одаренные или хотя бы происходящие из родов, где одаренные появляются на свет постоянно, а это как правило рода древние, рожают не то, чтобы просто, но рожают... редко больше двух-трех детей. Для сравнения, дальняя родственница моей матушки, вышедшая замуж за безземельного рыцаря, человека достойного, но бедного и силы лишенного, родила семерых. И это не редкость. Иные, знаю, производят на свет и по пятнадцать, и по двадцать наследников, хотя это, конечно, не совсем правильно. Номер заказа 34092622, куплено на сайте Литнет

– Дело в силе?

– В силе. В способности эту силу принять. Конечно, все мои предки в той или иной степени проводили изыскания, но как правило

не слишком... упорные.

– Вы... простили им? – тихо поинтересовалась Милисента.

– Родителям? Отнюдь... я... был молод. Вспыльчив. Зол и обижен на весь мир. Я не желал понимать их резоны, как и они не слишком желали объяснять что-либо. Отец лишь обмолвился, что это хороший урок, что впредь я буду более осторожен и не стану связывать себя ненужными узами.

Скрипнули зубы, то ли Эдди, то ли самого Сассекса.

– Мы никогда-то не были близки. Это не принято. На Островах детей отдают на воспитание прислуге. И к своей няньке я был привязан куда сильнее, чем к матери. Думаю, будь она жива к тому времени, она бы предупредила.

– И что вы сделали?

– Я? Сперва запил. И пил мцного. Стал устраивать пирушки. Оябзавелся свитой таких же бездельников. В общем, нщичего нового или выдающегося. Когда псить надоело, ввязался в войну, благо, Острова всегда воюют. Отличился даже... а мой старший брат в это время заключил весьма выгодный союз с одним старым добрым семейством. Отец также отписал, что подыскал и мне невесту. Не скажу, чтобы обрадовался, но... война несколько отрезвила. А может, я просто повзрослел.

Ветер взывал голодной стаей.

И несмотря на защиту, стало вдруг неуютно. Показалось, что еще немного и захрустит жалкая деревянная оболочка, развалится.

– Ветрено сегодня, – светским тоном заметил Сассекс. – Вы вовремя успели.

– Старались, – отозвался Эдди, ковыряясь в зубах кончиком ножа. Заметив укоризненный взгляд сестры, он смутился и нож убрал.

– И хорошо... в общем, невеста моя оказалась милой девушкой. Как и супруга брата, происходила она из древнего рода. Была образована. Воспитана. Одарена. И нет, любви ко мне она не испытывала, но это и лишнее. В целом, думаю, в обстоятельствах иных мы бы неплохо ладили.

– Не вышло?

– Не сразу. У моего брата родился сын. И умер, не прожив трех дней. Конечно, нельзя сказать, что подобное случается часто. Не в

наших кругах. Но случается. Брат был расстроен. Его супруга, само собой, тоже. Я поддерживал их, как умел.

Уильям замолчал ненадолго, то ли воспоминания были не из приятных, то ли не желал перекрикивать бурю. А та разыгралась не на шутку. По крыше дома что-то стучало, гремело, вспышки же молний ослепляли, несмотря на щиты.

— Мою свадьбу пришлось отложить в виду траура, но это тоже никого не смутило. Все-таки помолвка состоялась, а свадьба... спустя год супруга моего брата вновь понесла.

Он сделал глубокий вдох.

— Погибли оба. Роды начались до срока, и дитя... так уж вышло, что я увидел это дитя. Мне не показали моего собственного сына, а тут... это существо лишь отдаленно походило на человека. И нет, мне уже случалось видеть человеческих младенцев, а потому я с полной ответственностью могу заявить, что данный плод был порочен. Брат мой лишь взглянув на него, поморщился и бросил, что, мол, снова не получилось. Тогда-то... тогда-то, пожалуй, во мне проснулся интерес. Болезненный. Безумный. И та дорога, на которую я ступил... я попытался выяснить, что происходит. Тогда-то и узнал кое-что. Наша родовая сила, столь тщательно лелеемая, воспитываемая, подарившая роду Сассекс могущество, его и убивает. Тело младенца просто не способно вместить эту силу, которая изменяет его. Кровь матери должна защищать дитя, потому и важно, чтобы мать обладала даром. Однако, если в прошлые годы этого было достаточно, то... — Уильям развел руками. — Мой брат потребовал у меня уступить ему невесту.

— И вы уступили?

— Я побеседовал с ней. Если бы она сказала, что не желает расторгать помолвку, я бы отказал брату. Но и она, и родители её лишь обрадовались. Одно дело выйти замуж за графа Сассекса, и совсем другое — за герцога. Титул в глазах их стоил риска. А я предупредил девушку об опасности, но она была молода, здорова и даром обладала куда более выраженным, чем та, что была до неё.

Он потер щеку.

— А вы...

— Мне было все равно. Я не любил Эдит. И от души пожелал, чтобы у них получилось, но...

— Не получилось?

– Отчего же. Брат получил наследника, а Эдит... она прожила еще полгода после родов. И о ней хорошо заботились. Моему же брату предложили в жены младшую сестру Эдит.

– И он согласился? – мрачно поинтересовался Эдди, который в зубах ковырять перестал, но нож не убрал, верно, успокаивала его такая близость холодной стали.

– Почему и нет? Наследник – это хорошо, но лучше, когда наследников несколько. Но эта история позволила мне удалиться. Я покинул Лондиниум, сказав, что желаю уединения. Отец к этому времени окончательно убедился в моей бесполезности, а война, где мои таланты могли бы принести пользу стране и роду, завершилась. Потому и позволено мне было остановиться в замке Шеффилд. Некогда он принадлежал моей прабабке, происходившей из славного шотландского рода. Замок был стар. Тесен. И не представлял уже особого интереса. А главное, что находился в землях столь дальних, что никто-то чужой без нужды в такую глушь не добирался. Там-то я и проводил свои изыскания. Сперва на животных. На свиньях. Построил для этого даже ферму, обеспечив всех окрестных оборванцев мясом, что снискало мне немалое признание. Я воздействовал на свиней силой, а после смотрел, как изменяет она развитие зародышей. Выводы... получились интересными. Я понял, что мне отчаянно не хватает образования. И пригласил одного весьма... увлеченного человека.

Глава 9

Где чужие тайны не доставляют удовольствия

Сила так и норовила выплеснуться, и мне приходилось прикладывать немало усилий, чтобы удержать её. Особенно силу тянуло к человеку, который рассказывал о делах прошлых таким от спокойным тоном, каким мэр Уиллоуби рассказывает, почему он не может прямо сейчас выдать награду за привезенные Эдди головы.

Я поерзала.

Но на меня никто из присутствующих внимания не обратил. И налить не налили. Не то, чтобы так уж хотелось, но все одно обидно.

– Несколько лет мы потратили на то, чтобы понять, как вообще идет развитие младенца в утробе. И в этом плане свиные мало отличаются от человеческих. На первых порах. Нам удалось установить, что поначалу сила не оказывает сколь бы то ни было серьезного воздействия. Более того, она вообще не влияет на животных. Сколь бы серьезному воздействию ни подвергались те же свиньи, детеныши их появлялись на свет обыкновенными. Возможно, обладающими некоторой способностью силу ощущать и только. Они стремились к источнику её, и даже выпущенные из замка, норовили поселиться там, где уровень силы был максимально высоким. Так мы даже отыскивали пару-тройку малых источников. Но вот люди... с людьми все куда сложнее. И интереснее.

– Вы проводили опыты на людях? – тихо произнес Чарльз. И что-то такое было в словах его, что я поежилась.

А Эдди кивнул.

И помрачнел.

Нет, любовью к людям он не проникся. Эту любовь из него прочно выбили еще в детстве, когда ватага под предводительством Диза Лупески закидала Эдди камнями и дерьмом, но вот... Диз, как был скотиной, так и остался. И повесила бы я его с превеликою радостью, хотя поводов он для того, следовало признать, не давал. Но повесить – это одно.

А опыты... опыты – совсем другое.

– Увы, – Уильям развел руками. – Изначально мы лишь наблюдали. Покупали рабынь. Потом...

– Делали их беременными.

Эдди покосился на меня и взглядом указал на дверь, мол, разговор ныне не для нежных ушей моих. То есть, конечно, по поводу нежности моих ушей Эдди иллюзий не испытывал, однако ему весьма хотелось соблюсти приличия. Я же сделала вид, что не поняла. Во-первых, домишко, конечно, милый, но комната в нем одна, а сидеть в ванной, пока они тут наговорятся, желания у меня не было. Во-вторых... я ведь живая.

Мне интересно.

– Делали... у моего компаньона была схожая проблема. Более того, чувствуя вину за смерть матери, он истово желал найти способ, средство, которое позволило бы... – Уильям щелкнул пальцами и звук вышел резким. Эдди вон вздрогнул и нож выпустил, но поймал в полете да и убрал в ножны.

Оно и правильно.

Местные не поймут, если нож возьмет да тыкнется куда-нибудь не туда.

– Мы не желали зла. Я понимаю теперь, что многие дороги в бездну начинаются именно так. Но мы и вправду не желали зла. Мы наблюдали. Измеряли. Исследовали. Мы сопровождали этих женщин. И обнаружили, что основные изменения происходят именно в последние недели перед родами.

Он сделал выдох и прикрыл глаза. Поморщился.

– Теперь мне неприятно вспоминать о том, но тогда... тогда мы искренне полагали, что наша цель стоит всех усилий. И крови... – Уильям потер руку о руку. – Я старею. И ко мне стали приходить сны... сны, в которых много крови... не важно. Главное, что плод неодаренный и к воздействию силы оставался безразличен. Его развитие шло обыкновенным путем, вследствие чего на свет появлялся ребенок.

– И... что вы с ним делали?

– Ничего. А что надо было? – Уильям криво усмехнулся. – Поймите, мы не безумцы, одержимые жаждой крови, испытывающие удовольствие от чужих страданий. Мы ученые. Мы полагали себя

такowymi. И да, я не постесняюсь сказать, что нам удалось выяснить многое. Правда наука открестилась и от нас, и от остального, но... не важно. Если плод одарен, то за пару недель до родов начиналось то, что мы называли «зеркалом мага». Плод начинал активно поглощать силу. И чем ярче был дар ребенка после рождения, тем сильнее шло поглощение силы. А мозг его формировал некоторые тонкие структуры. И именно от правильности их создания и зависело, если не все, то многое. Здесь уже организм матери выступал в качестве своего рода компенсатора. Излишек силы, способный навредить плоду, поглощался женщиной. И собственный дар её в это время раскрывался полной силой. Однако, если между уровнем одаренности матери и младенца была слишком большая разница, то сил женщины не хватало, чтобы справиться с потоком силы.

Уильям Сассекс выдохнул.

– Чтобы дойти до этого нам понадобилось почти двадцать лет...

– И сколько женщин?

– Лучше не считать, – вполне серьезно ответил он графчику и взгляд последнего выдержал. – И да... мы увлеклись. Изначально эксперименты свои мы ставили на рабынях, однако это довольно затратно, даже если самим снаряжать экспедиции. Мы скупали ненужных детей, девочек. Мы сошлись со многими своднями, однако... одно дело обычные женщины, но дар... дар встречался не так и часто. Вот и приходилось...

Он пошевелил пальцами и посмотрел на них презадумчиво.

– Я только сейчас начинаю осознавать, что же мы натворили... мы переступили границу, когда взялись за одаренных. Да и в целом, когда спутались с не самыми достойными людьми.

Эдди громко фыркнул.

Ну да... сами-то, если подумать, образцы морали с нравственностью вкупе. И похоже, что род этого самого Сассекса и вправду был славен, если его не повесили.

У нас бы точно повесили.

Или, может, еще?

Если они тут... почему-то стало не по себе. Очень не по себе.

– Нам нужны были женщины для экспериментов, и мы готовы были платить. Довольно быстро нашлось, кому платить. Появились на примете ушлые молодые люди, готовые свести знакомство с

подходящею особой, вскружить ей голову, увезти... и продать. Но долго длиться это не могло, да... хотя... семь лет понадобилось королевским ищейкам, чтобы разобраться. Может, если бы меня не защищало имя рода, они управились бы и быстрее. Но однажды за нами пришли. И... мы были готовы ко встрече. О да, нам казалось, что переворот, совершенный нами в науке, – это то, что не просто оправдает... Боги, да я награды ждал!

Идиот.

Радовался бы, что все-таки не повесили. Или, может, на Островах не принято вешать? Если так, то зря, конечно, иные люди словно рождаются исключительно для того, чтоб с пеньковой вдовушкой знакомство свести. Я покосилась на братца. И судя по мрачной – чересчур уж мрачной – роже последнего, в голове Эдди бродили похожие мысли.

– Глупец... мой... коллега, который за годы успел стать другом... проклятье, не просто другом, но самым близким человеком, был казнен. Да и я должен был бы воспоследовать.

Но не воспоследовал.

Так все-таки вешают на Островах или иначе как-то? Спросить бы, но, чувствую, не к месту вопрос. Да и... матушка, конечно, всегда пеняла мне на полное отсутствие чувства такта, что правда найчистейшая, но тут и я понимаю, что надо бы помолчать.

Потом спрошу.

Как-нибудь невзначай...

– Судили нас быстро. И судом пэров. Слова нам не дали, выставив все, как клуб безумцев, которые извращенным образом удовлетворяли свою похоть. Я на суде я пытался заговорить, но слова мои тонули в пологе тишины. И я вынужден был слушать. Имена... столько имен... почему-то в работе все эти женщины... одни уходили, другие приходили... и я не думал, что их было столько. А ведь они не считали рабынь, да... так вот, меня приговорили к казни. И если моего друга повесили...

...все-таки вешают.

– То меня, с учетом благородного происхождения моего, должны были казнить через отсечение головы.

И не только вешают.

Но вешать как-то... удобнее, что ли. И привычнее. Или это потому как я тут выросла? Небось, у нас голов не рубят. Муторно это. Да и убираться потом опять же.

— В ночь перед казнью я только и думал о том, что все зря... все эти смерти, наши опыты... мы ведь поняли. Узнали. Нашли способ, а... он оказался никому-то не интересен. Я пытался добиться беседы хоть с кем-то, кроме моих тюремщиков. Не вышло. Как-то с самого начала нас приписали к одержимым, к безумцам, которые ищут лишь извращенных удовольствий. И страшнее всего была не грядущая смерть. Смерти я как раз и не боялся-то никогда. Нет. Страшно было, что все зря. Что наше открытие исчезнет вместе с нами, что...

Он осекся и наполнил стопки.

— Меня навестил брат. Он... был зол. Нет, хуже того, он был в ярости... настолько в ярости, что готов был убить меня своими руками. Он сказал, что мое дело дорого обошлось роду. Но теперь... замок сгорел, и все-то, кто знал, что происходит там, погибли... моровая чума. Моровая чума не оставляет живых... свидетелей.

Теперь голос Уильяма стал тих и неразборчив.

— Что позиции Сассексов пошатнулись. Что род в шаге от того, чтобы утратить королевское доверие. Что от меня он ждет извинений и достойного поведения.

Лицо исказилось.

— Мой брат сомневался в том, сумею ли я умереть достойно.

— А вы...

— Я рассказал ему. Я знал, что и третья жена его умерла в родах, подарив, правда, дочь. И что брат больше не женился, верно, сочтя, что двоих детей хватит. И еще я знал, что сын его рос в Эдинготе, в небольшом и весьма уединенном поместье, которое обычно служило своего рода... приютом для тех, кто по каким-либо причинам не мог показать себя в обществе. Я спросил брата, здоров ли мой племянник. И тот... тот рассмеялся.

— Он не был здоров?

— Безумие... к слову, вновь же происходит от неверного формирования тонких мозговых оболочек на последних неделях жизни плода. Правда, эту тему мы лишь затронули, а потому не могу сказать, проявляется ли это в органических изменениях, или же исключительно в дефектах энергетической структуры. Как понимаете, полученные

нами жизнеспособные младенцы... — он замолчал так резко, что я заволновалась.

И не только я.

Сассекс поднялся и застыл, заложив руки на спину.

— Их они тоже уничтожили... и матерей, и младенцев... так мне сказали. Говоря по правде, я надеюсь, что это ложь. Дети были одаренными, а стало быть представляли какую-никакую ценность. И чем навредили бы младенцы? Или те, что постарше. Мы ведь наблюдали. За теми, кто остался жив. Мы не убивали их, но да, препарировали мертвых. А моровая чума... иногда мне хочется плюнуть на все договоренности и написать письмо. Спросить прямо...

Он тряхнул головой.

— Мы... мы проговорили до самого рассвета. Я рассказывал... о причинах, о том, что мы делали. О том, чего добились.

— И чего же? — сухо поинтересовался графчик. Вот ему тоже наверняка хотелось познакомить Сассекса с веревкою. Ну или топором, чтоб уж по традициям.

И честь не уронить.

Хотя, конечно, странные они, островитяне. Как опыты над людьми проводить, так от этого урона чести нет, а как от веревки, так внезапно приключается. Но матушка, помнится, убеждала меня, что к чужим странностям нужно относиться с пониманием.

Понять не пойму, но топор, коль уж такое дело, обеспечу.

— Мы нашли способ сделать так, чтобы женщина, даже если у неё есть лишь капля силы, смогла выносить ребенка. Одаренного ребенка. Выносить. Родить. Не сгореть в родах. Сделать так, чтобы ребенок этот появился на свет живым. И не уродом. В том плане, что дитя не имело бы дефектов развития. А вот мораль... мораль не в нашей компетенции. И да, спустя годы я могу со всей ответственностью заявить, что способ этот действует.

Воцарилось молчание.

Такое от... которое бывает в салуне за мгновение до стрельбы. Но тут гроыхнул гром, сотряс домишко, и белесый свет молнии затопил комнату. Показалось даже, что еще немного и сгорим дотла, но... нет.

— Более того, сейчас я знаю, как усилить способности ребенка, даже если изначально их почти и не было...

И взгляд Уильяма Сассекса вперился в меня.

Вот прям глаза в глаза.

И...

– Милли? – руки Эдди накрыли рукояти револьверов, и человек, с моим братом знакомый, уже бы занервничал, а то может даже нашел бы в себе силы отступить. Но Сассекс поднял руки и произнес:

– Не стоит волноваться, она лишь доказательство моей правоты, но... рассказывать следует по порядку. Наутро состоялась казнь.

– Но вы ж живой!

Вот я буду не я, если поверю, что он чудом воскрес. Нет, если бы веревка... слышала, что в Коннектикуте одного раза палач оплошал и не добавил Билла, прозванного Уродом, так тот потом еще год на дорогах пошаливал, пока не пристрелили.

И да, пожалуй, с магами топор надежнее веревки.

На Островах, похоже, это знали.

– Живой. Честно, я не знаю, кого казнили, но... Уильям Сассекс, граф Дормуд, погиб. А Уилл Баланштен был перевезен из одной тюрьмы в другую, а оттуда выпущен. В общем, следующий год я провел в том самом поместье, где заперли моего племянника. И уже наблюдал за ним. Я надеялся, что смогу как-то исправить врожденный дефект, но, увы... к сожалению, мой племянник... он был очень одарен, но при том не разговаривал. Вовсе не понимал человеческой речи. Все норовил передвигаться на четвереньках и... он скончался незадолго до моего отъезда, когда брат получил обещанное.

– И что вы ему обещали?

– Наследника. И даже наследников. Он выбрал двух женщин, не слишком веря в мои способности, однако обе разрешились от бремени с легкостью, подарив брату двух сыновей. И мой племянник скончался. От простуды. Случается.

Ага, особенно, когда вдруг боги дарят нового наследника.

– Мой брат вновь женился. Взял в жены девушку из рода бедного, а потому весьма довольного этим браком. Смерть предыдущих герцогинь их не слишком смутила, и да... сколь знаю, Пруденс до сих пор жива и неплохо себя чувствует. Она родила троих... законных детей.

– А с незаконными что? – поинтересовался Чарли.

– Ничего. Получили земли, титулы. Протекцию. Потеряв стольких детей, брат не стал разбрасываться и теми, кого не признал перед

людьми и богами. Мало ли... но сейчас старший из законных детей его женился, а жена подарила ему ребенка, потому, полагаю, в родовую книгу внесены кое-какие изменения. Но это меня не касается, да... так вот, он сдержал слово. Я знаю, что ему хотелось бы и вправду казнить меня, однако клятва... кровь не прощает измен. И я отбыл на край мира, как тогда представлялось.

– В Штаты.

– В Свободные штаты Америки, – Уильям произнес это с некоторой насмешкой. – Я получил корабль, некоторую сумму денег и пожелание исчезнуть, которое искренне желал исполнить. Но...

– Не вышло?

– Я пытался... я... нет, будет неправдой сказать, что я раскаивался в содеянном. Скорее уж я устал и осознал, что та жизнь осталась в прошлой. А в нынешней я желаю тишины и покоя. Тогда-то возникла идея создать поселение...

Он провел по стене с нежностью.

– Место, где бы каждый человек чувствовал себя... дома. Где царили бы мир и порядок.

– И на деревьях бы пряники росли? – не удержался Эдди.

– Вроде того. Я намеревался применять свои знания. Во благо, исключительно во благо...

Эдди явно собирался сплюнуть, но я показала ему кулак. Может, этот человечешко того и стоит, но нечего в доме плевать.

Матушки на него нет.

– Я понимал, что жизнь здесь не проста, а вот маги могли бы изменить её к лучшему. Не те маги, что давно уж забыли, для чего боги даровали им силу. Не те, которые закрылись титулами от мира и думают лишь о власти, но иные, вышедшие бы из народа, связанные с ним. Служащие ему.

– И как, получилось? – не удержался Чарльз.

– Отчасти, – Уильям опустил на кресло. – Конечно, реальность вновь внесла некоторые коррективы, но в целом... в целом вышло лучше, чем могло бы. Мне удалось собрать группу единомышленников... да, не все они грезили новым миром, но многие лишь вынуждены были оставить старый, бежать. Они сами не знали, куда идут и зачем, а я предложил им неплохой вариант. Для начала собственная моя сила стала неплохой защитой от хищников, равно

четвероногих и двуногих. Затем я встретил Годдарда. Он был еще тем пройдохой, но мы сумели договориться. Он сказал, что у него есть земля, которая стоит недорого и для человека обычного в ней не будет пользы. Я же имел деньги и силу. Вот и сошлось одно к одному.

— Змеиный дол...

— Змеи здесь водились во множестве. Благодаря источнику, что скрывался в пещерах. Годдард о нем не знал, как и окрестные жители. Может, среди орков и были те, кто догадывался, однако орки ушли давно. А змеи... со змеями я справился. Источник же оказался тем сокровищем, которое просто попало в руки, не иначе как божьим благословением.

— И вы тут просто взяли и поселились?

— Просто поселился. Выкупил рабов. Построил дом. Потом и дома. Потом... ко мне приходили люди. Кто-то уживался, кто-то вынужден был нас оставить. Кто-то... далеко не все приходили с добром. Но постепенно получилось, что получилось. Я дал им дом. Я дал им защиту. Я дал им веру, ибо оказалось, что без неё многие не способны жить. Я... выдумал Великого Змея, и его приняли с радостью.

— А взамен? — я сама не ожидала, что спрошу.

— Взамен... вот здесь начинается вторая часть истории, которая, полагаю, имеет непосредственное отношение к вашей сестре.

Глава 10

О том, что благие намерения до добра не доводят

Буря улеглась так же быстро, как и началась. Стих ветер. Небо полыхнуло молнией и посветлело, а дождь заколотил с утроенной силой. И грохот его о крышу... успокаивал.

Странно.

Чарльз давно не чувствовал себя настолько спокойным, хотя услышанное, напротив, должно было бы привести в ярость. А он...

...матушка была из древнего славного рода, а вот отец, пусть и тоже появился на свет в дворянской семье, но иного толку.

Патент ему купили.

И с ним уже отправили добывать славу, еще тогда, когда Штаты не были свободными, а Острова стонали от избытка сильных да голодных магов.

История любви?

О, её в доме знали. И рассказывали. Одинаковую. Почти слово в слово. Только прежде Чарльз не слишком уж задумывался над этой одинаковостью, как и над тем, что матушкина компаньонка не любит говорить о прошлом.

Да и сама матушка. Будто не было у неё иной жизни, до свадьбы.

До встречи.

Романтической.

Ночная дорога. Разбойники, отнюдь не благородные, но обыкновенные, которых и ныне здесь изрядно, а уж во времена былые и вовсе было не продохнуть. Девушка в беде. Благородный спаситель... ранение. И благодарность, переросшая в любовь.

Правда, матушкина семья к этой любви отнеслась без должного понимания.

Отца Чарльз не запомнил. И вот теперь...

— Года через три, когда здесь встало, если не поселение, то всяко жизнь начала налаживаться, меня отыскал человек, вручивший письмо от моего брата, — Сассекс слегка поморщился.

И подумалось, что эта вот откровенность ненормальна.

Кто они ему?

Не друзья. Чарльз так точно. Да и Эдди не похоже, чтоб был настолько близок Сассексу, чтобы... да если по закону...

...какой в Диких землях закон? Может, поэтому и держится бывший граф столь свободно, что знает: ничего-то ему Чарльз не сделает.

Суд?

Обвинения?

От слов легко откреститься, а судьи... ближайший остался в Последнем пути, и что-то да подсказывало, что, даже если Сассекс соизволит туда отправиться, дела не выйдут.

– Не буду врать, что меня благодарили или же просили вернуться, отнюдь. Мой брат выражал надежду, что я неплохо устроился, а заодно просил поспособствовать одному достойному человеку в его проблеме. Аналогичной той, которую мне уже случилось решить. Так оно и началось.

Сассекс перевел взгляд с Эдди на Чарльза. И как ни странно, во взгляде этом не было ничего, помимо усталости и, пожалуй, вялого интереса.

Нет, не к Чарльзу.

Он был столь же скучен, как и вся нынешняя, изрядно приевшаяся Сассексу, жизнь. К самой ситуации.

– К этому времени мне удалось собрать дюжину девушек, обладавших искрой. Да, их дар был настолько слабым, что и развивать-то его не имело смысла, но, повторюсь, мои методики позволяют сделать так, что и этой искры хватило бы, чтобы и мать, и ребенок выжили. Тот человек, не буду называть его имя, прожил с нами чуть больше года... и да, пусть и моей идеей о строительстве благословенного города он не проникся...

...он и сам не проникся, Уильям Сассекс.

Ему просто нужно было дело. Он из тех людей, которых утомляло обычное существование.

– ...однако оказывал всяческую помощь. И в какой-то мере нам повезло. Наш гость имел высокую степень сродства к стихии воды. Именно он открыл большинство родников, да и в целом сделал так, что больше мы не испытывали недостатка в ней. Я же в свою очередь

подобрал девушку, которая родила ему сына. И да, она отправилась с ним. Не знаю, женился ли он на ней... сомневаюсь.

Чарльз тоже сомневался.

– Но в любом случае он позаботился бы о ней. Это... – Сассекс нарисовал полукруг. – Дело чести. И дело силы. Сила не прощает... подобного.

Зато убийство нескольких десятков человек, если речь о десятках, – Чарльз подозревал, что все куда как печальнее – она вполне себе простила.

– Весьма скоро появился еще один человек с рекомендательным письмом, а потом и еще один.

– Этот дом для них? – высказал предположение Чарльз.

– Да. Здесь, конечно, не так и удобно, но... я никому и никогда не обещал удобств. Более того, сейчас редко кто задерживается на весь срок. Люди приезжают, выбирают. У меня красивые девочки, пусть и не все они невинны, но все здоровы. За этим я слежу строго. И сильны. И каждая способна родить... некоторые рожали дважды...

– И отдавали детей?

Сассекс пожал плечами.

– Я никогда на том не настаиваю. Более того, перед тем как приступить к процессу, мы составляем договор. Хороший договор. Даром что ли я получал образование в Королевском университете? Так вот, там и прописываем в том числе и обязательства заказчика перед матерью. Кто желает, отправляется следом. В этом случае женщина получает оговоренное содержание, возможно, какое-то имущество, к примеру, дом... кто-то становится кормилицей. Или дальней родственницей. Знаю, некоторые мои протеже даже устраивали судьбу, там, на Островах, но все же большая часть предпочитает оставаться здесь.

– Почему? – не выдержала Милисента.

– Почему нет? Острова... там нет ничего-то хорошего. Дурной климат, да и люди не лучше. Добавьте к этому тайну, которую придется хранить до конца жизни. Быть рядом, смотреть, как вырастет твой ребенок, называя матерью другую женщину... это непросто.

– А... здесь?

– Здесь у них есть дом. Хороший дом. Безопасный. Поверьте, не то, что орки, но и беловолосые сиу, однажды попробовав сунуться к

Змеиному долу, ныне обходят его стороной. Они получают деньги. Хорошие деньги, которых хватит... на многое. На то, чтобы вырастить других детей.

— А... те?

— Не думаю, что о них забывают. Но... младенцы погибают часто. И многие, прежде чем попасть в Змеиный дол, повидали всякого. Некоторые и детей хоронили. А здесь... у меня пара отличнейших целителей. Огненные маги. Водные маги. Дети ветра и земли. В Змеином доле не случается такого, чтобы земля не родила или чтобы засуха уничтожала посевы. Здесь есть пища и вода. Защита. Перспектива...

Может, и так.

Но почему-то звучало это жалко, оправданием. И Сассекс понимал, и потому хмурился.

— При чем здесь моя сестра?

— Она ведь одаренная, верно? — вопросом на вопрос ответил Сассекс. — Дар слабый, конечно, подозреваю, вся сила семьи досталась вам, но и к лучшему... так вот, мое поселение росло. И если сперва я принимал всех желающих, а заодно уж готовых соблюдать закон, то постепенно пришел к выводу, что, сколь бы мы ни расширяли пространство долины, а мы подошли к пределу, Змеиный дол довольно мал. И потому начали выбирать. Да, если у женщины есть искра, мы примем её. Не важно, сколь она юна и прекрасна. Прекрасна ли вовсе. Главное, чтобы была молода и здорова. Мужчины... мои сыновья подросли, как и сыновья моих последователей. Мужчин, к слову, среди магов рождается куда больше.

Он постучал пальцем по столешнице, и звук получился донельзя резким.

— Они находили себе жен. Некоторых здесь, в том числе среди девочек, что появились на свет в Змеином доле, но... опять же, кое-кому наша жизнь казалась скучной. И люди уходили. Забирали деньги, а они есть у каждого, ибо доходы от сделок с магами идут в общую казну, из которой что-то берется на поддержание поселка, а остальное распределяется меж жителями его. Так вот... Уилл всегда был беспокойным мальчиком. Полагаю, качество это он унаследовал от меня, и потому я понимал его, как никто. Я рано позволил ему выйти из долины, а по ряду причин мы все же предпочитаем держаться в

стороне от большого мира. Но я лично сопровождал сына в Последний приют, а после и в Хаббард. Побывал он и в Бристоне, и в иных городах. Он попросил разрешения учиться. И я оплатил ему учебу в Эмбридже, что, признаюсь, было ошибкой...

Сассекс потер шею.

– Ноет... мой срок почти вышел, наверное, потому и стал я слишком болтлив. Но все, что ни делается, к лучшему. Вы сами пришли, и ехать не пришлось. Так вот, Уилл не устоял... большой мир, большие искушения. Он увидел иную жизнь, полную безделья и удовольствий. Он начал пить, увлекся игрой. Он оказался чрезмерно азартен, и в пылу азарта наделал долгов, расплатиться с которыми оказался не способен. И тогда-то он вспомнил обо мне. Я выручил его, однако поставил условие, что долг свой Уилл отработает. Я приобщил его к делу, понадеявшись, что, занятому, ему будет не до глупостей. А еще, возможно, он поймет, повзрослеет. Сперва доверил малое: встречать наших гостей в Уиштоне, откуда их провожали горными тропами к Долу.

Чарльз прикинул и получилось... получилось, что и вправду от небольшого, но вполне себе обжитого Уиштона до Змеинога дола рукой подать.

Было бы.

Если бы не Драконий хребет.

– Поверьте, за те годы, которые мы здесь, маги... многое сумели сотворить. И путь имеется, вполне себе проходимый даже зимой. Для одаренных.

А иные с Сассексом не связываются.

И все-таки... что-то подсказывало Чарльзу, что отнюдь не все гости Змеинога дола прибыли с Островов. Нет, островитяне наверняка имелись, однако они – гости редкие, а вот местные...

...отец погиб, защищая Западный форт от сиу. И смерть его принесла матушке полосатую ленту вдовы и право обращаться к Императору. Еще небольшую пенсию да полный пансион детям, если захотят они продолжить карьеру отца.

Чарльз хотел, но...

...матушка была против. Он ведь наследник. Последний из рода. И армия обойдется, а она, матушка, никак нет, что уж об Августе говорить?

– Также он провожал гостей обратно. Помогал устроиться. Он взял на себя многие мелкие дела. Придумал держать в Уиштоне кормилиц, ибо любые запасы молока конечны. Он находил нянек, помогал выправить документы, организовать отъезд, решить сотню мелких проблем, что возникают в любом деле. И я успокоился. Я решил, что сын мой и вправду нуждался лишь в том, чтобы его энергию направили в нужное русло.

Вот только все оказалось не так просто.

– Он исчез. Однажды уехал с... очередным клиентом, которому повезло получить двойню. Крепкие сильные мальчики, да... так вот, Уилл просто взял и не вернулся. После пришло письмо, в котором он благодарил меня за помощь, а еще просил не искать.

– Вы и не стали?

– К чему? Правда, меня несколько смутило, что он не стал требовать свои деньги, а к этому моменту сумма накопилась, если не огромная, то всяко такая, которой хватило бы на обустройство. Но... его право, – Сассекс вновь затарабанил по столу, но прервался сам. – Прошу прощения, дурная привычка. Спустя где-то полгода человек, до того изъявлявший немалое желание приехать... в гости, вдруг отказался. И даже потребовал вернуть задаток. В тот момент это не показалось странным, подобное, пусть и редко, но происходило, когда клиент вдруг обнаруживал, что уже имеет детей или же вот-вот получит... чудеса случаются.

– И вы вернули?

– Вернул, несомненно. Я всегда соблюдаю договоренности, даже устные, – Сассекс произнес это строго, даже стало несколько стыдно за сомнения, которые Чарльз испытывал. – Но после началось интересное... еще один договор сорвался. А там и дошел слух, будто бы в деле моем появился, скажем так, конкурент. Человек, оказывающий сходные услуги, но по куда более умеренным ценам и, что куда важнее, без договоров. А следовательно, без удушающих обязательств по отношению к кому бы то ни было. Мои... посредники весьма явно намекнули, что и мне следует пересмотреть условия, если я желаю остаться в деле.

Сассекс сцепил пальцы и посмотрел в окно, за которым дрожала пелена дождя. И вот завтра же не выехать, дороги местные, которые и дорогами то назывались весьма условно, развезет.

— Я отказался. В конечном итоге, я не слишком нуждаюсь в деньгах. Сейчас Змеиный дол вполне способен обеспечить себя. И да, мы думаем над расширением. Мы даже договорились с сиу о земле. У них есть отличный кусок пустыни, щедро выделенный им правительством. Сами сиу с этой землей ничего-то сделать не способны, все же их сила иного толку, а вот мои люди вполне могут возродить пустыню. Правда, сперва потребуется решить кое-какие юридические тонкости, чтобы правительство потом не передумало, как оно бывает.

Сассекс потер ладони, и глаза его заблестели, предвкушая грядущее сражение.

— Так вот, часть моих людей отправилась изучать местность. Сиу поставят дома, и к зиме два десятка семей, устоявшихся семей, отселятся. Тогда же и начнут преобразование... года через два-три вы не узнаете это место.

И Чарльз ему поверил.

А еще... нет, это не стыд... он, имея право голоса в Совете, выступал против переселения коренных племен, и уж точно против резерваций, только...

— У меня есть план, и он вполне себе воплощается в жизнь. Однако...

— Ваш сын?

— Мой... один из... да, я пользовался положением, хотя, клянусь, не было женщины, которую я бы взял против её воли. Напротив, они сами приходили ко мне, зная, что я никогда-то не оставлю ни своих детей, ни их матерей... так вот, Уильям... мне пришлось потратить некоторую сумму, чтобы понять, почему он исчез.

Дождь утихал.

Капли стучали реже и глуше, и будто шептали, что вовсе не было нужды ехать на край мира самому. Разве у Чарльза мало денег? Мог бы кого-то и нанять... нанимал же, чтобы отследить ублюдка, который увез Августу. Так мог бы и другого, который нашел бы, который устроил бы этому ублюдку несчастный случай.

Или просто пристрелил к чертовой матери.

— Уильям... мы особо не скрываем... во всяком случае те, кто живет здесь, знают, благодаря чему и кому появился Змеиный дол. И да, сейчас основная доля дохода идет от магов. Мои сыновья и внуки,

или просто те, кого я называю детьми, уходят в города, ищут службу, исполняют её. Берут заказы... разные... и вам ли не знать, сколь высоко ценится работа хорошего мага. А мои дети имеют отличное образование, и силой владеют, как никто иной...

В этом Чарльз несколько не сомневался. И даже предполагал, кто был учителем.

– Теперь я понимаю, что был несколько неосторожен. Уильям оказался достаточно умен, чтобы не просто понять, что происходит, но и дойти до того, как это происходит. Правда, полагаю, кое-какие нюансы он упустил. Можно срисовать руноскрипты, скопировать амулеты, расписание процедур и интенсивность энергетического потока, но без знания сути все это останется лишь некой совокупностью внешних воздействий, эффект от которых может быть, а может и не быть.

– Не быть? – Чарльз почесал кулак, который зачесался.

– Случается... всякое. Каждая беременность по-своему индивидуальна, а потому требует особой тонкой настройки амулетов, которую Уильям, как полагаю, упускает.

– И...

– И в большинстве случаев общего воздействия будет достаточно, хотя, конечно, течение беременности осложнится, да и сил мать затратит куда как больше. Скорее всего вряд ли женщина сможет выносить более одного одаренного ребенка. А если... поймите, факторов множество, и мы их учитываем. И пары подбираем не столько исходя из желаний мужчины, сколько от совместимости силы, что на многое влияет.

– То есть, ваш ублюдочный сынок сбежал, спер эту вот... – Эдди щелкнул пальцами.

– Технологию, – подсказал Сассекс.

– Ага, её. И стал торговать детишками?

– Вроде того, – Сассекс склонил голову.

– Ага... – Эдди вновь сунул нож в зубы, провернув его. Чарльз поморщился, но зубы у полукровки были не чета человеческим, крупные и белые. – А мамашек откуда берет?

– Вот... и подходим к самому интересному. Полагаю, начал он так же, как я когда-то... сводни, публичные дома, аукционы и рынки рабов. Хотя от последнего я вынужден был отказаться, все же, сколь

бы ни были совместимы люди с теми же орками или темнокожими ассау, но дети получаются полукровками. И сей факт в свете скрыть куда сложнее, чем некоторые иные. Так вот, при толике удачи и некоторых вложениях купить одаренную женщину можно, но дар будет очень и очень слабым. Мне довольно и такого, а вот Уилли... во-первых, при его технологии женщин хватало на одну, может, две беременности. Во-вторых, я полагаю, не обошлось без... печальных инцидентов, что и сподвигло искать иные пути.

– Похищать девиц благородного происхождения?

– Не похищать, отнюдь... думаю, ваша сестра – особый заказ.

Сассекс посмотрел на Мили, затем на Эдди, что продолжал чистит зубы острием огромного ножа, затем перевел взгляд на Чарльза.

– Только этим и можно объяснить тот факт, что он добровольно подверг себя подобному риску. Но в целом чем ярче выражен дар, тем дольше можно использовать девушку. И шансы на неблагоприятный исход... предприятия уменьшаются. Однако подобные девушки, как правило, происходят из семей достойных. Не тех, что с радостью избавятся от лишнего рта. Более того, наличие дара само по себе становится приданым, а потому и ценность дочери возрастает в разы. И речь в таких случаях уже идет не столько о приданом, сколько о выкупе, который жених готов выплатить семье невесты. Не морщитесь, я ведь знаю, как оно происходит.

И вправду знал.

И Чарльз тоже знал. Но легче от того не становилось.

– И потому покупать таких... невест – слишком дорого. Похищать? Это риск. Причем не столько вмешательства родни, сколько интереса полиции, а при наличии некоторых эпизодов, вполне возможно полиции императорского, того особого её отделения, с которым никто не желает связываться. И выход здесь есть. Когда-то я сам использовал этот метод. Найти кого-то, кто сыграл бы влюбленного молодца, вскружить девице голову и... она выходит замуж, чтобы после уехать следом за мужем куда-нибудь на окраину цивилизованного мира. Вы не представляете, куда готова уехать влюбленная женщина.

– Представляю, – мрачно ответил Чарльз. – Значит, надо искать этого вашего... Уильяма?

– Семейное имя... у меня семеро сыновей, названных в честь меня. И еще двенадцать, у чьих матерей хватило воображения и силы духа подобрать другие имена. К слову, дочери тоже имеются.

Милли заерзала.

– Нет, дорогая, ты... весьма одарена, но я тебе не отец.

Показалось, что оба Годдарда с облегчением выдохнули.

– Значит, мой отец...

– Действительно приходился тебе отцом. К радости или сожалению... редкостный ублюдок, уж извините.

– Ничего, – прогудел Эдди. – Я знаю.

И Милисента кивнула, поддерживая брата. А Чарльзу стало неудобно, то ли потому, что услышал он вот это, то ли потому, что собственный его отец ублюдком не был, а был вполне себе личностью героической. Его имя даже на памятной доске Императорского парка выбито.

– Так вот, он обратился ко мне с просьбой о помощи. Весьма хотел одаренного наследника. И я помог. Просто помог разжечь искру дара, которым обладала ваша матушка. С её согласия, прошу заметить... и Эдди, убери руку с ножа. Зарезать меня все одно не выйдет.

– А что выйдет?

– Даже не знаю, – вполне искренне сказал Сассекс. – Будь ты магом, шансы имелись бы... а так... ты, конечно, к воздействию силы мало восприимчив, но это смотря какую силу приложить. Как бы то ни было, я сдержал слово. И сумел передать силу ребенку. И не моя вина, что родилась девочка.

– А...

– А он хотел наследника.

Эдди поскреб тем же острием клинка за ухом, что, надо полагать, выражало величайшую степень задумчивости.

– Что до Уилла, то вы его найдете по ту сторону Драконьего хребта. Слышали что-нибудь о Городе Мастеров?

Чарльз не слышал, а вот Эдди, кажется, был в курсе.

– Та еще задница мира...

– Сколь знаю, основные сделки проходят там. Поселение Уилла, если и не в самом городе, то всяко недалеко. Он не тот человек, который будет получать удовольствие от уединенной жизни.

– И как он... – Эдди подкинул нож.

– Честно говоря, маг неплохой и вполне мог бы достичь моего уровня, потенциал у него имеется, а вот желания работать, в том числе над собой, нет. Ко всему Уилл всегда был довольно-таки самоуверенным, что вновь же не добавляет ему шансов на выживание. Но... будьте осторожны.

– То есть, если мы свернем этому ублюдку шею, вы не обидитесь?

– счел нужным уточнить Эдди.

– Ничуть. Я бы и сам с превеликим удовольствием, но увы, есть чем заняться...

Сассекс поднялся.

И снял с пояса кошель, который перевернул над столом и потрянул. Из кошеля выпала бархатная коробочка, несколько потертая и определенно знававшая времена иные. Но защитные руны на краях её работали, и руны весьма серьезные.

Уильям Сассекс коробочку взял, сдул пыль и стряхнул пару табачных крошек, что прилипли к бархату, а потом откинул крышку и вытащил из коробочки крупный темный камень.

– Это...

– То, чем мне давно следовало поделиться с миром, – Сассекс с нежностью погладил камень. – Здесь все... что удалось спасти. Восстановить. Имена не всех, но... многие. А главное, сама суть нашего метода.

Камень был черным, подобным капле смолы, и в гранях его свет не отражался, он скорее тонул, уходя в глубину.

– Когда-то я сказал брату, что метод завязан на мою кровь и силу, что... в общем, я опасался, что если расскажу все, как оно есть, то стану не нужен.

И это было весьма закономерно.

– На самом деле все куда проще.

Глава 11

В которой хорошие гости надолго не задерживаются

Я сидела на стуле и покачивалась.

Дурная привычка.

И хорошо, что рядом нет матушки, которая бы испортила всякое удовольствие от этой вот привычки укоризненным взглядом. И еще потом лекцией о том, что приличные девицы сидят совсем не так.

Нет, как сидят приличные девицы я и сама-то знала. Но сейчас оседлала стул, оперлась руками на спинку его, ибо так было удобнее, и покачивалась. Стул поскрипывал, но держался. Я же разглядывала людей столь разных.

И странных.

Думалось... пожалуй, обо всем и сразу.

Было немного жаль детских фантазий, которым взрослая правда не оставила места. Как-то больше не помечтаешь о добром дядюшке Уилли, зная, что он вовсе не добрый и отнюдь не немощный. А еще было жаль, что не он мой отец.

Странно, конечно.

Великий Змей еще тот ублюдок. Редкостный. Но он хотя бы за идею. А папаша... папаша мелкая сволочь, здорово всем жизни попортившая.

И Чарльза жаль.

Он-то рассчитывал свою сестрицу спасти. А спасать, выходит, некого. И дальше-то что? Вернуться? Вон, сидит, вперившись взглядом в камешек. И выражение на морде лица пререшительнейшее. Сразу видно, что человек к свершениям готовится.

Понять бы, к каким еще.

Отправится за Драконий хребет?

Или отступится? Я ведь не дура. Я понимаю, что камешек этот, он, может, дороже всех золотых приисков Айоха, о которых у нас легенды ходят.

Магов ведь немного.

Даже мало.

И дети магов не всегда магами рождаются. А тут вот способ. С гарантией, так сказать.

– Вы... – рука Чарли дрогнула. Он понимал, что держит в ладони, пожалуй, лучше меня понимал. И точно лучше Эдди, который помалкивал, но делал это с особой мрачностью. – Вы найдите кого-нибудь... вы ведь ездите в город, верно?

Великий змей склонил голову.

– Вот и отвезите. А там... почтовым курьером.

– За мной приглядывают, – Великий змей больше не улыбался, и лицо его стало серым, больным. А я почувала, что и сам-то он давно на краю. Держится исключительно упрямством. – Боюсь, далеко не все мои дети так уж преданы мне, как хотелось бы. До недавнего времени никто бы и помыслить не смел, но...

– Вы больны, – озвучила я очевидное. – Скоро помрете.

– Что мне в здешних местах нравится, так эта подобная незамутненная откровенность людей, – он вяло усмехнулся. – И да, деточка, ты права. А еще сильна.

Великий змей склонил голову и уставился на меня.

Змей.

И вправду.

Глаза змеиные, такие холодные спокойные. Смерти он не боится. Что бы ни ждало его там, за порогом, бездна ли проклятая, рай, он все одно не боится.

Надо, в Бездну спустится, прихвативши с собою пару револьверов, чтоб чертям там жарко стало.

Уважаю.

Не только я.

– И да, ты права, девочка. Осталось мне недолго. Я и так прожил куда больше, чем мог рассчитывать. Но... об этом я тоже оставил записи. Метод верный, только требует жизненной энергии... внешней.

– Вашей? – уточнил Чарльз, аккуратно вкладывая камешек в крохотный коробок.

– Любой. Но я и без того нагрешил изрядно. Не думай. Это не искупление. Просто... казалось, что сил у меня много. Но и они заканчиваются, да...

Он поднялся, разом скинув маску. И теперь было видно, что движения его скупы, что руки он прижимает к бокам, то ли поддерживая себя, то ли скрывая дрожь, что время от времени пробиралась в левую. И тогда пальцы её скрючивались.

— Изменения необратимы. И, к сожалению, заметны. Слух пошел... здесь тоже хватает слухов. И страхов. Страстей... я мечтал построить идеальное место, где люди были бы счастливы. Но... люди — это люди, местом их не исправишь. Не знаю, сколько мне осталось. Но мои сыновья уже делят власть. Пока тихо. Я допускаю, что кто-то из них списался с Уилли, во всяком случае есть повод подозревать. Так что весьма высока вероятность, что курьер просто исчезнет. С курьерами такое случается.

— А мы не исчезнем?

Вот чувствую, этот подарочек сродни скипидару под хвост кошачий.

— Два мага высшего уровня и Видящий? — губы Великого змея растянулись в усмешке. — У вас будет шанс. А воспользуетесь ли вы им...

Он замолчал, позволяя, так сказать, оценить перспективы. А что оценивать?

Даже если мы этот треклятый камушек вернем, отказавшись от высокой чести несения света науки миру, никто не поверит. Я бы точно не поверила.

А значит?

Значит, что ждать нас будут. На выходе из долины точно. Ну, это если старик прав, и его дети оказались неблагодарными засранцами. Во что я верю. В неблагодарных засранцев верится как-то легче, чем в благодарных.

— Вы... знали? — кажется, Чарли пришел к аналогичным выводам, если коробку с камушком в кулаке стиснул. И вновь же мрачно поглядел.

На меня.

А я-то тут при чем? Я вообще здесь случайно оказалась!

— Догадывался. Скажем так... у меня тоже имеются некоторые связи. А еще опыт. Мне сообщили, что Уилл связался с неподходящей девушкой...

Чарли запыхтел.

Нервный он все-таки. Брал бы пример с Эдди. Тот вон сидит спокойно, грызет какую-то деревяшку и взглядом сверлит спину Великого Змея, явно прикидывая, как сподручней в эту спину ударить.

И надо ли.

Нет, он не подлый. Опытный просто. Жизнь она такая, что иного кроме как со спины и не завалишь. Может, и не больно благородно, да только... запад тут.

Дикий.

– И что родственники этой девушки отличаются немалым упрямством. А еще обратились в одну небезызвестную контору, к услугам которой я и сам прибегал не раз.

– То есть... это они... по вашей просьбе? – в голосе Чарли клокотала ярость.

Нежный он все-таки.

– Скажем так, я подсказал им, где искать след. И его нашли. Или вы в претензии? – старик откровенно издевался. Правда, тотчас посерьезнел. – У вас много врагов, юноша. Там. На Востоке. Или не столько врагов, сколько людей, полагающих до крайности несправедливым, что в ваших руках, человека молодого, неопытного, оказалось такое состояние. Чтоб вы знали, людей в целом весьма волнуют чужие состояния. Особенно такие, которые по ощущениям довольно легко обратить на пользу. Не вашу.

– То есть, её выбрали не случайно?

А холода-то сколько, будто Великий Змей в чем виноват. Вот про состояния он чистую правду сказал. На что уж у нас малость осталась, а все одно находятся охотники и на эти огрызки. Каждый год кто-то да пытается Эдди к богам спроводить.

Не выходит.

Я нахмурилась.

Надо убираться. И не только мне, но и Эдди. И матушке, само собой. Если захочет. Если нет... Доусон защитит. У него рука крепкая. И репутация. И с судьей он знакомство водит. Нет, коль женится на матушке, то все заткнутся.

А Эдди...

– Подробности мне неизвестны. Но предполагаю, что да. Сами посудите... – Великий Змей перехватил левую руку правой и прижал её сильнее. – Что будет, если вы исчезнете? Или погибнете?

Я почти услышала, как скрипят зубы.

Это он зря. В наших местах целителей нет, а потому зубы беречь надобно. Это у Эдди они отрастают, про магов я такого не слыхала.

– Я сейчас не о ваших родных. А о вашем состоянии. Оно отойдет к матушке, верно? К женщине весьма строгой, но все-таки женщине. В делах финансовых она разбирается слабо.

Чарльз мотнул головой.

А мне стало обидно. Почему если женщина, так и не разбирается? Матушка вон сколько лет уже хозяйство вела. И ничего. Справлялась куда лучше папаши, чтоб ему в бездне задницу жарили.

– Она как раз и разбирается, – процедил Чарли.

– Верю. Но это я. И вы. А вот для высокого общества принять подобное будет... сложно. Да и потеря сына весьма скажется на её здоровье. А тут вернется дочь. И не одна, но с мужем. Конечно, супруг её не был одобрен ни вами, ни вашей матушкой, но все же брак законный. А к этому времени, полагаю, еще и благословенный детьми. Теми, которые и унаследуют это самое состояние.

– Как-то это... сложно, – прогудел Эдди.

– Зато надежно, – Великий Змей усмехнулся. – Те, кто играют против вас, Чарльз, вас знают. Ваш характер. Ваши слабости. Убить вас там, на Востоке? Возможно. Но это привлечет ненужное внимание. Начнется расследование... и мало ли до чего оно дойдет? То ли дело здесь. Здесь ведь Запад. Дикие земли. Дикие люди... что до прочего, то характер ваш, полагаю, изучили неплохо. Достаточно, чтобы понять, что сестру вы не бросите. И готов спорить, что если бы даже вашим людям не удалось бы найти снимок, то через месяц или два, вы бы получили письмо от сестры. Записку с просьбой о помощи. Неявную, нет. Ничего такого, что могло бы быть истолковано превратно. Но вы бы все одно бросились играть в спасителя.

Я почесала шею.

Вот прямо чувствую, что вляпались мы по самые уши, если не сказать больше.

И вляпываться продолжаем.

– То есть...

– Я просто воспользовался ситуацией. И готов вам помочь.

– Почему?!

– Потому... пожалуй, потому что мне пора уже думать о душе, – Великий Змей сжал и разжал кулак и уставился на кривые пальцы. – И нет, Эдди, пристрелить меня ты все одно не успеешь. Я не настолько еще ослаб.

– А насколько?

– Настолько, чтобы уступить другому магу. Другому сильному магу. Но пока они еще не решаются. Как надолго хватит моего авторитета? Понятия не имею. Но... подозреваю те люди, что идут в долину, идут не сами по себе.

Пальцы перестали дрожать.

– Их позвали сюда. И полагаю, проведут сквозь купол. Начнется схватка. И я героически погибну. Меня даже похоронят с почестями. Людям нужны герои, но желательно, мертвые. Так оно всем удобнее.

Он согнул и разогнул руку.

– Интересно ждать. Ждать и смотреть. Гадать, кто из них предал. Что ж... даже титаны не способны жить вечно.

– А у вас самомнение, однако, – произнес Чарльз.

– Куда без него. Но о деле. Что-то подсказывает, что ваш приезд несколько поторопит события. Вы уйдете. Не в город. Я открою другой путь. Выберетесь к Мертвой роще. Там вас встретят. Проведут через Драконий хребет. Эдди... когда вернешься, а я надеюсь, что такой упрямый засранец, как ты, все-таки вернется. В банке я оставил письмо. Завещание. Пусть твоя матушка никогда-то не смотрела на меня благосклонно, что... в общем, правильно. Я бы испортил ей жизнь. Но она заслуживает большего, чем та развалина, в которой ты ютишься.

Братец заворчал.

– Тише, я знаю, что ты делаешь все, от тебя зависящее, но порой обстоятельства сильнее. Двадцать тысяч я оставляю ей. Она сумеет распорядится. Скажи, это извинения. За то, что я сделал. И еще за то, чего не сделал.

– А чего вы не сделали? – поинтересовалась я.

Нет, ну любопытно же!

И нечего на меня смотреть так, будто я на любимого хомячка села.

– Следовало пришить вашего папашу на пару лет раньше, – спокойно ответил Великий Змей.

– Так это вы? – почему-то Эдди несколько не удивился.

– Он предложил мне купить Милли. У нее дар. И наследственность хорошая. Она родила бы здоровых детей. Много здоровых детей. Когда подросла бы.

Вот ублюдок!

Это я про папашу.

– Ладно, это дела прошлые... так вот, передай Элизабет, что это – моя последняя воля. Иначе у нее хватит глупости отказаться.

Хватит.

Я матушку знала. Одно дело орехи в карамели и кукла, и совсем другое – двадцать тысяч.

Двадцать, мать его, тысяч!

Да у меня в голове этикие деньжищи не укладывались. Зато укладывалась мыслишка, что лучше бы Змею и вправду... того. Нехорошо желать ближнему своему кончины, но не желать не выходило.

От совсем.

Наверное, не зря Матушка Мо говорила, что во мне бесы сидят.

Сидят.

Как есть.

Но двадцать же ж тысяч! И я буду не я, если не заставлю маменьку их принять. Ибо... ибо хватит этих денег, чтобы уехать.

Или остаться.

Как ей пожелается.

Я поерзала, очень надеясь, что мысли мои остались при мне, но Великий Змей понимающе усмехнулся.

– Уговорите. Она уже достаточно устала от собственной самоотверженности. Ко всему, Эдди, намекни, что с приданным жениха отыскать всяко легче, чем без того.

Эдди проворчал что-то этакое, должно быть, благодарность изъявляя. А поскольку делал он подобное до крайности редко, вот и вышло неразборчиво.

– Хотя... тебе, Милисента, я тоже оставлю. Как-никак крестный...

– Крестный?

Ох... ренеть.

Крестный. Мой.

И на фею не похож. Хотя... что я вообще о феях знаю? Может, и среди них засранцы встречаются. Главное, что...

– Именно. Такова была воля твоего отца. Хотя потом он решил, что не очень-то оно и надо. Но Сассексы от своего слова не отступают. Как по мне, он был не только мерзавцем, но, что куда печальнее, редкостным идиотом. Боги одарили его и детьми, и женой, а он... не важно. Ты получишь десять тысяч, но, извини, воспользоваться ими сможешь лишь по достижении двадцати одного года.

– Ага, – только и нашлась я, что сказать.

И еще подумала, что если кто про эти деньги узнает – а узнают, тут и думать нечего, ибо Последний путь – еще та дыра. Так вот, жизни мне не дадут.

Твою же ж...

– Правда, есть один момент. Даже если ты выйдешь замуж, это будут твои и только твои деньги. Права супруга на них не распространятся.

– А так можно? – удивилась я.

– Если ты знаешь пару хороших законников, то да. Но в любом случае, я бы рекомендовал тебе уехать. Все-таки здесь понятия закона довольно зыбки. Теперь, что касается тебя, Эдди...

– Обойдусь.

– Не думаю. Деньги предлагать не стану. Но попала мне в руки одна вещичка, – Змей пошевелил пальцами и поморщился. – Терпеть не могу, когда она так немеет... я им даже благодарен. Лучше быстрая смерть, чем вот так, по кусочку. Но, в общем, держи.

Он снял с пояса кошель, который кинул Эдди. А Эдди взял и поймал.

Развязал веревочки.

И хмыкнул.

На ладонь ему скользнула... косточка? Или нет, дудка. Такая тонкая хрупкая дудка, вырезанная то ли из кости, то ли из белесого, на кость похожего, камня.

– Это...

– Твое наследство. Скажем так, с той стороны не забывают о своей крови. Но отец твой категорически не желал иметь ничего общего с племенем. Потому-то и не передал. Хотя дал слово.

В огромных неуклюжих пальцах Эдди дудка гляделась совсем уж крошечной.

– И давно она у вас?

– Прилично уже. И да, мог бы и раньше отдать, но не был уверен, что стоит. Все же кое-какие вещи опасны.

– А теперь, стало быть, безопасны сделались?

– Нет. Но чую, пойдете вы по таким землям, где оно пригодится.

– Пригодится, – задумчиво произнес Эдди и сунул дудку в карман, в тот, в котором одно время часы носил. Потом, правда, пришлось продать. Сперва часы, после и цепочку от них.

Но карман остался.

– Вот и я так решил. Обнимать не стану. А вот вывести выведу... уходите, пока есть такая возможность.

Уговаривать нас не пришлось.

Глава 12

Про горы и ночные прогулки

Чарльзу доводилось встречать всяких людей. В том числе и магов. Сильных магов. Старых магов. Вот умирающих он не видел. И теперь, когда эта близость смерти стала очевидной, он не мог заставить себя задержать взгляд на человеке, несомненно, заслужившем куда более страшную участь.

Но почему-то было... нет, не грустно.

Изнутри распирали до крайности противоречивые чувства. А ведь Чарльз считал себя человеком спокойным, уравновешенным, не поддающимся эмоциям.

Как бы не так.

Снаружи пахло грозой. И дождем. Деревом. Землею. Людьми и лошадьми, которых тоже вернули, да еще и почищенными. Лошади, к слову, не обрадовались. Тот, что Чарльзу достался, глядел с укоризной: мол, куда вас несет-то?

Ночь на дворе.

Спят нормальные люди. И лошади тоже. Там, в конюшнях тепло и сытно, а тут дождь и грязь.

Сассекс взлетел в седло с обманчивой легкостью, и поводья подобрал, оглянулся:

– Ну, долго возитесь.

– Вам помочь? – Чарльз задавил едкий ответ, готовый сорваться с языка, и обратился к даме. Но та лишь фыркнула. На лошадь она села легко, выказывая немалый опыт.

Да уж.

Запад.

Тут, небось, про дамские седла и не слышали.

– Вас проводят, – сказал Сассекс и ткнул пальцем в мрачного вида женщину, что привела лошадей. Грузноватая. Полноватая. Напрочь лишенная и тени женской привлекательности, та сидела в седле, слегка горбясь.

– Сами бы доехали, – буркнула она, поправляя алхимическое ружье. В стеклянных колбах блеснули искры, и отсвет их лег на

медные патрубки, оббивавшие ствол.

– Лу я верю, как себе. Даже больше. Иди. И возвращаться не стоит.

– Без тебя знаю, – она тронула бока жеребца, такого же неказистого и мощного, как сама. И тот мягко ступил на тропу. За ним пристроилась Милисента.

– Давай. Я на замыкающего, – сказал Эдди, поправляя мешки.

И ведь не пустые.

Стало быть, пока шла беседа кто-то и лошадей обиходил, и о запасах позаботился. Проклятье. Вот чего Чарльз терпеть не мог, так это быть чьею-то игрушкой. А ею он себя и чувствовал.

Обвели.

Бишопы.

Как есть, Бишопы. Больше некому. И ведь Элайя никогда-то не скрывал особо, что считает Чарльза выскочкой, которому в жизни повезло.

...сватался еще.

К матушке.

Когда это было? Года три тому. Он как раз овдовел, выдержал срок, чтобы приличий не нарушать, а там и зачастил в гости. Обихаживал. Только матушка его насквозь видела.

– Дрянной человек, – помнится, сказала она. – Но повода не дает.

Обошлось без повода. Отказа хватило.

Из-за него все? Из-за отказа? Раненое самолюбие сподвигло на авантюру? Или дело куда сложнее? Плохо, что не получится связаться с матушкой. Она бы могла прояснить некоторые вопросы.

Ходили слухи, что состояние Бишопов несколько истаяло.

О привычках младших.

О неудачных проектах. Но... это лишь слухи. Стоит ли им верить?

О Чарльзе тоже слухов гуляло изрядно. Но все-таки... если действительно возникла нужда в деньгах? Это объясняет, почему Бишоп так вцепился в приданное. Но приданого ему надолго не хватит.

Выходит, прав Великий змей?

Чтоб ему...

С одной стороны, дерьмо полное. С другой... с другой стороны, Августа им нужна. И нужна будет долго. Это хорошо. Её не используют, как остальных.

Её даже беречь станут, ибо без Августы денег не получить.

Почему-то от мыслей этих не стало легче.

Чарльз оглянулся.

На небе еще гроыхало эхо недавней бури. Черные тучи укрывали луну, и тьма вокруг гляделась непроглядной. В этой тьме не видно было ни тропы, по которой ступали лошади, ни поселения, оставшегося где-то позади. Там виднелись редкие отблески света.

Захотелось вдруг вернуться.

Не в поселение. Домой. Вернуться и вцепиться в глотку Бишопу. Тряхнуть хорошенько. Потребовать, чтобы вернул Августу. И вернул бы, никуда бы не делся, но...

Где-то рядом печально заплакал койот. И на голос его отозвалась тывканьем лисица. Конь вздрогнул было.

– Тихо, – сказал Чарльз. – Ты ж привычный вроде...

Горы появились из темноты. Сперва выкинули огромные валуны, что проступили седоватыми будто инеем подернутыми великанами.

Теперь, когда глаза слегка привыкли к темноте, он видел и Милли. Та сидела ровно, расслабленно, и кажется, вовсе не подавала признаков усталости. А ведь они сутки, почитай, в седле. И сколько еще ехать придется?

Тропа стала шире. Она, вползшая змеею в узкое ущелье, раскрылась, растянулась, позволив Эдди приблизиться.

– Думаешь, ей стоит верить? – шепотом произнес Чарльз, правда, сперва благоразумно накинувши на себя полог.

– Никому не стоит верить. Полностью, – поделился Эдди то ли мудростью местной, то ли личным опытом. – Но идем правильно.

– Ты здесь бывал?

– Бывал. Иногда я... кое-что привозил для старика.

– Кое-что запрещенное?

– Не всякие запреты разумны, – нейтрально ответил Эдди. – А он кое-что продавал... нужным людям.

– Тоже запрещенное.

– Ты что, шерифом стать хочешь?

– Да нет. Просто... беспокойно как-то.

– Ага. Жопой чую, без стрельбы не обойдется. Жаль. Хорошее было местечко.

– Полагаешь, его и вправду...

– Ему жить осталось недели две. Может, три. Ты что, не видел?
– Видел, но не думал, что все настолько запущено.
– Он последний год и держался-то на орочьих травах. Племена его знали. Может, и скотина, но дела вел честно.

Наверное, это можно было считать комплиментом.

– И что дальше?

– Дальше? – Эдди сдвинул шляпу на затылок. – Дальше доберемся до места. Встретим проводников. Пересечем Драконий хребет. А там, коль живы останемся, посмотрим.

Планы вдохновляли кажущейся простотой.

Чарльз кивнул.

– Останемся, – он сжал коробку с проклятым камнем, который грозил не столько славой, сколько кучей проблем. И совесть, очнувшись, нашептывала, что стоило бы повернуть назад. Домой. То знание, которое Чарльзу вручили, оно ведь не просто ценно. Оно способно изменить мир. И если Чарльз действительно погибнет, то и знание это пропадет втуне. Нечестно. – Как иначе-то?

Эдди усмехнулся: в темноте блеснули клыки. И от души, почти по-родственному, хлопнул Чарльза по спине.

– Наш человек! – сказал он.

А где-то далеко, позади, грохнул выстрел. И эхо потянуло, разодрало его на куски. Но стоило звуку угаснуть, и донесся гул.

Протяжный.

Низкий.

Зарокотали горы. И конь Чарльза испуганно шарахнулся в сторону. Лошади не любят выбросов силы. А эхо, долетевшее до Чарльза, заставило подобраться.

– Спешить надо.

Гул сделался яснее, отчетливей.

И заплесала лошадь Милли, но была остановлена крепкою рукой.

– Вперед! – рявкнул Эдди, глянув на отвесные скалы, которые, казалось, только и ждали гостей, чтобы сомкнуться или, на худой конец, отряхнуться, сбросить на головы огромные валуны.

Камни покатались.

Зашелестели.

– Двигай! – рявкнули на ухо, выводя из задумчивости. И чужой хлыст стеганул по крупу коня. Тот, завизжав не столько от боли,

сколько от страха, рванул вперед. Чарльзу только и оставалось, что мысленно пообещать: если жив останется, этому орку нос сломает.

Чтоб в следующий раз не лез под руку.

Если жив останется.

Лошади летели.

По тесной каменной дороге, что втиснулась меж отвесными скалами. И эхо, рожденное в ущелье, разбивалось о стены его. Мелькали тени. И в крошечной тьме, ибо луна все еще отказывалась глядеть на землю, дорога казалась бесконечной.

Наверное, это было сродни чуду.

Лошадь не споткнулась.

Не упала.

И сам Чарльз удержался. Он изо всех сил пытался не упасть. Получилось. В какой-то миг стало тише. И откуда-то сзади донесся судорожный вздох гор, сменившийся грохотом камнепада. Потом стало тише.

Спокойнее.

Будто те камни стали заслоном.

Лошади тоже почуяли, и жеребчик Чарльза перешел на шаг. Чарльз несколько не удивился, обнаружив рядом Милли.

– Живой? – поинтересовалась она.

В темноте глаза её поблескивали, да и вовсе гляделась девица на редкость довольной. Будто не впервой ей было посреди ночи нестись куда-то, сломя голову.

– Не дождетесь, – буркнул Чарльз.

И Милисента рассмеялась.

А он подумал, что, должно быть, выглядит на редкость глупым, и тоже рассмеялся. Смех был слегка нервным, но, как ни странно, стало легче.

– Нашли время, – проворчал Эдди.

На привал мы остановились ближе к рассвету. И пусть дальше шли медленно, осторожно даже, хотя и женщина, ведшая нас явно неплохо знала местные тропы, я все одно устала. Неимоверно.

Не только я.

Лошади, они ведь тоже не железные. Последние пару часов и вовсе пришлось спешиться, уж больно узкою, вихляющею была тропа.

Она вилась, то прижимаясь к боку скалы, карабкаясь на неё, выше и выше, дразня бездной, что раскрывалась с одной стороны, толкаясь каменными выступами с другой. То вдруг расширялась до приличной дороги, чтобы в следующее мгновение протиснуться меж двумя камнями.

Мы шли.

И шли.

Где-то ехали, хотя и лошади брели еле-еле.

Я поймала себя на мысли, что графчик наш неплохо держится для человека, явно к таким вылазкам непривычного. Вон, идет, на лице выражение крайней сосредоточенности. Челюсть вперед выставил, упрямо, стало быть. Брови свел. Хмурый. Злой.

Но не матерится.

То ли избыток воспитания мешает, то ли усталость.

Эдди, которого я едва-едва различала впотьмах, тот вот ругался. Тихо. Сквозь зубы. Зато со всею душой. А вот проводница наша скользила по тропе, будто тень.

Явно хаживала не раз и не два.

Но, в общем, мы шли и шли, и шли...

– Хватит, – сказала женщина, выбравшись на узкий пятачок земли меж скалами. – А то еще помрете раньше времени.

Это было произнесено с некоторой надеждой.

Хрен ей. Помирать лично я не собиралась, да, день выдался тяжелым, но случалось и похуже. Эдди и вовсе спешился с легкостью, потянувшись, зевнул во всю пасть и сказал:

– Это мы где?

– Где надо, – буркнула наша проводница.

Вот не нравилась она мне. Категорически.

И я ей тоже. Я такие вещи чую. И пусть смотрит она будто бы в сторону, но когда я отворачиваюсь, взгляд её нет-нет да задерживается.

И на мне.

И на Эдди. И на графчике, который сполз по стене и сидел, глаза закрывши. Может, воды ему дать? Или обидится? Матушка говаривала, что мужчины жуть до чего гордые. И нервные. А этот еще и цивилизованный больно.

В общем, обойдется.

Я ослабила подпругу и огляделась.

Горы.

Горы не люблю. В них чувствую себя на диво беспомощной, даже в прериях как-то оно иначе. А тут слева стена, справа стена, спереди и сзади, что характерно, тоже. Мы оказались на небольшом пятачке относительно ровной земли. Здесь было пыльно, холодно.

Неправильно.

Я огляделась и вдруг поняла, что понятия не имею, куда идти. Даже не куда, а откуда, ибо тропа, по которой мы поднялись, исчезла.

– Отдыхайте, – бросила проводница, прищурившись.

И приложила ко фляге.

Эдди тоже достал свою, а заодно сунул нос в седельные сумки. Хмыкнул. Чувствую, что бы там ни лежало, оно было весьма полезным.

В моей обнаружилась еще пара фляг, мешочки, судя по запаху, с сушеным мясом, вымешанным с сушеными же травами. Хорошо. И хватит надолго. И на солнце не попортится.

Я похлопала лошадь по шее:

– Извини, – сказала ей. – Тут ни пожрать, ни попить, но выберемся...

Тихо хмыкнула проводница.

Похоже, выбраться будет несколько сложнее, чем я думаю. Я прислушалась. Да, горы не люблю. Слишком много камня и он каким-то образом глушит мою силу. Та уходит внутрь, будто в бездну проваливается, и никакого отклика. Я потянулась. Помахала руками. Прошлась, старательно озираясь, надеясь, что вид у меня в достаточной мере глупый. И оказавшись рядом с Эдди, ткнула его под ребра.

– Выбрались! – сказала я тем бодрым тоном, который заставил братца прищуриться.

Он ведь тоже чуял неладное.

И ответил едва заметным кивком.

– погоди, – прогудел он, потягиваясь. И головой мотнул, и шагнул, чтобы усестись рядом с графчиком, а тот еще и подвинулся, будто бы насиженный им камень чем-то от прочих отличался.

Говорю же, вежливый.

И не совсем бестолковый, вона, глаза блеснули, рот приоткрылся и закрылся, когда под графский бок ткнулся локоть братца.

– Это Мертвая роща? – поинтересовался Чарльз тем капризным брюзгливым тоном, за который сразу захотелось дать ему в морду.

– А ты тут рощу видишь? – женщина не спешила присаживаться. Она стояла, расправив плечи, вдыхая тяжелый сухой воздух. – До неё еще полдня топать.

– Зачарованным путем? – Эдди прищурился.

А солнце вставало. И пусть пока еще не видно было огненного шара, что рано или поздно поднимется на небеса, но вершины скал поседели, да и тьма сделалась не такой непроглядной. Эдди вон щурится, и глаза отсвечивают зеленыю.

– Много будешь знать, долго не протянешь, – сказала женщина и, вытащив плитку табаку, отрезала кусок. Жевала она медленно, демонстративно и на нас не глядела. А вот на солнце – да, будто... ждала?

Чего?

Я подошла к Эдди и пожаловалась громко:

– Спать хочу! И есть.

И губы надула.

– Устала...

– Посиди, – Эдди похлопал рядом с собой. А вот графчик устался этак, удивленно. Но тотчас глаза прикрыл. И вид у него сделался на диво расслабленным, умиротворенным. А что рука на револьвере лежит, так оно совпадение.

Сидели мы так, сидели.

Не скажу, чтобы долго. Придремать по-настоящему я не успела. Но вот Эдди осторожно сжал мои пальцы, выдергивая из того полусонного состояния, в котором мир ощущается особенно ясно.

Я не стала открывать глаз.

И вовсе шевелиться. Только ответила на пожатие пожатием. Слышу.

Горы при всей их пакостливости все же имеют одно до крайности полезное свойство: звуки в них разносятся далеко. Даже тихие. Особенно тихие. Порой думается даже, что и разносятся они исключительно, чтобы нагадить тем, кто скрыться желает.

А те, кто шел, явно желали.

И ноги лошадям замотали ветошью. И сбрую прибрали. И сами-то... сколько их? Я прислушалась. Трое? Нет... трое и еще один,

который будто бы позади. А с другой стороны двое. Те же? Другие? И главное, тропы не видать, а идут. Стало быть, из местных, кому тропы открываются.

И что делать будем?

Нет, оно может статься, что идут они с благими намерениями, скажем, желая проводить до самого города Мастеров, но что-то слабо верится.

Тихо всхрапнул Чарльз. А я с трудом удержала улыбку.

Еще тот актер.

Нет, но вопрос с тем, что делать все еще открытый. Первым стрелять как-то не вежливо, оно ведь и вправду оказаться может, что люди не виноватые. Но и ждать... ждать тоже не люблю.

Почти как горы.

Сила во мне ожила вдруг, нахлынула, грозя выплеснуться огненным потоком. А это с чего вдруг? Я одернула её, но сила клокотала.

Силе... тоже не нравились горы?

Или люди?

Они ведь не просто так идут. А вот открытие тропы я едва не пропустила.

Глава 13

О том, почему не стоит связываться с магами

Мага Чарльз почуял издалека и порадовался лишь, что сам закрылся. Потом подумал, что надо будет и Милли научить закрываться, потому как она вдруг вспыхнула ярким огоньком.

Сильна.

И этот всплеск не случаен. Маг тоже видел их. И не просто видел. Маг явно шел по следу, как хороший гончий пес.

Вот ведь... а Чарльз почти поверил, что до места они доберутся без проблем. Он покосился на Эдди, который, кажется, вовсе придремал. Дыхание его и то было спокойным, умиротворенным.

А ведь чувствует.

И готовится.

И... дрогнула граница, совмещающая два энергетических поля, и купол, разделявший пятак земли и тропы, исчез. Ненадолго.

Почувствовав это, женщина развернулась.

И выдохнула с немалым облегчением. И расслабилась, разом поверив, что теперь-то все закончилось.

А на пяточке оказались четверо, похожие, словно близнецы. И Чарльз с сожалением понял, что ошибся. Маг был не один. Магами были все четверо, кроме того не просто магами, но сработавшимися, сумевшими так сплести силу, что теперь она казалась единой.

Редкий случай.

– Подъем, – нарочито громко сказала проводница, активируя ружье. Заклокотала жидкость в колбе, засияла рассеянным светом силы. – Приехали. Только давайте без дури...

Над головой развернуло крылья заклятье.

Красиво.

А главное, из запрещенных... Чарльз хмыкнул. Мысленно.

– Стало быть, так? – Эдди приоткрыл левый глаз, и в мутном предрассветном свете тот показался черным.

– Как уж есть, – ответила женщина, явно нервничая.

А вот маги были спокойны.

Верили, что заклятье сработает? И ведь должно было бы, но...

– Встать, – раздался сухой голос, и появилось острое желание подчиниться. Более того, сама мысль об ослушании причинила почти физическую боль.

На долю секунды.

Все-таки ментальные сети – та еще пакость. Хорошо, что при всей своей силе они на диво неустойчивы.

Медленно поднялся Эдди.

За ним Милисента.

И Чарльз не стал противиться чужой воле. Пока.

– Оружие на землю.

Приказы отдавал тот, что держался позади братьев, а в том, что четверку связывали кровные узы, Чарльз не сомневался. Уж больно сила их сроднилась.

Эдди потянул револьвер.

И Милли...

Выстрелы грянули одновременно. Полыхнули щиты.

И опали.

Завизжала чья-то лошадь, а над ухом снова грянули выстрелы. И пара магов полетели под копыта.

– Милли... – рявкнул орк.

И следом, навстречу чужой силе, покатила рокошующая стена пламени. Кто-то заорал, а Чарльз, развернувшись, всадил пулю в женщину, которая готова была выпустить разряд силы.

Сверху громыхнуло.

И сплетенный их воздуха хлыст взрезал каменную плоть. Посыпалась крошка, где-то в скалах недовольно загудела земля.

– Засранцы, – Эдди сплюнул.

Он стоял, держа пару массивных револьверов, явно сотворенных по особому заказу. Обыкновенные как-то не умеют пробивать щиты третьего уровня.

Огненная стена рассыпалась вихрем искр. И в свою очередь Чарльз едва успел выставить заслон, о который разбились ледяные стрелы.

– Точно засранцы, – убедился в изначальном мнении Эдди. – Эй вы, болезные, чего вам надобно?

Маги ответили воздушной волной, которую Чарльз принял и поглотил.

Хлопнул выстрел.

И мимо пронеслась обезумевшая от страха лошадь.

– Шли бы вы домой, ребята, – посоветовал Эдди, озираясь.

А Милисента вновь выпустила пламя, на сей раз огненный поток закрутился, сплелся в узкую, раскаленную добела, плетъ, которая обрушилась на магов сверху, правда, без особого успеха: те успели сплести щит и какой-то на диво прочный.

Зашипели скалы, из камня плеснуло раскаленным железом.

И огонь тихо пополз по граниту, не спеша погаснуть.

Рявкнули стволы Эдди, но на сей раз щит устоял. Да они его двойным сделали! И третий слой выплывают с той неторопливой старательностью, которая явственно указывает, что маги точно знают, что делают. И главное, зачем.

Плохо.

Даже дерьмово.

Что это значит? А только одно. Подставляться они не рискнут, но и уйти не позволят. Задержат. И держать будут, пока... пока не подоспеет помощь.

Твою ж...

Чарльз прислонился к стене, прикрыв глаза. Думай... есть же образование... этих тоже учили и неплохо, но скорее всего весьма ограничено. А стало быть... тройной щит полагают неуязвимым, но ничего неуязвимого нет.

Значит...

– Милисента, – Чарльз потер руки, ибо мысль, пришедшая в голову, была не то, чтобы совершенно безумной, но явно выбивалась за границы классических представлений об использовании энергий. – Силы остались?

– Хватит.

– Я про...

– Поняла. Что надо? – она наблюдала за магами искоса, жадно впитывая каждое движение их.

– Надо... надо, чтобы ты позволила мне оперировать ею напрямую.

– Чего?

– Откройся, – Чарльз перехватил её за руку. – Они ждут подмогу, и если кто подойдет...

– Поняла. Не дура, – Милисента кивнула. – Делать чего?

– Ничего. Просто... не пытайся мешать. Будет неприятно, но так надо.

– Ага...

– Эдди?

– Я пока по-своему, – Эдди перезаряжал револьверы. – Эй вы, там, чего вам вообще надо?

Как ни странно, маги отозвались.

– Отдайте девушку, – сказал тот, который был чутка повыше. И голос его оказался звонким. – И уходите.

– А отпустите?

– Можем принести клятву.

– Одна уже принесла, – Эдди сплюнул, а Чарльз перехватил тонкое запястье женщины, которая горела силой. Даже кожа её казалась раскаленной.

Гавкнули выстрелы.

Впустую. Щит поглотил энергию пуль, но пускай. Маги заняты. Маги тоже живые. И боятся. Сколь бы ни были они уверены в своей защите, но этот страх не выжечь.

– Тот, кому приносилась клятва, мертв. Мы живы.

– Так себе гарантия, – откликнулся Эдди, и снова выстрелил.

Дважды.

Пули ушли в одно место, но вновь же этого оказалось недостаточно.

Сосредоточиться нужно. И не на пулях. Сила. Она откликнулась легко, потянулась к Чарльзу, доверчивая, горячая, что лава. И ему непривычно работать с такой, но справится.

Вариантов нет.

Их не отпустят. Свидетелей никогда не отпускают. Но Милли им нужна, что хорошо. Должно быть, поэтому и за щитами укрылись. При совокупной их силе маги, пожелай атаковать, доставили бы проблем.

Ничего.

Чарльз справится. Силу приходится осаждать, разбирать, что пряжу, на нити, сплетая с собственной. Вот так... пропуская через тело, которому не по вкусу подобное. И ноет сердце, рот наполняется

кислой слюною, которую приходится часто сглатывать, а она все одно бежит по подбородку.

Но сила...

...это не заклятье, не то, которому учат в университете.

Просто...

— Зачем вам моя сестра?

— Договор. Заключен.

— С кем? — грохот выстрелов несказанно отвлекает, и тянет одернуть Эдди. В конце концов, патроны пригодятся еще, а он их тут потратит.

На щит.

Сила ползет по земле змеею, собирая камни, вылепляя из них новое тело. И сперва махонькая, что червяк, змея становится больше.

Тяжелее.

И вот уже до Чарльза доносится сдавленная ругань магов. Старший отпускает недостроенный щит, и слой его рассыпается. Все же держать подобную конструкцию не так и просто.

Впрочем, как и змею.

Она уже на змею и похожа. На огромную, вроде тех водяных драконов, чучела которых в прошлом году выставило Географическое общество. Кажется, потом еще скандал приключился, ибо драконы оказались подделкой.

Или кто-то пытался доказать, что они подделка?

Не важно.

Чарльза обнимают, и становится совсем горячо.

А змей, от которого с визгом разбежались те лошади, что еще не ушли, поднимает каменное тяжелое тело. Маги пытаются ответить, но их сила уходит к той... правильно.

Точка притяжения.

Внешняя.

Не то, чтобы невозможно, просто сложно.

— Убей, — Чарльз говорит это вслух, хотя ментальная связь с големом не требует слов. Приказ оформлен максимально четко. И образы даны. Но ему отчаянно нужно произнести это слово.

Маги кричат.

И кто-то, кажется, пугается настолько, что в единой силе появляется трещина. Хорошо.

Змея, поднявшись грудой камней, обрушивается на купол. И тот трещит, но выдерживает, правда, теперь из-за рассинхронизации силы начался отток её. Искры ползут к змее, и та, обняв купол кольцом, прижимается к нему. Трещин становится больше.

И больше.

Вот только и Чарльз слабеет. Он еще держится, пожалуй, на одном упрямстве держится, том, которое стоило отцу жизни. Нельзя отпускать. Если сейчас змея рассыплется, маги успеют скоординироваться...

– Эдди! – голос раздался над самым ухом. – Стреляй, мать твою!

– Маму не трогай! – ответ Эдди потонул в грохоте выстрелов.

И купол рассыпался, выплеснув излишки силы, которые были тотчас поглощены големом. Раздался крик. И выстрел. И, кажется, грохот рукотворной лавины, в которую превратилась земляная змея. Чарльз честно пытался устоять на ногах.

Чарльз даже устоял.

Почти.

Он покачнулся. И понял, что сейчас вот упадет.

– Эй, Эдди... – крик донесся будто бы издалека. И подумалось, что нужно было нанимать солдат. Роты две. Или три... и вообще пора бы армию купить.

Армия, как показывает жизнь, весьма полезное приобретение.

Чарльз даже где-то на краю ускользающего сознания начал прикидывать, во что бы обошлась ему покупка армии, а заодно и содержание, но потом вдруг понял, до чего мысль-то бредовая.

И отключился.

Графа я подхватить успела.

И удержала.

Даром, что тощий, а все одно весу немалого. Ишь, побелел весь, и главное, из носу кровь потекла, и из глаза тоже. А если откинется, тогда что? Нет, понятно, что контракт можно будет счесть закрытым, но почему-то мысль эта радости не внушала.

– Живой? – уточнил Эдди, когда я уложила графчика на землю.

А что? Тяжелый. Меня саму он покачивает, будто пьяную. Хотя, конечно, до покачиваний я напилась всего раз, и то не сама. Угостили.

Мне тогда аккурат пятнадцать исполнилось. Самый дурной возраст. Хотя Эдди утверждает, что с возрастом во мне дури не убавляется, а даже наоборот, но это он предвзятый. А тогда... тогда я едва не влюбилась в одного парня. Хорошего, как мне казалось.

И потому, дождавшись, когда Эдди уйдет на охоту, я сбежала.

Через окно.

Само собой меня ждали. Его же ж идея была. Мне обещали прогулку под луной и пикник. По-взрослому. Ну гулять мы гуляли, а там и присели. На пикник, стало быть. Вот тогда-то он и поднес мне напиток. Взрослый. Сидр.

Я же взрослая!

Как было отказаться? В общем, не знаю, чего он там намешал с лимонадом, подозреваю, что оркского самогона, причем не лучшего качества. На вкус эта дрянь была сладкой, в нос шибало пузырьками, а потом и по мозгам шибанула.

Помню, он меня целовать начал, а я рассмеялась, до того это показалось все нелепым.

Он обиделся.

Полез раздевать. Я вяло сопротивлялась. И никто не знает, чем оно бы закончилось, если бы меня не стошнило. Вот прямо на этого урода.

Ну, про то, что он урод, я поняла, когда осталась одна в степи. Я шла домой... как-то вот шла. Пару раз падала. На холоде протрезвела. И пришла аккурат до рассвета, ровно затем, чтобы столкнуться нос к носу с Эдди.

Он удивился.

Я... я не стала отпираться, ибо познакомилась не только с алкоголем, но и с его последствиями. Эдди тогда даже не ругался.

Сгреб в охапку и отнес домой.

Там и сунул, как была, в одежду, в ванну, поливал и ворчал что-то такое, не совсем цензурное, но на орочьем. Я еще запомнила, а вот случая уточнить, что именно я запомнила, как-то не нашлось.

Что до того урода, то он пропал.

Говорят, без вести.

И что характерно, искать его особо не искали. Я уж точно.

В общем... ощущения были схожими, и потому я опустила рядом с графом на корточки.

– Сейчас, кажется, блевану, – сказала я, раздумывая, что стоит бы отвернуться, ибо если графчик все-таки не помрет, потом перед ним будет неудобно.

– Милли! Леди так не выражаются.

– Хорошо, что я – не они.

Эдди подошел к грудке камней, в которые превратилась змея. Живых под ней не ощущалось, да и в целом камни гляделись камнями.

Бывает.

Я сглотнула слюну.

– Уходить надо, – сказал Эдди, почесав себя за ухом. Обойдя поляну, он ненадолго остановился над трупом той стервы, что нас сдала. Пинать тело не стал, а вот обшарил споро, с немалой сноровкой.

А я что?

Охота – дело такое... многое уметь нужно.

Эдди потрогал носком сапога ружье, явно раздумывая, брать его или нет. Оно, конечно, штука занятная. И чую, что шибает изрядно, да вот здоровущее.

Колба опять же хрупкая.

И мага, чтоб камни заряжал, найти не так просто. Стоп. По ходу и вправду тяжело, если не соображаю. Я маг. И графчик тоже. Вона, все-таки раздышался даже глаз приоткрыл.

– Милли? – Эдди поднял-таки ружьишко. – Перчатки на женскую руку. Возьмешь?

– Давай, – я вытерла рукавом соплю.

Блевать, к счастью, больше не тянуло. А перчатки сели хорошо. Сделанные из мягкой лайки, ношенные, они обмялись и теперь плотно облегали ладони. Поверху поблескивала металлом расшивка управляющих контуров, и я чувствовала слабые потоки силы.

Я пошевелила пальцами, а после и вовсе сжала левую руку в кулак, и кивнула, увидев, как в колбе ружья за клубился туман. Хорошая штука. Оно, конечно, револьвер привычней будет, но, чую, и она нам пригодится.

Эдди же свистнул, тонко так, что по ушам полоснуло. Но на свист его ответили ржанием. А после из расщелины выглянул жеребец, за которым и моя лошадка потянулась, ну а там сыскался конь и для графчика, что вроде и помирать передумал, но и не больно-то живым гляделся.

— А если того, — поинтересовалась я, глядя, как Эдди перекидывает бедолагу через конскую спину. Еще и веревкою привязал. Оно-то ради пользы только, чтоб не сверзся ненароком, но гляделось жутковато. — Ну... того? Загнется?

Эдди пожал плечами, мол, жизнь такая, всякое в ней случается, и ответил:

— Похороним.

Потом помолчал и добавил:

— Правда, без почестей.

Глава 14

В которой путешественники оказываются по другую сторону гор, где тоже есть жизнь

На что похожа Мертвая роща? На рощу и похожа. Только мертвую. Нет, добрались-то мы до неё не сразу. Сперва Эдди кружил, искал тропу, которая все не давалась, видать, крепко от чужаков была зачарована. Эдди даже нервничать начал.

А потом придумал, что делать.

Оно, конечно, не слишком красиво вышло. Я даже отвернулась, когда Эдди к покойнице подошел со своим тесаком. А все одно звук получился мерзостненьким. После уж то ничего. Голова? Будто я их раньше не видела. Голову он к седлу привязал. А там уж на крови-то, пусть и мертвой, путь открыл.

Сказал только:

– Если этот очнется и блевать захочет, скажи, чтоб не сильно. А то воды на ближайшие мили я не чую.

Я кивнула. И подумала, что и вправду нехорошо будет, если очнется. Ну и повод его коняшки прибрала. Так и поехали. Впереди Эдди с головою в седле, которую он рукой еще придерживал. И ехал с закрытыми глазами, но обманываться не след: все-то он видел.

Пусть и не своими глазами.

Ну а за ним я, а там и Чарли, который на счастье свое продолжал пребывать в состоянии бессознательном. Я бы даже решила, что он вовсе окочурился, но теперь как-то очень уж ясно слышала огонек силы внутри него.

Так мы ехали.

И ехали.

И все еще ехали, не останавливаясь даже когда солнце за полдень перевалило. Ну а потом уже и приехали. Горы вдруг стали будто бы темнее, а потом, наоборот, разом посветлели. И с каждым шагом – а

лошади уже едва брели, тоже понять надо, что утомились – они все больше выцветали.

В какой-то момент краски вовсе схлынули.

Горы же покрылись... солью?

Я даже спешила и пальцем потрогала искрящиеся белые кристаллы. Острые какие!

– Не вздумай в рот тянуть! – не открывая глаз, сказал Эдди.

Я поспешно вытерла пальцы и лошадь взяла под уздцы. Та явно беспокоилась. Вон, затанцевала, ушами прыдет, пятится. Не по вкусу ей место.

И в чем-то я лошадь понимала.

Чем дальше, тем сильнее я ощущала темную силу, что выплеснулась на дорогу.

На рощу.

Белую-белую рощу. Деревья в ней, казалось, застыли вне времени, покрытые все той же искрящейся чистой солью. Свет заходящего солнца окрашивал их то в розовый, то в алый, и тогда казалось, что сквозь соль проступают пятна крови.

– Нехорошо здесь, – я обняла себя. – Эдди...

– Убивали тут. Многих, – он открыл-таки глаза и попытался спешиться, а в итоге мало что не свалился. Я едва успела подхватить. А эта бестолочь заворчала, мол, тяжелый. Без него знаю, что тяжелый. Но это еще не повод, чтобы мордой в соль падать. А вот голова бухнулась, покатила прямо к мертвым деревьям. И те вдруг ожили, зашевелили ветвями, хотя, клянусь, я не ощутила и тени ветра.

Захрустела корка.

Потянулась.

И затащила голову плотным соляным панцирем. Кажется, начинаю понимать, почему сюда за солью никто не ходит. А ведь казалось бы, недалече...

– Как... Чарли?

– Живой, – честно ответила я, помогая Эдди добраться до графика. – Но того... крепко, видать, выложился. Нам бы отдохнуть.

И лучше бы там, в скалах, потому как соляная роща, сожравшая только что голову, не выглядела сколь бы то ни было подходящим местом для отдыха. А с другой стороны, горы нас теперь не примут.

Да и... лошади едва стоят.

И я не лучше.

А ведь нам проводников обещали. Хотя... один нас уже проводил.

Я вздохнула и, вернувшись к лошади, ослабила подпругу. Уздечку тоже сняла, погладила по шее:

– Извини... тут будем?

Это уже Эдди адресовалось, которому место тоже было не по вкусу. Он стоял, крутил головой, прислушиваясь к чему-то. Руки его лежали на револьверах, да и вид у братца был такой, характерный.

– Тут.

Я кивнула и сняла седло. Спину бы лошади тоже растереть не мешало. И напоить. И... я только вздохнула, когда конская морда ткнула мне в грудь.

– Потерпи. Завтра... завтра отсюда выберемся.

Или сдохнем.

У нас тоже воды не так, чтобы много осталось.

Лошадь вздохнула. Поняла, стало быть? А я занялась Чарли. Содрала веревку, от которой на руках остались характерные следы, но авось не обидится? Очнулся бы... времени вон сколько прошло, а он лежит себе тихонько.

Не шевелится даже.

Я приложила ухо к груди. Нет, сердце бьется. Искорка силы внутри тоже трепещет, но вялая, несчастная. И мне подумалось, что вреда-то особого не будет. Может, он такой квелый потому как всю силу отдал? Тогда, выходит, если искра эта погаснет, то и маг помрет?

Нехорошо.

Все-таки мне с ним еще на Восток ехать. Я даже почти смирилась с этой мыслью. А загнется, где тогда провожатого искать? То-то и оно.

И нахмурившись, я попыталась вспомнить, что там, в маговой книге, про силу писали. Выходило, что писали много, но очень уж непонятно. Ну... а если иначе?

Он же ж сам говорил, что вреда магия не причинит.

Пусть и не причиняет. Пусть причиняет исключительно пользу. Я потянулась к своей силе, или она ко мне, откликнувшись с прежнею легкостью. Аж руки защипало. Ну я и положила их, одну на грудь, а другую на лоб. Я сделала выдох.

Вдох.

– Милли? – Эдди явно беспокоился.

– Не спалю, – пообещала я, почти, между прочим, искренне. Ну, во всяком случае с большой надеждой, что и вправду не спалю.

Сила...

Сила потекла к огонечку, и тот сперва задрожал, а потом тоже к силе потянулся. Вот и ладненько. Я, правда, не знаю, сколько ему надобно, но пока делюсь.

Это было даже красиво.

Нити моей силы, всех оттенков золота, завивались, сплетались этакими то ли проволочками, то ли туманом, обнимая огонек, а он тянул их в себя.

И тянул.

И...

Маг раскрыл глаза и захрипел.

– Лежи тихо, – велела я и голову прижала. А то чего он дергается? Я, между прочим, добро творю, а это не часто случается.

Он глазами моргнул.

– Т-ты...

– Я, – сказала я и кивнула на всякий случай. – Милли я. Милисента. А там Эдди... да не вертись, никуда он не денется. А ты Чарли... граф там какой-то...

Чарли рот открыл и заклекотал. Ишь, болезный, может, ему той магией мозги отшибло? Слыхала, что и такое бывает. Вона, прошлым годом, Тед Кривой, перепивши, с коня сверзся да макушкою в камень, после тоже три дня лежмя лежал и все думали, что отойдет. Жена его даже с гробовщиком ругаться ходила, потому как тот, скотина, совсем уж бесстыдных денег запросил. А Тедди взял да и очнулся.

Сперва глазами хлопал.

А потом заговорил. Ну и оказалось, что камнем тем ему всю память начисто отшибло. Ни имени своего, ни жены, ни шестерых детей не помнит. Кто-то, правда, бросил, что это он просто случаем воспользовался, чтоб, значится, от жены уйти, да это так, зубоскальство.

Не ушел.

Пить бросил. Играть тоже. В церковь стал захаживать к превеликой радости пастора, который тот камень чудом Господним объявил.

Ну... так вот, может, и у магика чего отшибло ненароком? Или от того, что он полдня вниз головой провисел? Тоже ведь не на пользу.

– Хватит, – просипел он и руку мою скинул, разрывая ниточки силы.

От дурак! Больно же ж!

Я рукой помахала и поморщилась. Благо, перчатка как-то защитила.

– Мы... где? – поинтересовался Чарли, оглядываясь. Причем сколько во взгляде подозрительности.

– Мертвая роща, – сказала я, проглотив зевок.

В животе заурчало.

Вспомнилось, что ела я давно, да и пить захотелось со страшной силой. Заныли ноги. Заболела голова. И мир показался до отвращения недружелюбным местом.

– Мертвая, – Чарльз потер запястья и уставился на красные следы от веревки.

Я отвернулась.

Не я его вязала и вообще...

– И... что мы тут делаем? – претензий по поводу следов графчик предъявлять не стал, проявив редкостную разумность.

– Ждем.

– Кого?

Хрустнула соль под копытом лошади, и деревья вдруг зазвенели, тоненько так, жалобно. В звоне их мне почудились голоса. Много-много голосов, очень далеких, спешащих сказать что-то донельзя важное, но при том перебивающих друг друга. И от многоголосицы этой тотчас заболела голова.

– Их, похоже, – сказал Эдди.

А я...

Я ничего не сказала. Только подумала, что это с той стороны горы высокие, а с этой... с этой начинались земли беловолосых сиу.

Так чему удивляться?

Сиу Чарльз видел и раньше.

На картинках.

И еще однажды, когда был приглашен на закрытое заседание Географического общества, где мистер Нейман, заслуженный

путешественник, представил своего подопечного.

Тот сиу был еще ребенком.

Нейман что-то там рассказывал, на редкость, казалось, увлекательное, но теперь Чарльз, сколь ни силился, не мог вспомнить ни слова из того рассказа. Кажется, в нем присутствовало извержение вулкана? Или наводнение? Или еще что-то донельзя катастрофическое, уничтожившее всю деревню?

А вот мальчишку помнил.

Неестественно худого, с кожей цвета бронзы и белыми волосами, заплетенными в тонкие косицы. Помнил тонкую шею, заостренные уши и перья, которые разительно контрастировали с шерстяным костюмом. И выражение лица, застывшее, словно бы сиу надел маску.

Тот.

А эти... эти были взрослыми. Высокими. Едва ли не выше Эдди. Худыми. И Чарльз смотрел. Узкие лица. Острые черты. Носы-клювы и тонкие губы, покрытые черной краской. Узоры из алых точек и шрамов на щеках. Перья... перья другие. Там, у того мальчишки, в волосах были гусиные.

И как Чарльз не понял тогда, что все было неправильно?

Тогда не понял, а теперь осознал.

Эдди склонился, не сгибая спины, и произнес что-то на незнакомом языке. Слова его показались тягучими, словно мед.

Ему ответили.

А потом добавили:

– Да будут небеса благосклонны к вам, дети иного мира.

– Спасибо, – Чарльз подумал, что отвечать нужно совсем иначе, пожелать бы и хозяевам чего-нибудь хорошего, но как-то ничего хорошего в голову не приходило.

К счастью.

– И вам... легкого посмертного пути, – отозвалась Милисента, вытерев нос рукавом. Должно быть именно из-за носа получилось как-то по-доброму, что ли.

Сиу не обиделись.

То есть, Чарльз очень надеялся на то, что они не обиделись, ибо в нынешнем их с Эдди состоянии вряд ли получилось бы пережить чужую обиду.

Их трое.

И не понять по виду, мужчины или женщины. Слишком уж сиу нечеловечески угловаты. Прямы. И кожаные одежды несколько не скрывают этой угловатости.

– Нас... – Эдди снова заговорил, но теперь уже на всеобщем. – Отправил сюда Великий Змей. Он обещал проводника.

Тот, что стоял впереди, слегка наклонил голову.

– Ваш путь сюда был непрост.

– К сожалению... так вышло... – Эдди потер щеку. – Его предали. Нас тоже.

– Нить жизни Великого Змея оборвалась, – спокойно произнес сиу. – Мы слышали. Он ушел хорошо. Он убил много врагов.

– Детей, – тихо произнес Эдди.

Сиу пожали плечами, причем одновременно.

– Дети тоже могут быть врагами. Каждый сам выбирает свой путь.

– И... что теперь? – это Чарльз спросил у Милисенты, которая разглядывала сиу с осторожным любопытством.

– Мы исполним данное слово. Мы помним о долге, – сиу положила ладонь на грудь. – Но вы устали, дети...

Она – теперь Чарльз вдруг явственно увидел, что перед ним женщина, хотя не мог понять, как определил это – развернулась и велела:

– Идите за мной.

Спорить желания не возникло.

Глава 15

Где случается культурно-информационный обмен

– Дети? – шепотом спросил Чарльз.

– Так... для неё да. Она давно живет.

Насколько давно, уточнять Чарльз не стал. Все-таки сиу или нет, а женщина. Вдруг еще обидится? Матушка вот обижалась, когда кто-то неосмотрительно указывал на возраст её.

К счастью, идти пришлось недалеко. Путь пролегал сквозь Мертвую рощу.

Путь...

Узкая тропа. Белесые, покрытые солью стволы деревьев. Острые ветви, словно колья. Скрип. Стон. Чье-то жалобное причитание.

Да сюда некроманта бы хорошего! И словно услышав эту вот неосторожную мысль, деревья загудели, закачались, потянули ветви, точно желая проткнуть наглеца. Но сиу подняла руку, и роща успокоилась.

Да уж, одного некроманта она сожрет, не поморщившись.

И все-таки... под ногами пела земля, пела стонами, криками. Кажется, в лицо пахнуло жаром, обдало дымом, от которого заслезились глаза. Чарльз вытирал слезы, но не мог отделаться от ощущения, что стоит соступить с тропы и он навсегда останется в этом напрочь мертвом месте.

И не только он.

Выбравшись из рощи, Эдди не сдержался, выругался. Что-то пробормотала Милли, закрывая глаза рукавом. Она стояла, слегка покачиваясь, и просто удивительно было, что она вообще держится на ногах. Чарльз вот держался исключительно силой воли и родовой гордостью.

– Что... тут... произошло? – выдавил Эдди, пытаясь отдышаться.

– Они плачут. Они просят отпустить их.

– Это не в наших силах, – сиу покачала головой и показалось, что маска её лица на мгновение сменилась иной, сожаления. – Слишком

много крови пролито.

– Чьей?

Наверное, не стоило спрашивать.

Чарльзу не ответили. Отвернулись. И пошли куда-то к горам. Снова к, мать его, горам. Когда ж они закончатся! Но он послушно побрел следом. И уже позже, сидя у костра, глядя на пламя, которое почему-то было темно-красным, словно в крови выкупанном, он услышал.

– Когда-то давно, когда люди только пришли в наш мир, говоря, что ищут лишь убежища, здесь стояла роща сиу, – старшая, – а Чарльз решил, что эта женщина была старшей – опустила на лоскутное одеяло. – Мы не были друзьями людям с белой кожей. Но мы не были и врагами. Тогда многие говорили о том, что белокожих следует убить, пока они не стали убивать сами. Однако находились и те, кто верил, что мир достаточно велик, чтобы в нем хватило места всем.

– Ошиблись, – проворчал Эдди.

Он устроился на седле, скрестив огромные ноги. И плоская с травяным отваром в руках его казалась крохотной.

– И не только вы. Племена... оказалось, что белые люди умеют говорить. И каждому говорят то, что он желает слышать. А еще они продают вещи. Разные вещи. Хорошие вещи. Такие, которых не было раньше. Например, ружья. Или огненную воду.

Чарльз поморщился. Слушать это было неприятно. Будто он, Чарльз, в чем-то виноват! А он не виноват. Он лично никому ничего не продавал.

– Их становилось больше и больше, – старейшая первой пригубила отвар. И Чарльз, пусть не без опаски, но последовал её примеру. Травы были горькими, а главное, совершенно незнакомыми на вкус. Но жажда, терзавшая его, вдруг унялась.

И по телу прокатилась волна живого тепла.

Стало легче дышать.

– А еще белые люди желали получить больше. Земель. Силы. Власти. Золота, – сиу прикрыла глаза, зеленые, как молодая листва. – Особенно золота. И кто-то пустил слух, что в Драконьих горах просто не может не быть золота. Здесь ведь жили драконы.

– А они жили? – не утерпела Милисента. Ей, как и старейшей, постелили одеяло, а наверх набросили другое, сшитое из волчьих

шкур.

И вот честное слово, Чарльзу бы не хотелось встретить волков такого размера.

– Жили, – сиу позволила себе улыбнуться. – Дети любопытны.

– Извините.

– В этом нет дурного. Но порой любопытство оборачивается бедой. Дети не думают о дурном. Но оно случается.

Почему-то прозвучало... предупреждением.

– Драконы существовали, когда мир был еще молод и в нем кипела сила. Они сами были силой.

– А... потом?

– Потом они ушли.

– Куда?

– В другой мир. В другие миры.

– А есть и другие? – Милисента ерзала.

– Есть. Почему им не быть?

Наверное, в Географическом обществе нашли бы аргументы, которые доказали бы, что существование иных миров – лишь фантазия. Но здесь, в очередной узкой расщелине, спрятанной в горах, почему-то верилось.

И в драконов.

И в другие миры.

– Драконам не нужно было золото. К чему? – сиу провела пальцем по шее, которую украшало тяжелое ожерелье. – Люди – дело иное... и они пришли в горы. Сперва одиночки, искавшие удачи. Кому-то мы даже помогали. Зря. Однажды такой вот человек, которому не позволили погибнуть в горах, ушел, чтобы вернуться с другими людьми. Со многими людьми.

– Они... всех убили? – спросил Эдди, который так и не притронулся к напитку. Сидел. Смотрел. Дышал-то через раз.

– Да. Роща была небольшой. Две дюжины домов. Наши женщины и мужчины живут отдельно. Так повелось. И лишь, когда желают породить дитя, они покидают родные рощи, чтобы поселиться отдельно и вырастить это дитя.

– То есть, там были женщины и дети?

– И мужчины. Но немного. Мужчин мало. Быстро гибнут. Они очень... – сиу задумалась, подыскивая слово. – Неустойчивы.

А Чарльз отвар допил, правда, чашку вновь наполнили, но теперь густым варевом, от которого исходил сытный мясной дух.

– Мужчин убили. Женщин многих тоже. И детей. Но спрашивали. О золоте. Долго. Тогда... сиу полагали безобидными.

Улыбка её обнажила острые длинные зубы, одинаковые, как у акулы.

– Большой частью от того, что рождение детей требует отказаться от использования той, иной, грани силы, которую вы именуете мертвой.

По спине побежали мурашки.

– Но когда вокруг столько смерти. И больно. И душа кровоточит, как срубленные ветви дерева, удержаться сложно.

Они и не удержались, те сиу, которые в далекие те времена не совершали набегов.

Не вырезали человеческие поселения.

Не строили пирамиды из голов.

Не пытали. Не жгли. Не поднимали мертвецов, упокоить которых не каждому некроманту удавалось. Много не делали, из того, что, оказывается, могли.

– Кто-то воззвал к силе. И та, что сделала это, испытывала огромную боль, которую разделила на всех.

– И они остались там. В роще.

Сиу склонила голову.

– Те, кто жил, и те, кто умер. Сиу и... другие, что пришли их убивать, – Эдди все-таки сделал глоток. – Спасибо, Великая мать.

– За что?

– За историю, – он поклонился, прижав руку к груди. – И за то, что не оставила нас в роще.

По спине побежал холодок.

Ей ведь хотелось. Она, если подумать, не испытывает к белым людям ничего-то, помимо ненависти. И ненависть эта, скрепленная большой кровью, жива.

Она таится в зелени глаз.

В темной коже.

В каждом шраме, её украсившем.

– Я дала слово.

– Человеку, – тихо уточнил Эдди. – Разве оно имеет значение?

– Я дала слово человеку, который ни разу не нарушил своего.

Вот... наверное, стоило порадоваться. Да как-то плохо получилось. Чарльз покосился на Милисенту. Та сидела спокойно и ела.

Руками.

– Кроме того у меня свой интерес, – сиу тоже запустила пальцы в чашу, скатав из варева комок, который и отправила в рот.

...тот мальчишка, что с ним стало?

Он ел, весьма неплохо орудуя ножом и вилкой. И спину держал прямо. И вовсе выглядел... цивилизованным, что ли?

Почему-то замутило.

Чарльз поспешно поднес чашу к губам. Есть хотелось. И с каждой минутой голод становился все сильнее. Вареву оказалось терпким и весьма щедро приправленным.

– Так уж случилось, что и у меня есть дитя, – сиу слизнула жир с пальцев. – Моя дочь появилась на свет в новом мире. И слышала его куда четче, чем я. Как и ты слышишь лучше старых шаманов орды, тот, кто взял другое имя.

Показалось, Эдди смутился.

Или просто отблески алого костра на него легли.

– Она говорила, что все устали от войны. И это правда, – едва слышный вздох за спиной заставил Эдди напрячься. – Она забрала многих. И древо сиу теряет уже не только листья, но и целые ветви. Оно рыдает. И пусть корни его уходят в скалы, но и они не удержат на краю.

Чарльз все-таки сунул руки в плоску.

Мясо.

Жирное. Почему-то вспомнилось, что во время доклада Нейман не единожды упоминал, будто сиу – известные каннибалы.

Нет.

Тут... откуда им... лучше о таком не думать, иначе остается жевать... вообще остается хоть что-то жевать? В седельных сумках наверняка будет что-то вроде сушеного мяса, но как знать, не оскорбит ли это хозяев? И не вернут ли они, оскорбленные, Чарльза в Мертвую рощу?

– Многие устали. И потому слова её были услышаны.

Интересная новость.

Вот только Чарльз не слышал, чтобы кто-то говорил о мире с сиу. Напротив, шли разговоры о необходимости окончательного решения вопроса. Правда, лишь разговоры, но...

– Мы начали торговлю.

– Надеюсь, не золотом? – Эдди сказал это будто бы в сторону.

Сиу покачала головой.

– Мы уже поняли, что этот металл дурманит разум людям, как и черная кровь земли. Нам есть что предложить вашим шаманам.

– Зелья, – счел нужным пояснить Эдди. – Нет зелий лучше, чем те, которые приготовлены сиу. И целителей...

– У силы две стороны. Мы стали забывать о второй. И почти забыли, – сиу склонила голову и протянула руку. Через пламя. Эдди кивнул, мол, попробуй.

Что пробовать?

Чарльз осторожно коснулся темных будто из дерева вырезанных пальцев. Они и в прикосновении казались деревянными. Правда, дерево это было теплым, словно солнцем согретым.

Вспомнилась вдруг детская комната.

И старый сундук, на котором он, Чарли, любил лежать с книгой. Запах вызревших яблок и роз. Повело. Потянуло куда-то туда, в прошлое, где все-то было правильно и хорошо. Где он, Чарльз, был счастлив. И захотелось вдруг остаться навсегда.

К чему взрослеть?

Заботы. Тревоги. Чужие надежды, которые не так просто оправдать. Положение. Интриги. Необходимость. Только эта треклятая необходимость.

Августа со своими куклами устраивает чаепитие. Она никуда не исчезала, она дома, как и Чарльз, и всегда-то останется...

...с куклами.

Нет.

Он разорвал прикосновение резко, отшатнувшись, едва не упав на спину. Чарльз так и застыл, опираясь на кого-то, широко открыв рот, втягивая через него сдобренный сладким дымом воздух. От дыма першило в горле, и он бы закашлялся.

– Что... – голос сорвался. – Вы... сделали.

– Ничего, – глаза сиу сделались темно-зелеными. – Я просто заглянула в тебя, человек.

– 3-зачем?

Ему не ответили, но кто-то сунул в руки плошку взамен той, что выпала из сведенных судорогой пальцев, и Милли – как она оказалась рядом-то? – велела:

– Пей, давай.

– Тебе станет легче, – сиу смотрела строго и спокойно. – Я убрала яд из твоего тела.

– Яд? – Чарльз с трудом поднес плошку к губам. Травы. Снова травы. И снова незнакомые. Но вновь глоткахватило, чтобы начать дышать. И избавиться от оцепенения, сковавшего все тело.

– Нехороший. Старый. Давний, – сиу замолчала. – Сложно слова выбрать. Ваш язык слишком простой.

– Ну, извините, какой уж есть.

– Такой, как вы сами. На нем легко сплести ложь, – сиу не хмурилась и не гляделась злой. – Но словами яд не изготовить.

– Руками можно, – встрял Эдди. – Что? Это так, мысли вслух. Стало быть, его травили?

Сиу едва заметно наклонила голову. Наверное, это можно было счесть согласием.

Травили?

Его, Чарльза, травили?

Кто? А главное, зачем? И... он допил травы. И вправду легче стало. А он еще думал, что просто усталость. Случается ведь со всеми.

Головокружения.

Кровь носом. Нечасто, отнюдь. Мелкие проблемы, которые и проблемами-то не назовешь, так ерунда. С такой к целителям не ходят.

Или все-таки...

Он ведь заглядывал. Не так давно. Вот аккуратно перед поездкой. Матушка настояла.

Но сказали, что все в порядке.

Что отдых нужен, а так все в порядке. И... если бы был яд, целитель его бы заметил?

– Есть разные яды, – сиу смотрела уже не на Чарльза, но на огонь. – Этот изготовила моя дочь.

– Что? – это совсем уж бредово.

– Заговорив о ней, я услышала эхо. Теперь я уверена, – сиу подняла чашу, наклонила её, позволив темной капле сорваться в пламя.

Огонь зашипел и выдохнул искры. – Моя дочь выходила к людям. Она вела за собой копьё, и лучшие охотники отдавали ей шкуры, ибо дочь умела брать за них верную цену. Она нашла общий язык с теми, кто продает зелья. И нам снова были рады.

Пламя медленно меняло цвет.

– И даже те, кто говорил, что нельзя верить людям, замолчали. В наших рощах появились мука и масло, теплые одеяла и железные ножи. Полезные вещи, без которых можно обойтись, но с ними жизнь становится проще. Мы выходили к людям. И нам были рады.

...там, на Востоке, про сиу писали, что они вовсе безумны в ненависти своей к людям.

Выходит, врал?

– Но однажды моя дочь уехала, чтобы завершить сделку. Уехала и не вернулась.

Из красного огонь становился зеленым, такого ядовитого яркого цвета, которого просто не бывает в природе.

– Мне передали её нож. И её косу. И еще слова, что она встретила человека и полюбила его.

– Это... возможно?

– Нет, – спокойно ответила сиу.

– Почему? – Милисента протянула руку и потрогала любовь. – Что? Я читала один роман. Там девушку украли бандиты, а потом её спас благородный сиу.

Эдди, кажется, застонал.

– Вашим языком легко создать красивую ложь. Сиу убил бы эту девушку вместе с бандитами, если бы она нарушила границу его земель.

– А любовь?

Туман пополз к Милисенте, коснулся пальцев её, так ласково, осторожно.

– Мы не знаем любви, дитя. Так уж вышло. Наши женщины выбирают подходящих мужчин, тех, кто даст хорошее потомство. Но и к ним не испытывают привязанности. Мы легко встречаемся и легко расстаемся. Мы выбираем разумом.

Она сунула руки в пламя, чтобы вытащить темный ком дыма.

– Разум не позволил бы ей оставить племя, – сиу протянула ком. – Вдохни.

Вот желания вдыхать странного цвета дым, не было совершенно. Однако Чарльз послушно протянул руки. Дым был легким и щекотал, а еще от него пахло матушкиной любимой геранью. Этот запах он и вдохнул.

– И вы не пытались её найти?

– Зачем? – сиу повернулась к Эдди. – Это её жизнь. И её выбор.

– Но что-то изменилось, – Эдди сидел, опираясь на уродливого вида глыбину. – Иначе вы бы не стали разговаривать с нами. Не об этом.

От дыма щипало в носу.

И в горле.

И он, кажется, пробрался в легкие, и теперь щипало там же. Наверное, это совершенно неблагоприятно, доверять всяким там... сиу. Мысль эта вызвала смешок, и Чарльз не удержался, захихикал. Хихиканье это сопровождалось тычками локтя Милли, отчего становилось только смешнее.

А потом смех перешел в кашель.

И его вывернуло.

В костер.

Глава 16

В которой обнаруживаются неожиданные связи

Графчика мы уложили тут же. Я потрогала бледный лоб, покрытый испариной, и поглядела на Эдди. А тот лишь руками развел, мол, все в воле Божьей, захочет он и графчик выживет.

Нет...

Могилы в скалах копать неудобно. Так что надеюсь, выживет. Ну и просто вроде как не совсем дрянной человек. Восток опять же.

И сестра.

Эдди тоже меня не бросил бы. Я это знаю. И от знания становится легче.

Я накрыла графчика, который лежал тихо-тихо, только время от времени принимался бормотать что-то под нос, одеялом.

— Это яд, да? — почему-то я не испытывала страха перед сиу, хотя должна бы.

Это же ж сиу.

Сиу беловолосые.

Сиу темнокожие. Сиу — заклинатели мертвецов. Пять лет тому, сказывали, они вышли к поселению на реке Хорн. А когда ушли, то в поселении этом и собак-то живых не осталось.

Еще в газетах писали. О зверствах.

Ну и вообще.

А я страха не испытывала. Она ведь... красивая. Не как мама, и точно не как дочка судьи, но просто... такая вот. Особенная.

— Да, дитя, — сиу ступала бесшумно, но вот костяные браслеты на руках её позвякивали. Причем я точно знала, что браслеты костяные, а звенели они, будто из железа сделанные.

— Он выживет? — я подтянула одеяло повыше, до самого подбородка. И Чарльз замотал головой.

— Он сильный. Но яд дали давно. Хороший яд. Крепкий. Не сразу убивает.

— Когда ушла ваша дочь?

– Десять зим тому, – сиу опустилась на колени у тела. Узкие ладони её сдавили виски, рот приоткрылся, выпуская тонкий темный язык. – Это немного. Для нас. Много – для них.

Она наклонилась, прижавшись губами к губам.

А я... я отвернулась.

Ну как-то вот прям жутко стало глядеть на это. А еще графчика жалко. Вдруг очнется до срока. Этак и кондрашка хватить может. От неожиданности.

Сиу разогнулась и выдохнула.

Дым.

Правда, на сей раз угольно черный. А графчик завозился.

– Держи его ноги, девочка, – велели мне.

А я что? Я не стала спорить. Держать так держать. Хотя сильный, зар-р-раза этакая! И ноги вырвать норовит. Даже сапог вон снялся, пока удержать пыталась. Сиу же трижды склонялась над телом, всякий раз делая глубокий вдох, чтобы выдохнуть тот самый темный дым.

И с каждым разом графчик дергался все тише.

Потом вовсе затих.

Снова.

– Что с ней случилось, – Эдди стоял в сторонке, не пытаясь помочь, но и не мешая. – С вашей дочерью?

– Мне сказали, что видели её в городе, который укрыт среди песков. Она была в доме, куда приходят мужчины, чтобы избавиться от лишнего семени.

Это она...

Мы с Эдди переглянулись. Кажется, я поняла верно.

– Мне сказали, что она родила дитя.

– От человека?

– Не знаю. Возможно.

– И вы... вы хотите, чтобы мы её вернули?

– Убили, – сказала сиу, вытирая рот ладонью. – Я хочу, чтобы вы её убили.

Неожиданно. Я вновь уставилась на Эдди, а тот лишь поморщился: мол, сиу. Что с них взять?

– Почему? – Эдди осторожно обошел нас, чтобы опуститься на землю рядом со мной. И руку подал, помогая подняться. Графчик все еще гляделся бледненьким и немочным.

Мне даже захотелось погладить его по волосам. Ну... бывают и у меня странные желания. Главное, что сопит себе тихонько. Не слышит всего этого.

Боюсь, сложится у него превратное впечатление о Западе.

– Она отреклась от племени.

– Но вы говорили, что это её путь и её выбор, – Эдди перехватил руку графчика и замолчал, отсчитывая пульс. – Да и прошло десять лет. Почему вдруг сейчас? Вы могли нанять кого-то через Змея. Вы ведь были неплохо знакомы с ним.

– Мы торговали.

– И я о том же. Подозреваю, информацию вы получили от него же. Сиу склонила голову, признавая правоту Эдди.

– Я просто пытаюсь понять, что изменилось? Ребенок? Он появился давно. Публичный дом? Насколько знаю, вы не считаете это позором. Даже если бы она захотела вернуться, вы бы приняли её. Быть может, прежнее место в племени она не заняла бы. Да и право быть матерью, она бы утратила. Но вы бы приняли. Так почему она не вернулась, когда стало ясно, что её предали?

Сиу смотрела на Эдди.

Прямо.

И холодно. И от взгляда её у меня по спине поползли струйки пота. Вдруг подумалось, что... в общем-то многие рассказы про них – они ведь не выдумка. Эдди тоже, кажется, что-то такое почуял. Вона напрягся. Руки на пояс положил, правда, вряд ли сиу револьверами испугаешь.

Да и не справимся.

Кто тут? Я да Эдди? А их вон трое, если не больше. Скорее, что и больше, только я не вижу. Я даже этих-то, которые рядом, не чувствую, как живых.

– Я прошу прощения, если слова мои вам показались дерзкими, – Эдди не отвел взгляда. – Но я должен знать, что произошло. Чего ждать. Да и...

Он вздохнул.

– Не убиваю я. Женщин. Ну и детей тоже.

– Смешные обычаи людей? – сиу чуть наклонила голову влево. – Какая разница?

– Может, и никакой. Но я женщин не убиваю. И детей тоже. Хочешь, могу привезти её сюда. И тут уже сама решай, прибить или пожалеть, или еще чего, – Эдди поскреб когтями шею. – Только, мнится, не в ней дело.

– Не в ней, – сиу поднялась. Она двигалась мягко, текуче. – Дело в человеке, который увел её. И в той вещи, которую она отдала этому человеку. К сожалению, мы не сразу заметили пропажу.

Из тени выступила еще одна сиу.

Она приникла к уху первой, но что она там говорила, слышать не удалось.

Я перевела взгляд на графчика. Спит. Точно спит. Еще и губами причмокивает. А раз так, то и жить будет. Не знаю, зачем, я положила руку на лоб.

Теплый.

И лихорадки нет. И... и выходит, сиу помогла? Но опять же, зачем? А убивать женщин Эдди действительно не убивает. Ну... может, если вдруг в него какая палить начнет, но потом, чую, крепко будет совестью мучиться.

Сиу махнула рукой, и та, другая, отступила, чтобы раствориться в ночи.

– Люди вновь пролили кровь. Много. Люди пришли по вашему следу.

Эдди выругался.

– Но Мертвая роща стережет путь, – добавила сиу, возвращаясь на свое место у костра. И костер-то у них хитрый, не на дереве горит, на... костях? Точно кости.

Чьи?

– Некогда мы позволили людям того, кого вы называете Змеем, проходить сквозь неё, – сиу протянула руки, и те окрасились алым, в цвет пламени. – Но Змей умер. И слово ушло.

То есть, полагаю, можно не опасаться, что нас догонят?

– Не смотри так на меня, дитя разной крови. Мы больше не ходим в набег. Нас осталось мало. И мы уйдем из мира, если не удастся вернуть то, что забрала моя неразумная дочь.

– И все-таки... – Эдди отличался упрямством. – Хотите, я клятву принесу.

– Достаточно будет слова, – сиу подняла руку и на ней за клубился туман. Белый-белый. Звонкий. Туман говорил. Быстрым шепотом. Повизгиванием. Стонами. Криками, которые доносились будто бы издалека. – Ты дашь слово. И они будут тому свидетелями.

Эдди подумал и кивнул.

– Она тоже скажет.

Эдди посмотрел на меня.

– Может... – кажется, идея его не слишком вдохновила.

– Нет, – сиу разорвала туман на части и протянула одну мне. – Выпей. И скажи, что услышанное здесь не используешь во вред.

Я выпила.

Туман оказался кислым, как тот сидр. И сказала. Не использую, так не использую. У меня вообще нет привычки трепать языком. Тем более, жопой чую, речь пойдет о вещах по-настоящему серьезных.

Эдди повторил за мной.

И мы оба покосились на графчика. Тот продолжал спать. И еще ногой дергать начал. Левой. Одеяло стаскивая. Ишь ты, бодрый какой. Но хотя бы точно не помрет.

– Женщина сиу, чтобы понести, должна испить воды из источника Великой Матери. Той, что ступив на землю, оставила на ней след свой. Той, что сотворила сиу из праха и слез. Той, что одарила детей своих силой луны. И научила слышать песню мира.

Я сидела тихо-тихо.

И подумала еще, что в книгах о таком точно не писали. В книгах вообще писали о сиу на удивление мало, даже той, которую я позаимствовала из церковной библиотеки. В ней про земли всякие рассказывалось. Даже про Африку и народы, которые там обретаются.

Или про север.

Много чего рассказывалось. А про сиу только, что дикари они. Примитивные.

В общем, книги тоже врут.

– Источник этот находится в тайном месте. Это пещера, стены которой суть белый камень. На камне этом собирается влага. Она стекает в чашу. И капли довольно, чтобы женщина, желающая стать матерью, понесла даже от самого слабого мужчины.

Сиу едва слышно вздохнула.

– Мы не поднимаемся туда без нужды. Раз в десять лет женщины, которые становились матерями множество раз и тем вознеслись над иными, идут к источнику, дабы наполнить фиалы Слезами Великой Матери. И после уж они наделяют ими всех желающих.

Разумно.

Наверное. Нет. Я слушаю. Молчу. Проявляю благоразумие. И графчика за ногу держу, стало быть, чтобы не уполз, а то опять разбеспокоился.

– Все было обыкновенно, вот только... слезы утратили силу, – сиу произнесла это нехотя, буквально выдавливая из себя каждое слово. – Это заметили не сразу.

– А когда заметили, не поняли, в чем дело?

– Именно. Мы отправились к Источнику. И на первый взгляд все было так же, как и всегда. Пещера. Чаша. Вода. Чашу не унести, ибо она является частью камня.

– Но можно унести что-то другое?

– Сердце Великой матери, – это сиу сказала так тихо, что я едва-едва расслышала. А расслышав, вовремя прикусила язык, с которого готов был сорваться вопрос.

– Гм... это... – осторожно уточнил Эдди.

– Сердце. Великой матери.

– Как оно выглядит?

Сиу поглядела на Эдди с бесконечным терпением.

– Как сердце.

– Каменное?

– Почему? – вот теперь она удивилась.

– Ну... – Эдди поскреб в затылке. – Оно же ж там сколько? Не одну сотню лет лежит, стало быть.

– И не одну тысячу, – согласилась сиу.

– Ага... так... если б не каменное, оно бы того, испортилось. Уж извините.

Сиу сложила ладони и поднесла, сложенные к губам. Она застыла ненадолго, и даже дышать перестала.

– Это и вправду сердце. Не совсем богини, но той, что была сотворена Ею. В ней сохранилось дыхание, сама суть Великой матери.

– Чего хватило, чтобы сердце не испортилось, – просипел графчик.

Надо же, очнулся-таки! А я и не заметила.

– Из... извините, что вмешиваюсь в... беседу... – он опять закашлялся и выплюнул что-то темное, густое. – Еще раз... простите.

– Оно бьется. Оно лежало не в чаше, но в месте, где Великая мать нашла покой.

Я запуталась.

Вот честно.

Богиня, которая сотворила сиу, – это Великая мать? Или первая из сиу? Или сама сиу.

– Ваш язык бедный. В нем все звучит одинаково, – она поняла меня, и эта способность понимать невысказанное несколько нервировала. – Её тело истлело, а кости стали пылью, но сердце сохранилось. Оно продолжало биться, наполняя светом пещеру. И силой – воду.

Графчик попытался сесть, и я подала руку. Отчего б не помочь хорошему человеку?

– Никто и никогда не смел касаться его...

...кроме одной дурноватой девчонки, которая начала перекраивать древние обычаи, и решила, что не стоит останавливаться на достигнутом.

– Пещера гаснет. Умирает. А с ней умрем и мы, – сиу подняла ладонь, которая вдруг сделалась прозрачной. – Многие будут рады.

– Она... я слышал, уж извините. С самого начала. Вы не думали, для чего ей могло понадобиться сердце?

– Подарить дитя? Люди много значения придают детям.

– Для этого хватило бы воды, – графчик привалился ко мне плечом. И за одеялом потянулся, накинул, едва ли не по самый нос закутался. – Или... у вас вообще случались...

Он покосился на меня.

– ...связи с людьми?

Сиу посмотрела на него так, что ответ стал очевиден. Ну да, человеку они с куда большей охотой горло перережут, чем в связи вступить. Да и вообще странно это.

Другие они.

Слишком уж другие.

– Значит, если логически размышлять, она не могла быть абсолютно уверена, что воды хватит. Возможно, она собиралась воспользоваться вашим... сердцем лишь единожды, после чего вернула бы на место. Но...

– Ей не позволили, – прогудел Эдди.

А мне стало жаль эту вот девушку, которая взяла и поверила в любовь. Почти как по книге, только счастья со свадьбой не видать.

Да, пожалуй, не стоит верить книгам.

Или сиу их не читала?

– Скажите... – Чарльз с благодарностью принял флягу и рот прополоскал. – А до своего побега она как-то... давала понять, что ей симпатичны люди?

Сиу смотрела прямо.

– В том смысле, что она вообще рассматривает их... я не знаю ваших обычаев, но как партнеров.

– Ты имеешь в виду, что по своей воле она бы не пожелала разделить ложе с человеком?

– Именно, – графчик кивнул и покачнулся. Я удержала его. – Спасибо, леди Милисента.

Эк его-то... леди.

Тоже мне придумал. Но приятно. Даже как-то появилась мыслишка, что, может, там, на Востоке, среди людей, со мною незнакомых, и вправду можно будет ледью притвориться. Правда, от этой мыслишки тотчас поплохело.

Я и...

– Возможно, это совпадение, но... – графчик провел языком по зубам, будто проверяя, на месте ли они. – Сначала ваша дочь уходит с человеком... по большой любви. По любви, которую вы, как утверждаете, не способны испытать. Но она испытывает. И столь сильную, что не только нарушает закон... то есть правила. Так вот, она забирает с собой не просто святыню, но саму жизнь племени. Это... это... как-то вот даже в голове не укладывается.

Сиу смотрела.

– В то же время моя сестра совершает поступок пусть не столь глобальный, но весьма схожий. Та же внезапная любовь к неподходящей личности. Побег из дома. И... вы говорили о городе?

– Там, – сиу махнула рукой куда-то в ночь. – Есть город. Большой.

– Вольных мастеров, – подсказал Эдди.

– Добавим то, что вы говорили о яде. Если меня травили зельем, сотворенным вашей дочерью... то она поддерживает с похитителем связь. А стало быть... – графчик запнулся. – Эти две истории связаны. Не могут быть не связаны.

– Если и так, то что?

– Что? – он хотел было встать и даже на плечо мое оперся, но спохватившись, сказал: – Извините, леди Милисента...

Опять обзывается.

– Дело... дело сложнее... две девушки настолько влюбились, что потеряли всякую способность мыслить здраво. Причем влюбились именно те девушки, которые... – он щелкнул пальцами. – Были нужны. Им. Или ему.

– Воздействие? – предположил Эдди.

– Практически уверен. Но если так, то это вряд ли приворотное зелье. На вас оно...

– Человеческие зелья подобны стоялой воде. Дурно пахнут. И вызвать способны лишь расстройство живота.

– Стало быть, не подействовало бы. Что касается моей сестры, то у неё имеются амулеты. Хорошие, Эдди, очень хорошие. Так что... это что-то новое. Принципиально. Подозреваю даже, что речь не о зельях. Все-таки это ненадежно.

– Тебе просто хорошие зелья не попадались, человек, – сказала сиу, как мне почудилось, обиженно.

– Увы, нашим мастерам, полагаю, далеко до тех, кто слышит песню мира.

Сиу склонила голову.

– Нам нужно в тот город. Отыскать вашу дочь. Понять, что с ней случилось... почему она не вернулась? Почему не вернула Сердце? Куда это Сердце подевалось? И что вообще тут твориться! – это он сказал, пожалуй, чуть громче, чем следовало бы.

С другой стороны ясно: допекло человека.

Нежный он.

Цивилизованный.

Глава 17

О горах и древних цивилизациях

Ехали мы.

И ехали.

По горам. Я уж, право слово, привыкать начала. А что? Слева камень, справа камень, впереди – спина сиу, которая так и не назвала своего имени. А я и настаивать не стала. К чему оно? За мною – Чарли, за ним Эдди, и дальше снова сиу, что тоже не добавляло спокойствия, хотя вот на третий день пути я даже как-то пообвыклась. И развлечения ради стала дорогу запоминать. Нет, оно как-то особого смысла не имеет, потому что тропы сиу только им открыты, но и ехать в гробовом молчании было как-то... беспокойно, что ли.

Сиу не разговаривали. Ни с нами, ни между собой. Лошади их, столь же странные, как сами сиу, ступали спокойно, да и вовсе гляделись слегка неживыми, что навевало вовсе уж печальные мысли. Чарли тоже молчал, крепко думая. Да и Эдди не спешил затевать беседы.

Останавливались мы время от времени, давая роздых лошадям и себе. И с каждым днем графчик выглядел все печальнее. Он осунулся. Обпаленный облупленный нос его заострился. Волосы же и кожу покрыл тот плотный слой пыли, который и с третьего раза не сойдет.

Полы шляпы обвисли.

Одежда... в общем, выглядели мы все одинаково грязными. Ну, кроме сиу. К ним пыль удивительным образом не липла.

На четвертый день перехода, который запомнился печальными песнями падальщиков где-то там, в вышине, мы выбрались на равнину. Горы вдруг раздались, тропа превратилась в дорогу, а на ней сквозь каменную кожу земли то тут, то там проросла трава.

Запахло землею.

И ветром, который на равнинах иной, нежели в скалах. И я подставила ему лицо, вдохнула воздух с наслаждением, только отметивши, что сыроватый он. Стало быть, дождь прошел недавно. Или вот-вот разразится? Надо будет у Эдди спросить, он лучше чувствует.

Сиу остановились на краю равнины. И тоже странно. Будто кто-то взял да провел черту. Вот горы и пески, и вот уже кланяется ветру травяное море. Зафыркали лошади. Затрясли головами, потянулись к суховатым, но еще зеленым стеблям.

– Там, – сиу вглядывалась куда-то вперед, и шурилась, словно кошка. – Впереди город. Старый.

– Мертвый? – Эдди позволил жеребцу переступить черту. И тот осторожно, словно сам своему счастью не веря, потянулся к траве.

– Мертвый, – согласилась сиу. – Обойти не выйдет. Дорога проклята.

– Пройти?

– Как повезет. Не ночью, – она спешила первой. – Здесь источник. Недалеко.

Источник – это хорошо. Нет, вода у нас была, сперва своя, потом уже сиу молча поделились даже не водой, а терпким травяным отваром, от которого отступала жажда.

Но теперь во рту пересохло.

И грязь, налипшая на кожу, показалась вдруг панцирем, от которого срочно нужно избавиться. И кажется, так чувствовала себя не только я. Вон, даже Чарли поскребся, а ведь граф!

Источник и вправду обнаружился недалеко. Вода пробивалась из-под скал, разливаясь в каменной чаше, чтобы, выбравшись из неё серебристой змейкой, спуститься ниже, туда, где травы поднимались особенно высоко. Да уж, помыться точно не выйдет, но хоть напились. И лошадей напоили.

А напоив, пустили гулять по травяному полю.

Привычно вспыхнул красный огонь, который сиу разводили на костях. Легли на землю одеяла. И я вытянулась, уставилась на светлое пока небо.

Ныли мышцы.

И кости.

И... как там матушка? Переживает, небось. Она-то думала, что мы съездим и вернемся. Мы съездили, а вот вернуться как-то оно не вышло. Затянулась поездочка.

А если...

Если нас там искать станут? Матушка ведь одна осталась. Доусон... чужой человек пока. И как знать, поможет ли в случае чего?

Я вздохнула.

– Устала? – Эдди опустился рядом и протянул тонкую полоску сушеного мяса. Я не стала отказываться, хотя есть не хотелось совершенно.

– Немного, – я впилась в мясо зубами.

За него стоило поблагодарить Великого Змея. Даже не знаю, чего ему в посмертии пожелать. Пусть уж боги решают. Или бог. Кто-нибудь, кроме меня.

– Я жалею, что потащил тебя.

– Отчего?

– Сама видишь, – Эдди прищурился. Он вглядывался куда-то туда, в травы, что шептались и шелестели, клонились к земле, меняли цвет с темно-зеленого на серо-седой. – И без того едва не пришибли.

– Не пришибли ведь.

– И сиу.

– Ну, сиу. Сиу как сиу, – я села и тоже уставилась на травы.

– Мертвый город... такое место... нехорошее.

Я фыркнула. Можно подумать, что тут, по другую сторону границы есть хорошие места. Нет, может, и есть, да только никто-то о них не слышал.

– Пройдем.

– Что за Мертвый город? – поинтересовался графчик, который умудрился кое-как отмыть, во всяком случае лицо. И теперь, избавленное от пыли, оно обрело некоторую странноватую пятнистость. Лоб и щеки успели облезть, а нос, подозреваю, и дважды, тогда как подбородок потемнел, а на висках и лбу кожа сделалась темной, загорелой. – Прошу прощения, что вмешиваюсь.

Мы простили.

Отчего б не простить хорошего человека, особенно, если настроение этакое, меланхолическое.

– И что касается сомнений, то, возможно, это не мое дело...

– Это не твое дело, – охотно подтвердил Эдди.

– ...но мне кажется, что Милисенте будет безопаснее рядом с вами. Если вспомните, то те люди желали забрать именно её.

Эдди заворчал.

Не понравилось ему воспоминание о тех людях.

– От поселка до вашего дома не так и далеко. И в ваше отсутствие забрать её было куда проще.

Ворчание усилилось.

Я погладила Эдди по руке и сказала, утешая.

– Я же здесь.

Утешение, честно говоря, слабое.

– А матушку они не тронут. К чему её беспокоить? Тем более, вдруг да ты вернешься?

Эдди нахмурился сильнее прежнего и взгляд бросил на скалы такой, что я испугалась, выдержат ли. Этак с него станется и обратно повернуть. Нет, я была бы не против обратно. Может, оно и глубоко эгоистично, только матушкино благополучие мне куда важнее какой-то там девицы, которой, если подумать, ничего особо и не грозит. Ну, пока Чарли жив.

А он живой.

Сопит сосредоточенно и кожу со щек сколупывает. И главное вид при этом деловитый такой. Сразу видно, графья даже дурью маются по-особому.

– Добавь Доусона...

– Он мне не нравится, – проворчал Эдди, несколько успокаиваясь.
– Мог бы и сказать, если чего.

– После того, как ты Фишеру нос сломал? Или выбитых зубов Клайда?

Что? Я ж правду говорю. С зубами он точно поспешил, хотя Клайд сам виноват, нечего было к матушке подкатывать, а потом на весь бар орать, что рано или поздно он своего добьется.

Судья вот тоже так подумал.

И еще штрафу навесил. За оскорбление чести и второй – за вред имуществу, потому как, прежде чем зубы выбить, Эдди его через окно выкинул. А то закрыто было. Вот и получился тот самый ущерб.

Но Доусон, мнится мне, человек иного склада.

– И наши в обиду не дадут, – продолжила я, сама потихоньку успокаивать. Нет, а чего тут нервничать? На нервах горы не перейдешь. И сиу, подозреваю, откажутся заворачивать. А потому и остается, что сидеть, жевать мясо и искать те самые «обстоятельства», после которых дышать станет легче. – Не из любви к нам, но чтоб

этим, змеевичам, напакостить. Их, между прочим, больше чем тебя не любят.

Эдди фыркнул.

И задумался. Потом вздохнул, видно, сообразивши, что деваться нам по сути некуда.

Вот и я о том же.

Вернемся и... не приведет Боги окажется, что какой-нибудь придурок матушку обидел.

– Гм, если подумать, то вы безусловно правы, – Чарли поднес к глазам лоскут собственной кожи. А я ему еще когда говорила, что мазаться надо погуще и почаще. Но он же гордый. Вот и пусть дальше ходит, гордый и облупленный. – Однако мне все еще интересно, что такое Мертвый город.

– А что, на Востоке не слышали? – лениво поинтересовался Эдди.

– Как бы слухи ходят, – лоскут кожи он выкинул и пальцы платочком вытер, но потом опять к морде потянулся. Понимаю. Сама терпеть не могу, когда шкура облазит. Прямо пальцы все выкручивает, если не облупить. – Однако Географическое общество напрочь отрицает саму возможность существования здесь городов.

– Ага, – сказал Эдди.

– Города – признак наличия цивилизации, причем высоко развитой, ведущей оседлый образ жизни, тогда как местные племена большей частью кочевники.

– Ишь ты, умный какой!

– Издеваешься?

– Да нет, и вправду... на самом деле хрен их знает, откуда они взялись. Наши шаманы говорят, что когда-то земли эти принадлежали ур-кхамат.

– Кому?

– Ур-кхамат. Народ. Они так себя называли. Они жили в городах.

– Ага...

Я ноги скрестила. Люблю, когда Эдди рассказывает. Вовсе он не дикий, что бы там некоторые не говорили. И говорить умеет красиво. Матушка учила. Меня тоже, но со мной сложнее. Это Эдди на матушку с первого самого дня глядел, как на живое воплощение Матери Прерий. Я же... я была еще той засранкой.

Хотя... почему была?

А Эдди и стихи умеет. И Шекспира тоже может целыми страницами цитировать. И не только Шекспира. Просто из-за Шекспира он как-то с Тоддом Криворотым подрался... ну, дрался Эдди, а Тодд в процессе проникался любовью к классике.

Сложно не проникнуться, когда том этой классики тебе в пасть засовывают.

— Про них мало что известно... — Эдди выдернул травинку. — Разве что... города их Мертвыми прозвали вовсе не потому, что в них никто не живет.

— А почему?

Чарльз словно устыдился своего вопроса и вперился взглядом в степь. И вправду надеется хоть что-то разглядеть, помимо ветра, который из стороны в сторону травы катает.

— Потому что мертвые там живы. И ты не прав, дитя многих кровей. Народ этот называл себя кхемет, что на их языке означало «ищущие путь». Ур-кхамат их нарекли уже твои родичи.

— Вы знаете? — Чарли повернулся к сиу, которая подошла со спины и совершенно беззвучно. Сразу вот и поверилось, что способны сиу подобраться вплотную к любому поселению, а потом и вырезать его, не потревоживши сторожевых псов.

— Помню, — сиу прикрыла глаза, но, когда Чарли подвинулся, освобождая место, опустилась на одеяло. — Мы передаем память. Моя мать отдала свою мне, когда наступил её час уходить в мир мертвых. А ей передала память её мать. У меня много воспоминаний.

В тонких пальцах появилось ожерелье из камней. Простых. Кривоватых. Даже неограниченных. Будто собирали первые, что попались на пути.

А может, так все и было.

— И среди них есть те, которые о начале миров. И о тех, кто полагал себя истинными детьми богов. Они ставили свои города, и владели всею землей, сколько её есть, — она перебирала эти камни, один за другим, так быстро, что я не успевала проследить взглядом. — И никто-то не смел оспорить их право.

Почему-то звучало как-то... жутковато, что ли.

— Ибо не было существа, которое, взглянув на кхемет, оставалось бы в разуме.

– И... что с ними случилось? – поинтересовался Чарли, что было весьма кстати, потому как меня данный вопрос тоже интересовал.

– Они умерли.

– Вот так просто взяли и умерли?

– Почему, просто? – сиу закрыла глаза. – Просто никогда не бывает. Они полагали себя равными богам, позабыв, что за все приходится платить. Но лишь после их падения прочие народы обрели свободу.

– А в степи остались города. Мертвые.

– Ага, – графчик замолчал, кажется, пытаясь переварить услышанное. – И там...

– Нет ничего хорошего, – ответил Эдди, потом поглядел на меня этак, словно извиняясь. – Мне доводилось бывать. Однажды.

А вот об этом братец не рассказывал.

– Давно уже... честно говоря туда ходят время от времени. Там много... всякого.

– Золота?

– И золота тоже. Кхемет любили золото, – ответила сиу. – Но ищут не его, но вещи.

– Кхамат, то есть кхемет были... – Эдди махнул рукой в воздухе. – Порой... кто-то что-то находит. Такое, чего нет в вашем мире. Да и в нашем. Я слышал, будто Веселый Билл отыскал одну штуку... и не знал промаха. А еще пули в его револьверах не заканчивались.

Я тоже такое слышала, да только мало ли баек по степи ходит.

– Насколько правда, не знаю... а вот мой дед... другой дед, он показывал мне дудочку. Простую такую. Из кости вырезанную. Играть можно до посинения, а ни звука не вырвется.

– Очень полезно, – не удержался Чарли.

– Что ты понимаешь. Он получил власть над всем зверьем. На голос этой дудки и стада бизонов приходили, и волки, и даже он те твари... – Эдди ткнул пальцем в небо, где кружились падальщики. – И дед мог приказать им. Я сам видел.

– И что с ней стало?

– Понятия не имею. Меня же увезли, – Эдди потянулся. – Папаша однажды явился и сказал, что забирает. Ну, меня забирает.

– И отдали?

– Он был в своем праве. Да и матушка... она нашла себе нового мужа. И новых детей. Я там был лишним. А вот с дедом жаль, что попрощаться не успел.

Он подавил зевок.

– Он, верно, уже помер.

– А дудка?

– Дед нашел бы, кому её передать.

– Не жалеешь?

Эдди пожал плечами.

– Я все одно был бы чужим там. Даже если бы стал шаманом. Плохо племени, в котором шаман чужой. Не важно. Спать ложись. Пойдем рано. Надо минуть эту дрянь до того, как солнце сядет. Иначе...

Договаривать Эдди не стал. А оно и так понятно, что ничего хорошего нас не ждет.

Глава 18

Где ведутся душевные разговоры и строятся теории

Ночью, как ни странно, спалось. Пусть сны были путанными. В них Августа то бежала от кого-то, а Чарльз спешил ей навстречу, но категорически не успевал, то наоборот, она что-то страстно объясняла, говорила, уговаривала, будто бы ей вовсе даже неплохо замужем.

А Чарльз лишний.

Ему стоило бы повести себя, как человеку сознательному, и умереть. А так выходило, что яд на него попусту истратили. Нехорошо подводить порядочных людей.

Чарльз пытался отвечать.

Объяснять.

Да только его не слушали.

Он и очнулся-то в холодном поту, распахнул глаза и лежал, глядя в темное небо.

– Кошмары? – поинтересовался кто-то рядом.

– Что-то... не то, – признаваться, что сны его встревожили, не хотелось. Но и притворяться, будто бы все в порядке, сил не было.

– Ага, чуется, – согласилась Милисента, которая тоже не спала, но сидела на одеяле, закрутившись во второе так, что только нос наружу и торчал. – Здесь нехорошее место. То есть, здесь еще нормальное, а там нехорошее.

Она мотнула головой, указывая куда-то в степь.

Чарльз прислушался. Хотя... кого он обманывал. Он слушал эту степь с того мгновенья, когда только увидел, такую безобидно-мирную, спокойную.

Только не по себе становилось от этого спокойствия.

– Не думал, кто тебя травил? – Милисента, в отличие от тех глубоко воспитанных девиц, которых подыскивала матушка, не имела представления об уместности вопросов.

– Думал, – Чарльз тоже сел и накинул на плечи одеяло.

Холодно.

Там, на востоке, все иначе. Если и есть степи, то аккуратные, причесанные, облагороженные даже. Они усмирены магами, разделены дорогами да указательными столбами. Их и осталось-то всего ничего.

– И как?

– Как-то... неприятно, – признался он.

Ночь выдалась гулкой, пустой. Тихо сопел Эдди, свернувшись калачиком. Неподвижно лежали сиу. Вряд ли все, кто-то бродит вокруг лагеря, тут и думать нечего.

Вот только умений Чарльза оказалось недостаточно, чтобы понять, кто именно бродит.

И зачем.

– Я даже думаю, что, возможно, меня и не травили. Могла ведь она ошибиться?

Милли фыркнула.

Ясно, сиу не ошибаются.

– Или солгать.

– Зачем?

– Чтобы мы прониклись доверием. Согласились бы выслушать. И исполнить просьбу.

– Мы бы и так согласились. Проще было бы заплатить. Ну или сказать, что если не поклянемся, то нас деревьям скормят.

Чарльз подумал и пришел к выводу, что это вполне логично. Да и в духе места, где и вправду могли скормить, то ли волкам, то ли деревьям. Стоило вспомнить о волках, как где-то вдали раздались заунывные голоса.

– Ишь, разошлись, – сказал Чарльз, которому стало еще более неуютно, чем было до того.

– Ага, – ответила Милли. – Только это не волки.

– Койоты?

– И не они, – она поглядела с упреком. – Койоты воют совершенно иначе. Разве ты не слышишь? Это... что-то другое. И лучше пусть оно вон там себе и воет.

Чарльз согласился.

Нет, волков он не боялся, койотов тем более, но то, что там выло... звук выходил на редкость заунывным, скребущим, сразу

появилась престранная мысль, что и вправду зря он не помер. От яда. Смерть тихая. Приличная.

Мысль тотчас показалась дикой, и Чарльз затряс головой. А потом решился.

– Расскажи, – попросил он.

– О чем?

– О чем-нибудь. Мне кажется, если замолчу, то этот вой душу выскребет. И спать не стоит.

– Эдди...

Эдди похрапывал и выглядел совершенно умиротворенным. Кошмары ему точно не снились. И Милли опустила одеяло. Вздохнула. И сказала:

– Мы всегда тут жили. То есть, мне казалось, что всегда. Деда я не помню, хотя мама говорила, что он был неплохим человеком. А папаша мой скотина еще та. Вовремя помер... померли его, – поправилась она. – Еще бы на пару лет раньше, было бы совсем хорошо.

– Мой отец был простым лейтенантом. Знатного происхождения, не без того, но из рода происходил пусть древнего, однако обедневшего. У его родителей только и хватило денег, чтобы патент выкупить.

Странно говорить вот так об отце.

– Я его, честно говоря, плоховато помню. Он погиб, когда я был маленьким, – вой стих и Чарльз даже подумал, что весьма своевременно. Если лечь, то можно доспать часик-другой. Отдых точно не будет лишним. Но словно подслушав эти мысли, неведомые звери опять взвыли. – Дома имелся портрет. Да и снимок был. Хорошего качества. Но снимок – это не то.

– У нас тоже был. И есть где-то. Когда он помер, матушка убрала.

– Почему она не вернулась? – наверное, Чарльз тоже слегка одичал, если вообще озвучил вопрос настолько личный. – Прости, если лезу не в свое дело, но видно же, что она не отсюда. Её место на Востоке. И наверное, у неё есть родня, которая помогла бы...

– Ей, может, и помогла бы, – Милли, кажется, на вопрос не обиделась. – И меня, глядишь, приняли б. А вот Эдди?

– Эдди?

– Он ведь ей не родной, хотя... роднее уж некуда, – она осторожно улыбнулась. – Эдди... его нельзя бросать. Понимаешь? Отец увез его из племени. И сам слышал. Для них он слабосилок и вообще полукровка. Для наших тоже полукровка, но в лицо этого никто не скажет. А за спиной да... матушку жалели, когда он появился. Дикий же совершенно.

Чарльз попытался представить, но не сумел.

– Сперва он и ел-то руками, и спал на полу. Вставал досветла, уходил на охоту, а потом возвращался. С добычей. Эдди – отличный охотник. Отец называл его тупым дикарем. Да только он не тупой. Это папаша наш урод... в школу Эдди не приняли. То есть сперва вроде как взяли. И ходили мы. Да. Недолго правда. Потом... в общем, меня еще терпели, а он – совсем чужой. И пастор явился, стал вещать. Ну... такое... что ему там нехорошо. Что смеются над ним. Травят. Ага... его затравишь. Просто боялся, что Эдди кому-нибудь шею свернет ненароком. Может, к слову, и не зря боялся. Матушка послушала и сказала, что грамоте без всякой школы научит.

– И как?

– Научила.

– А у меня гувернер был. И несколько наставников. Мама... она из очень хорошей семьи. Но её там тоже не очень-то любят. Её другому обещали. Нет, помолвка не состоялась, но все равно вышел скандал, когда она упала в ноги Императрице и попросила помочь. Та и помогла. Дала согласие на брак.

Милли хмыкнула.

А волки примолкли. Чарльз решил, что будет называть тварей волками. Ишь ты... этак и поверить можно, что тоже слушают.

– Родители все одно были недовольны. Матушку выпроводили. Приданое, конечно, отдали в полном объеме. Это дело чести. Но общение прекратили. Хотя и сейчас не очень... дед как-то мне писал. Приглашал в гости.

– А ты?

– Съездил. Посидел. Понял, что ничего-то общего с этими людьми не имею.

– Может, они тебя?

– Не знаю, – Чарльз задумался. А ведь... бредовая теория. Безумная. Но с другой стороны если посмотреть... с дедом он

встречался и раньше. Высший свет не так и велик. Холодные приветствия. Вежливые беседы ни о чем. И острое ощущение, что он, Чарльз, самым фактом своего существования ставит хороших людей в неудобное положение. Кузины. Кузены.

То же самое.

Знакомые имена – никто не избавлял Чарльза от необходимости изучать родовое древо – и незнакомые люди. А тут вдруг письмо.

Приглашение.

Ему.

Матушка... Матушка обижена. Возможно тем, что пригласили лишь Чарльза, сделав вид, будто бы её, леди Диксон, не существует. А может, тем, что о Чарльзе вспомнили. Но она переступает через обиду.

– Съезди. Все-таки родня.

...и Августу не позвали. Почему?

Но он поехал. Родовое поместье оставило странное впечатление. Роскошное, огромное, оно пугало этой неуместной помпезностью, среди которой Чарльз потерялся.

Ненадолго.

Торжественный обед и еще более торжественный ужин, на котором он ощущал себя главным блюдом. Взгляд деда. Холодное выражение лица его. И снова разговоры.

О погоде.

Политике.

О том, что донельзя глупая это затея – пакт о правах малых рас. И ни к чему хорошему он не приведет. Смех кузин. Дворцовые сплетни. Ощущение его, Чарльза, лишности в этом доме, в этой семье.

Отъезд.

Его не пытались задержать, уговорить остаться. И впечатление от поездки осталось престранное. Может, он и попытался бы понять, что не так.

Потом.

Но пропала Августа и стало...

– Откуда у тебя деньги? – Милли натянула одеяло повыше. – Ну, они у тебя есть. Это видно. Но ты говоришь, что отец был простым лейтенантом, матушку из семьи выпнули.

Звучало донельзя грубо.

– Повезло, – Чарльз подумал, стоит ли намекнуть, что далеко не все вопросы уместны, или это лишнее? В конце концов, на Западе правила другие. А вот до Востока еще дожить надобно. – На самом деле повезло. Сперва. Матушка получила в числе прочего старую ферму где-то в пустыне.

– А у вас тоже пустыни есть?

Все-таки Милисента еще ребенок. Взрослый, с револьвером и оглушающей силой, но все равно ребенок.

– Есть. Хотя и не такие, как у вас. Там... даже не столько пустыня, скорее полупустыня. Но точно ничего не растет. Думаю, земли эти ей выдали назло. Ну и в исполнение завещания моего... прадеда, получается. Да, прадеда. Не выделить земли они не могли.

– Но кинули, чего не жалко.

– Ага... а там нефть оказалась.

Милли фыркнула. И рассмеялась.

– Небось, локти кусают...

– Думаю, уже успокоились. Они тоже весьма состоятельны.

– Деньги – такая штука, – сказала она серьезно. – Никогда не бывает достаточно.

– О месторождении узнала матушка. Она тоже одаренная и сильная. Почуяла, что с землей не так. Вызвали разведку. Потом прикупили соседние участки. Фермы-то давно разорились. Там климат такой, что без поддержки мага ничего не вырастет. А как добычу открыли, так мой дед попытался оспорить право на участок. В судебном порядке. Но Императрица вступилась. Они с матушкой давно дружат, считай, с самого детства.

– Правда?! – сколько восторга в глазах.

– Тогда еще она Императрицей не была, но была дочерью соседа. Не самого состоятельного. И помнится, матушка говорила, что её отец не слишком одобрял эту дружбу.

– Какой-то он... непредусмотрительный, – заметила Милли, подвигаясь ближе.

А вой продолжал нестись над степью. Только не возникало более желания умереть, напротив, теперь Чарльз остро ощутил, что жив.

Сердце бьется.

Сила клокочет. И ночь безумно хороша. Небо темное. Звезды низкие. Луна висит на поводке, слегка прикрытая рыхлым облаком.

Такой ночью только и совершать безумства.

– Это да... и не гибкий. Так мне говорили. Наверное, были правы. Он никогда не скрывал своей неприязни к императрице, во многом поэтому и утратил прежние позиции. Император жену любит. Наверное, если бы дед был кем-то другим, его бы вовсе от двора отлучили. Но он нужен.

– Зачем?

– У него заводы, которые производят оружие. Нет, есть и другие оружейники, но ты понимаешь, сколько оружия нужно армии? И насколько важно качество его. И своевременность поставок. Сроки изготовления... многое иное. Две трети вооружения идут от моего деда. И заменить его в настоящее время просто-напросто нечем.

Пока.

А ведь... Чарльз при дворе появлялся не так часто. И слухи не жаловал. Но что-то такое мелькало... о сокращении армии?

Поставок?

Проклятье!

А ведь... если логически подумать. Войн давно уж нет. И даже Запад притих. Не бунтуют ороczy племена. Сиу не выходят по-за границы Драконьего хребта. Да и в целом тишина.

Покой.

К чему тогда армия?

Мог ли Император пойти на сокращение численности войска? Вполне. И что тогда? Тогда сократилось бы и количество закупок.

Денег, которые получал бы дед.

Военные заводы – вещь хорошая, но не в мирное время.

Продавать... кому?

Не хватает информации. Причем жизненно не хватает. С другой стороны, что он еще знает о матушкиной родне? Её много. У матушки три сестры и четверо братьев. У них свои дети. И все-то обретаются в том огромном доме, которые, если подумать, для такой семьи не так и велик.

Всех содержит дед.

И привыкли родственники к определенному уровню жизни. Могло ли это привести к тому, что некогда огромное состояние перестало быть огромным?

Но не настолько же...

И при чем тут Бишопы?

— Думаешь? — поинтересовалась Милли, укладываясь на одеяле. И главное, делала она это так, что становилось ясно: ей уже приходилось ночевать в степях.

— Думаю.

— И как?

— Пока не знаю. Слишком все запутано.

— Если ты помрешь, — Милли потянулась и широко зевнула. — То кому проще всего будет получить деньги?

И легла, не дождавшись ответа.

Чарльз же...

Кому?

Хороший вопрос. Уж точно не мальчишке-машману, даже если тот отречется от своего учения и примет покровительство Бишопы. И не Бишопу... Императрица сумеет защитить подругу.

А вот отцу...

Особенно, если тот сумеет переступить через гордость. Или брату? С братом матушка, помнится, отношения сохранила. С кем-то из братьев.

Осиротевшая.

Несчастливая.

Она позволила бы вернуть себя в тот большой дом, особенно, если бы оказалось, что защищать нужно не только её, но и Августу.

Нет, этак Чарльз вскоре и до мирового заговора додумается.

Мысль о заговоре окончательно успокоила, и он даже заснул.

Глава 19

В которой получается заглянуть в прошлое, но радости это не доставляет

Мертвый город походил... на город.

Только мертвый.

Мы шли. Впереди сиу, все трое. И лошади их ступали осторожно, крадучись, и сиу были напряжены. Вон та, что слева, держит стрелу на тетиве и напряженно вслушивается в шелест ветра. А в руках правой застыли ножи. И поневоле я сама начинаю... слушать.

Не так, как учил Чарли.

Здесь моя сила вдруг отступает, скатывается в клубок, будто старая нить. И клубок этот прячется под сердцем. Он горячий, уже не клубок, но уголек. И я прикрываю его рукой.

Второй придерживаю поводья.

Лошадям это место не по вкусу. Вон, жеребец Эдди мотает головой и пятится, но после все-таки идет, покорный воле человека.

А из травы вырастают дома.

Первые походят на огромные муравейники, сложенные из красного камня. Сверху он потемнел, обгорел и крошился, тогда как боковины остались того особого оттенка, которое имеет освежеванная туша. Дома стояли плотно. Крыши некоторых обрушились, и дыры затянуло паутиной. За домами мы увидели остатки стены, низкой и широкой, проломленной в нескольких местах.

А ведь тихо.

И тишина давит на нервы.

– Держитесь рядом. Так близко, как получится, – сиу держит в руках те самые бусины из камушков. – Город большой, попробуем пробиться через главную площадь.

За стеной начинаются другие дома, тоже глиняные, но уже похожие на коробки. Они стоят плотно, порой слипаясь вместе в уродливые сооружения. Лишенные окон, с низкими кривыми дверями, дома кажутся неестественно хрупкими.

Тронь такой и рассыплется.

Руки я прижала к бокам. Что-то подсказывало, что не стоит что-либо трогать в этом месте.

А мы выбрались на дорогу. Та, к удивлению моему, оказалась довольно-таки широкой. Во всяком случае, было где лошадям разойтись. И Чарли подъехал ближе.

Он все еще был бледным и облезлым, но при том до крайности мрачным.

Сосредоточенным.

– Нехорошее место, – повторил он. А я согласилась. Вот честно, прямо таки эту его нехорошесть я жопой чую. А жопа – не голова, врать не станет.

– Здесь обитали рабы, – сиу то ли услышала, то ли поняла, что надо говорить, пока все не свихнулись. – Их привозили отовсюду.

Земля плакала.

И стонала. А я слышала это. И не только я. Эдди посерел и стиснул в руках ту косточку, что ему Змей передал. А не... нет, спрашивать не стану.

Сам расскажет.

– Рабов выбирали. Кто-то достаивался милости служить, и отправлялся в Верхний город, дабы остаток жизнь провести подле хозяина. Кто-то отправлялся в поля или на каменоломни, на золотые прииски, да и мало ли где пригодятся крепкие руки и сильные спины. Эти жили дольше.

– Дольше? – вот уж странно.

И кажется не только мне.

– Дольше. Те, кто видел истинный облик кхемет, проникались к ним такой любовью, такой привязанностью, что не могли и помыслить о дурном. Все их существование было подчинено одной-единственной цели: порадовать хозяев. Правда, при том что-то происходило с телом и разумом. Домашних рабов меняли часто.

– А куда девались...

– Их использовали для развлечений. Ты увидишь, человек, – пообещала сиу. А я как-то этому обещанию совсем и не обрадовалась.

Дорога шла.

Дома становились выше и опрятней. Вот слева будто бы загон показался, но, чую, не для скота. И еще один. Остатки помоста, столб,

подле которого насыпана куча костей. И снова дома. На сей раз большие, с белыми стенами, с высокими крышами.

– Это дома тех, кому повезло родиться с даром. Их кхемет обучали и селили в Низком городе.

– Знаете, а мне ведь не поверят, – с какой-то тоской произнес Чарли. Привстав на стременах, он крутил головой и отчаянно пытался запомнить увиденное.

– Кто?

– Географическое общество. Я имею честь состоять в нем. И... мне не поверят! Вы позволите сделать слепок...

– Нет, – резко осаждала его сиу. – Нельзя. Он чувствует силу. Он... голодный, этот город. Некогда он питался кровью и жизнями рабов, подношениями, которые делали ему прочие, надеясь избежать этой участи. А потом тех, кто кормил город, не стало.

А прочие, если у них осталась хоть капля мозгов, разбежались. Ну, кто сумел.

Мы проехали мимо загона, на сей раз уцелевшего, может потому, что поставлен он был из камня. И только прутья железные покрылись рыжим налетом. В загоне, в позах самых странных, лежали люди. И не только. Вон... длинное нескладное тело с темной кожей и светлыми волосами.

Сиу?

А там огромная гора, больше Эдди, хотя мне казалось, что больше Эдди никого-то нет. Но это орк и, судя по цвету шкуры, горный. Но людей все одно больше. Они выглядели такими...

– Стой, – дорогу заступила сиу. – Они мертвы, девочка. Очень давно. А еще голодны, как этот город. Не надо их тревожить.

Почему-то я сразу ей поверила.

И отступила.

Мы прибавили шаг. Дома поднимались, становясь с каждой минутой все более роскошными. И подумалось, что если заглянуть в такой, то, верно, сыщется что-нибудь полезное.

И мысль эта не давала покоя.

Мы же уже здесь. Так почему бы не воспользоваться случаем?

– Это площадь, – сказала сиу, когда дома расступились.

Площадь? В Последнем приюте площадью называли вытопанный закуток между домом судьи и таверной. А тут... она

была огромна. Она простиралась во все стороны и так, что видно не было, где заканчиваются края её. Выложенная желтым камнем, она гляделась такой... чистой.

Красивой даже.

Вовсе нетронутой временем.

– Идем в обход, – ноздри сиу раздулись. – Если, конечно, не хотите подкормить город.

Я не хотела, Эдди тоже не выказал энтузиазма. И на площадь он смотрел с опаской. А мы... мы развернулись и пошли, двигаясь по самому краю. Но я все не могла отвести взгляда.

Желтые.

Теплые камни. Такие нарядные... и только пятна их портят. Откуда взялись пятна?

Пятна разрастались. Сперва они походили на плесень, которая постоянно появлялась на старых обоях. Она возникала россыпью темных точек, что терялись в выцветших узорах. А потом точки росли, расползались, спускаясь ниже, наполняя комнаты особым затхлым запахом.

И тут вот тоже.

В нос вдруг резкошибануло кровью. И я поняла, что пятна эти – и есть кровь. Откуда-то издалека донесся вой, что перешел в крик, такой истощный, дикий, что я едва с седла не свалилась.

– Что это? – спросила я тихо.

– Память, – так же тихо ответила сиу. Та, которая с ножами. Она убрала их и теперь сжимала поводья. И я могла бы поклясться, что сиу боится.

Памяти этой.

Самого места.

А над площадью клубился туман. Сперва полупрозрачный, какой бывает на рассвете, готовый истаять под первым лучом солнца, он постепенно обретал плоть и форму, вылепляя то одну, то другую фигуру.

Вот будто стая странных зверей, похожих на волков, если бы те вырастали огромными. И эта стая кружит у сбившихся в кучку... людей?

Не рассмотреть.

Да я и не хочу смотреть. Я знаю, что иногда для нервов и здоровья полезней отвернуться. Только взгляд мой против воли раз за разом возвращается к туману. И волчья стая сменяется огромной тварью, что размахивает руками, норовя поймать тварей поменьше. Те юркие, мечутся, то ли пытаюсь уйти, то ли наоборот, нападая.

Туман клубится.

А видения обретают плоть.

И цвет.

Плачет обнаженная девица с волосами столь длинными, что они растекаются по камням. И от заунывного плача её у меня, кажется, кровь из ушей пойти готова. Нервный высокий звук.

Манящий.

– Стой, – повод моей лошади перехватывают. – Нельзя. Это просто морок.

– Не просто, – Эдди бледен. – Они живут.

– Они мертвы.

– И все же живут. В этом месте. Если ступим, то... – он не договаривает, поскольку плач сменяется вдруг смехом, и на площади показываются хрупкие девушки, даже девочки в полупрозрачных нарядах. Они кружатся, кружатся и кружатся, с каждым мгновением все быстрее. И когда одна, споткнувшись падает на камни, я с трудом сдерживаю крик. Под девушкой расплывается алое пятно крови, но остальные словно не замечают.

– Их игры были жестоки, – с другой стороны появляется сиу. И она теснит меня от площади. – Кхемет нравился вкус смерти. И вкус крови.

Крови становится больше.

Она сочится из камней, а сами они говорят. И говорят, говорят, я не способна не слышать их голоса. И в какой-то момент они будто переполняют меня. Я затыкаю уши ладонями, но крики пробиваются сквозь них.

– Тише, – мне не позволяют упасть. И ловят. И тянут к себе. Прижимают. – Этого уже нет. Оно было и давно, но уже – нет.

– Нет, – повторяю я, стараясь верить в собственные слова.

– Он просто заманивает.

– Город?

– Город, – соглашается Чарли. – Не слушай его.

– А кого слушать?

Если говорить, то становится легче.

– Меня?

Я согласна.

– Тогда говори.

Мимо проплывают стены домов. Они уродливы, снизу выпирают камни, выше стены становятся глаже, но все одно похоже, будто дома эти обтянули шкурой неведомого зверя.

– Расскажи... там, на Востоке, действительно все иначе?

Мне бы, конечно, вернуться в седло. И потому как неприлично вот так с мужчиной ехать, да и лошадь тоже поберечь надобно. Но я сижу. Гляжу на обгоревшую, покрытую коростой пыли, шею, не рискуя поднять взгляд выше.

– Многое, но не все. Люди везде одинаковые.

– Скажешь тоже. Там у вас, небось, только леди.

– Всяких хватает, – не стал спорить Чарли. – Но таких как ты точно нет.

Интересно, мне обидится или порадоваться?

– Там женщины... не знаю. Никто-то из них не смог бы и половины того, чего можешь ты.

Лестно.

Эдди говорит, что мужчин слушать не след, что, своего добиваясь, они чего угодно насочинают. И этот наверняка врет.

– Моя матушка умеет стрелять. В тире и из дамского пистоля. И верхом ездить умеет, как почти все воспитанные девицы, но только в дамском седле.

Видела я эту штуковину. Один клиент все пытался с Эдди расплатиться, утверждая, что без дамского седла жить неприлично. Эдди даже поверил. Но я, только глянув, сказала, что скорее сама застрелюсь, чем взопрусь на эту хрень.

А матушке оно по нраву пришлось.

– Никто бы не решился отправиться в степь... и уж тем более в этот вот город.

Зря он про город сказал. Тот, словно дождавшись удобного случая, ответил утробным рыком, от которого лошади шарахнулись, да и у меня поджилки задрожали.

– Тише, – Чарльз напрягся. И я потянулась к револьверам.

На всякий случай.

Прошное, будущее – хрен его разберет, но главное, что с револьвером это вот все как-то спокойнее переживается, что ли.

В спину стеганул ветер, будто поторапливая.

Свистнул Эдди, и пакостливый жеребец его прибавил шаг. Ну и прочие за ним, не без того. Мы шли. И шли. И... площадь наполнилась звуками. Вот будто бы толпа собралась поглазеть... на что? На столбы, над которыми вздымалось зеленое пламя. И там, в нем, корчились...

Рот мой наполнился слюной.

– Еще расскажи, – я ткнула Чарльза в бок, отвлекая от жуткого и одновременно завораживающего зрелища: теперь на помосте умирал орк. Огромный. Свирепый. Сплошь покрытый кровью, но не готовый сдаться.

Он, посаженный на цепь, махал дубиной, отбиваясь от мелких зубастых тварей...

Чарли вздрогнул.

– Расскажи, – я рукой развернула его лицо и уставилась в глаза. Лошади идут, им, верно, то ли не видно происходящее на площади, то ли не понятно в силу далекости лошадиного ума от человеческого. Главное, что идут.

Чарли же хмурится.

И лицо его искажает гримаса отвращения.

– Ты?

– Я, – отвечаю и присовокупляю к словам пощечину. Нет, матушка говорила, что бить людей нехорошо, но иногда нужно. Пощечина получается хлесткой, а главное, доходчивой. И Чарли трясет головой.

Снова хмурится.

И узнает-таки меня.

– Милли?

– Она самая. Что, заморочило?

– Немного, – Чарли трогает губы. Да целые они. Я же ж свою силу знаю. – Спасибо.

– Обращайся, – хмыкнула. – Но оно и вправду лучше говорить. Стало быть, там, на Востоке, надо ездить только в дамском седле?

– На самом деле матушка утверждает, что оно скорее выглядит страшно. А на самом деле удобное. Но я не пробовал. Думаю, ты справишься.

Справлюсь. Куда мне деваться. Только как-то желания справляться особого нет.

– А так, по-нормальному если, то совсем не ездят? – уточнила я на всякий случай.

– Только мужчины. Сама посуди, даже в амазонке сидеть в мужском седле будет неудобно.

А то. Это я знаю. Пробовала. Ну, матушка, когда меня еще не отчаялась воспитывать, амазонку эту самую сшила. Я и примерила. И попробовала в ней поездить. Так едва шею себе не свернула. Ага.

– И штанов там не носят? – уточнила я.

На площади смеялись, кричали, улюлюкали. И все это сопровождалось острым едким запахом крови и дыма. Сквозь вопли толпы порой пробивались иные голоса, исполненные боли. И потому спрашивала я чуть громче, чем стоило бы.

– Не носят.

– Что, совсем?

Говорить надо бы о другом, но в голове засели эти треклятые седла со штанами вместе. Вот и цепляюсь за них.

– К сожалению, даме в мужской одежде появляться неприлично.

– Ага...

Что-то чем дальше, тем меньше мне эта затея по вкусу. Вот... если подумать, то на кой ляд мне сдался этот Восток с его воспитанными девицами? У меня теперь деньги есть.

В теории.

Ну те, который Великий змей отписал. Завещал то есть. Да с такими деньгами...

Что-то ухнуло и просвистело над головами, заставив меня пригнуться к конской шее. Призраки? Какие-то они больно уж материальные. И чувствую, если эти самые призраки вдруг обратят на нас внимание, то мало не покажется.

Однако вновь все стало тихо.

Площадь. И стены. И дома, что уже похожи не то на крепости, не то на дворцы. Ощущение взгляда, внимательного такого, будто эти дома вовсе не пусты, будто те, кто в них жил, жить и остались. И теперь смотрят. Примеряются.

Я сглотнула. И сказала:

– Я сама. Дальше сама поеду.

Чарли это не слишком понравилось.

– Тут нехорошо, – пришлось пояснять. – Может, будем уходить быстро. Или еще как. Лошадь не сдюжит двоих вынести.

Почему-то он улыбнулся, этак, печально.

– Да и отстреливаться на-сам удобнее.

Улыбка стала шире.

А я что? Может, не совсем дамский револьвер, но здесь мне с моими всяко сподручней.

Глава 20

Где Мертвый город встречает гостей

Место подавляло.

Чарльзу, конечно, доводилось слышать о заброшенных городах, но они, великолепные даже на блеклых снимках, существовали где-то там, в диких джунглях Южной Америки или вот еще в Африке, но там ходили упорные слухи о фальсификации. Правда, доказать её не выходило, а лорд Эксли, который, собственно, экспедицию финансировал, прилюдно и громко возмутился.

Едва до дуэли дело не дошло.

А ведь Чарльзу в самом деле не поверят.

Заброшенный город и... где?

В Соединенных штатах? В изученных, казалось бы, описанных подробно, Штатах? Ладно, пусть и не совсем изученных, все же Запад оставался довольно-таки диким, но все одно.

Странно.

И страшно. Даже жутко. По спине ползут холодные струйки пота. Руки подрагивают. А в голове одно желание – отступить. Это ведь... он ведь не охотник за древностями. Нисколько... зачем было вообще сюда переться? Могли бы и обойти. Да, оно получилось бы дольше, но у него есть время.

Конечно, есть.

Если старик Змей прав в своих предположениях, а Чарльз предполагал, что все так и есть, Августа будет нужна. Точнее даже не она, но её дети. Однако дети не берутся из ниоткуда, так что... пара недель задержки ничего не изменила бы. А они вот поперлись.

За эти мысли было стыдно, и Чарльз слизал пот с верхней губы. А еще подумал, что выглядит он совершенно отвратительно. Матушка бы ужаснулась. Лицо обгорело и чесалось. Спина не обгорела, но пыль забралась под одежду, и теперь пропитала кожу, отчего та тоже чесалась. Голова, что характерно, зудела, навеяв вовсе уж нехорошие мысли.

...а за ними наблюдают.

Издали.

Исподволь. С немалым интересом. Примерно с таким же дитя смотрит на витрину игрушечной лавки. А еще с предвкушением...

...Милли ловко перебралась в седло и, привстав на стремянах, оглянулась.

— За нами идет, — сказала она мрачно и вытащила револьвер.

...у матушки тоже имеется пара, но крохотные, ладонью накрыть можно. Такие удобно носить в ридикюле, хотя, конечно, не принято.

На Востоке безопасно.

Там нет ни потерянных городов сомнительного происхождения, ни диких сиу. Обыкновенные бандиты вот встречаются, но отнюдь не там, где обретаются приличные женщины.

Чарльз тоже обернулся.

Туман, выбравшись с площади, крался по следу. Он менял обличья, не способный остановиться на одном. Вот зверь с длинными лапами и косматой гривой, в которой чудятся змеиные головы, превращается в другого, приземистого, напоминающего крокодила. А тот рассыпается табуном лошадей, но лошади тают...

...ей будет тяжело на Востоке.

Милисенте.

Она то и дело озирается, хмурая, но готовая дать отпор, пусть бы и туману. Слишком она... дикая? Верно. Пожалуй. Нескладная. Высокая. Хамоватая порой, что вовсе уж недопустимо.

И одежда эта, напрочь непристойная.

Но ей будет тесно в корсетах, да и юбки она не оценит, пусть бы и отороченные кружевом. Не впишется она в благостную тишину гостиных, которая если и нарушается, то бренчанием клавесина да тихими голосами чтиц.

Не примут.

Это Чарльз осознал явственно.

Даже если он уговорит матушку помочь. А уговаривать придется, ибо матушка имела вполне определенные представления о том, какой надлежало быть девице. Но Чарльзу не откажет.

Вот только...

Кто кого пристрелит раньше? Матушка Милли или она матушку? Почему-то эта мысль вызвала смехок, от которого туман рассыпался и отполз.

Не нравится?

Знать бы еще, что ему не нравится.

И все-таки Чарльзу не поверят. Даже если он свидетелей притащит. Вот слепок бы сделать, да... он шкурой чувствовал, что к силе обращаться не надо. Что место это только порадует его, Чарльза, силе, как порадует и крови.

– Поворачиваем, – рядом оказалась сиу. – И надо побыстрее. Он начинает просыпаться.

Туман, которому надоела игра, растекся белой жижей. И в ней вязли ноги лошадей. Те шли, ступая осторожно, казалось бы, даже с брезгливостью, которую приходилось преодолевать. Но шли. И шаг прибавили весьма охотно.

Наконец, удалось свернуть от площади.

– Сейчас будет дворец Солнцеподобного, – вновь же шепотом сказала сиу. И туман тотчас откликнулся на голос, потянулся выше, словно желая добраться до тех, кто думал, что им под силу пройти по проклятому городу.

Стало...

Совсем неудобно.

– Смерть. Много, – Эдди говорил не шепотом, но вполне громко, однако от звука его голоса туман отступил. – В прошлый раз я был на краю. А тут вот...

Дворец выплывал из тумана, его укутавшего, белоснежную мраморной горой. Он был огромен и великолепен. Пожалуй, в жизни своей Чарльз не видел ничего-то более великолепного. И туман, словно решив похвастать этаким чудом, а может, впечатлить незваных гостей, поспешно, резко одернул полог.

И солнце плеснуло полуденным светом.

Полдень?

Уже полдень?

Чарльз прищурился. Солнце и вправду стояло высоко. И свет его пронизывал мраморные стены, вдыхая в них некое подобие жизни.

Башни.

Башенки.

Крохотные, словно игрушечные. Хрупкие галереи. Колонны, словно из сахара слепленные, увитые каменными цветами. Стрельчатые окна, в которых сохранились витражи. И они-то, сложные, завораживали.

Вот человек стоит, раскинув руки, и солнечный свет окутывает его с головы до ног. Он кажется пылающим, а на ладонях его лежат новорожденные светила. И другие люди преклоняют колени.

Правильно.

Никто и никогда не устоит перед силой Солнцеподобного.

Откуда эта мысль?

Чужая.

Неправильная.

– Если будем обходить и его, не успеем выбраться, – Эдди смотрит на дворец с той обреченностью, которая не оставляет сомнений. – Милли, может, ты назад? Вы ведь можете...

– Назад пути нет, – сиу смотрит на лестницу.

И Чарльз тоже.

Белоснежные ступени слабо сияют, это сияние почти незаметно, но Чарльз видит. Как видит и тончайшую резьбу, что покрывает балюстраду.

– Спешиваемся, – Эдди принимает решение, хотя оно ему категорически не нравится. – Идем быстро. Не отвлекаемся. Чарли, Милли, ничего не брать! Даже не трогать! Держите руки при себе. Не можете – лучше сейчас отрежьте.

Вот можно подумать, Чарльз идиот. Он понимает, что место это...

...с витража взирает женщина столь прекрасная, что Чарльз на мгновение забывает обо всем. Он стоит и смотрит, изо всех сил пытаюсь запомнить каждую черту её лица.

Тычок в бок приводит в себя. И первое, что Чарльз ощущает: ярость. Да как посмели они помешать...

– Не поддавайся, – Милли смотрит серьезно. – Иди. А то и вправду, не приведите Боги, ночевать придется.

Эта мысль почему-то вызвала дикий восторг. Но Чарльз с ним справился.

Стоило ступить на лестницу, и она зазвенела. Тонкий нежный звук, который слышал только он, Чарльз. Остальные недостойны. Они пришли сюда, потревожили покой, дикие, дикие существа... им самое место на площади, все одно на большее не годны.

А Чарльз – другое дело.

Он хорош собой. И умен. Он достоин служить госпоже.

Проклятье!

Нет, Чарльз уже не мальчишка, который позволит задурить себе голову, тем более существу, которого больше нет.

Или есть?

Лестница кажется бесконечной. Лошади ступают по ней осторожно. Жеребец Чарльза прядет ушами. Тоже слышит звон? Он почти стих, и это обстоятельство заставляет мучительно прислушиваться. Чарльз не готов расстаться с музыкой.

— Ковыляет по курганам колымага за конем... — раздалось вдруг оглушительное, напрочь перебивающее волшебный звон. — Это я и Себастьяно ящик золота везем...

Хриплый голос Эдди заполнил, казалось, все пространство.

— Заткнись! — рявкнул Чарльз, но Эдди лишь громче завел:

— Заунывно ветер свищет, в трубке тлеет огонек...

— Веселей держись, дружище, путь неблизок, кров далек... — подхватила Милли, и её голос, неожиданно сильный, вызывал едва ли не отвращение. — Чарли, давай. А то ведь заморочат.

Кто?

Его не заморочить.

Он Чарльз Диксон, третий граф... он пришел сюда по собственной воле, чтобы предложить службу той, которая единственно достойна его любви и преданности. Сердце болезненно сжалось. А в голове забились мыслишка, что если он, Чарльз, хочет остаться, то ему будут рады.

Только ему.

Надо сперва избавиться от этих невежд, которые потащили лошадей в храм.

А место это было сродни храму.

Лестница сменилась длинной галереей, сложенной из того же белого камня.

— Ковыляют по курганам двое путников пешком... — продолжал завывать Эдди.

И хриплый голос его перебивал такие правильные, такие нужные мысли.

— Это я и Себастьяно ящик золота несем... — Милли вовсе в ноты не попадала.

Да уж, в гостиных она будет редким зверем, на такого все соберутся поглазеть. И мысль эта доставила несказанное

удовольствие. Правда, Чарльз отряхнулся.

Что с ним творится?

Это место...

На стенах люди или те, кто лишь казался таковыми, возвышались над прочими. Они были прекрасны, как боги. Они были богами, которым поклонялись все остальные народы. Пусть и не всегда доброй волей.

Поначалу.

Все пытаются противиться поначалу. Но потом неизменно осознают глубину своего заблуждения и, проникшись любовью, ибо невозможно не любить богов, служат дальше столь верно и ревностно, что просто грех этим не воспользоваться.

Чужие мысли, что змеи, заползали в головы.

Не мысли. Шепот, что пробивался сквозь слова песни. Это ведь не так и сложно, стать богом... и Чарльз сумеет. Если захочет.

Если поверит.

Ему всего-то и надо, что избавиться...

...лошадь всхрапнула и подалась в сторону, чтобы переступить через тело в лохмотьях.

– Надо же, – Милли ненадолго задержалась над трупом, взирая на него безо всякого отвращения. – Это кто-то из охотников? Глянь, одежда какая...

Из одежды уцелели сапоги да кожаные чапы. Куртка еще.

И сумка.

Сумка была не пустой. Чарльз не собирался ничего трогать, а вот сумка, она не принадлежала городу. Наверное. Или...

Милисента ногой подбила револьвер, который покрывала ржавчина.

– Его застрелили, – сказала она. – А стало быть, это не призраки. Призраки не стреляют.

Она повернулась и ткнув пальцем куда-то за спину Чарльза добавила.

– Он тоже стрелял. Но не попал, должно быть...

И пошла за братцем, которого наличие мертвеца в галерее нисколько не смутило. Сиу перешагнула через кости. А Чарльз... он не хотел брать сумку.

Он не стал бы грабить покойника.

Все-таки он граф, а графы ведут себя прилично. Но... мертвец глядел и скалился остатками зубов. В голове его виднелась характерная дыра, еще пара зияло в кожаной куртке.

И вправду пристрелили.

– Я... – Чарли потянул за сумку.

Почему её не забрали?

Пальцы мертвеца вцепились в ремень, словно он и сейчас не желал расставаться с добычей.

– Еще один, – донеслось откуда-то издалека. Надо догонять. Надо... оставить это, но разжать руки Чарльз не сумел.

Что бы там ни лежало, оно... оно послужит доказательством! В конце концов, это культурная ценность и, вернувшись домой, Чарльз просто обязан будет передать её сообществу. И вообще инициировать изучение города.

Городов.

Это, может, и не Африка, но зато по-настоящему.

– Отдай! – зашипел он, и покойник покачнулся, чтобы сползти грудой костей. А сумку Чарльз закинул в седло. Так оно надежнее.

Он догнал остальных, которые разглядывали еще пару тел.

– Друг друга положили, – сказала Милисента, хотя Чарльз не собирался задавать вопросов. Ему, если подумать, глубоко безразлична судьба этих людей. – Наверное, из одной банды.

– Идти надо, – Эдди поглядел очень хмуро. – И еще... ты, может, и неплохой парень, но вздумаешь дернуться, я тебя пристрелю.

– Я... – Чарльз хотел было сказать, что не собирается он ничего-то такого делать, но осекся. По какому праву это животное, в котором ни капли истинно солнечной крови нет, ему дерзит?

Оно должно быть наказано!

Чарльз стиснул зубы и произнес:

– Будет лучше, если ты меня сейчас вырубишь. В голову... лезет всякое. Не уверен, что сумею устоять.

Вся суть его взвыла, требуя действовать. И Чарльз поддался.

Почти.

Кулак Эдди был быстр и крепок. А голова... голова вспыхнула болью. Он еще понял, что падает, но упасть ему не позволили.

Удержали.

Животные порой бывают заботливыми. Мысль была последней.

Глава 21

О том, что близкое знакомство с историческими ценностями не всегда полезно для здоровья

– Ты его не зашиб? – поинтересовалась я, глядя как Эдди перекинул графчика через седло. А тому и привычно-то, если подумать.

– Очнется. Хороший парень.

– Слабый, – фыркнула я.

– Нет, – Эдди покачал головой и подхватил повод лошади. Собственный его жеребец и без повода держался близ хозяина. – Не каждый сумеет вот так признать, что сам не справится.

– Он сумку пригреб, – теперь я увидела то, из-за чего испытала преогромное желание пнуть беспамятного графа. Вот сказано же ж было, руки при себе держать!

– Вижу, – Эдди потянул лошадь, и та послушно зашагала. – Уже поздно. Даже если вернем, оно... в общем, оно знает.

Ага.

То есть, ни хрена не понятно, но руки я держу на револьверах. Правда, от этого не легче. Те люди, которых мы видели, они тоже с револьверами пришли. А потом зачем-то перестреляли друг друга.

И может ли статься, что и я захочу пристрелить Эдди?

Или нет?

Я прислушалась к себе, но ничего эдакого, опасного, не почувствовала. Во всяком случае желания кого-нибудь убить.

– Идем, – Эдди обошел тела стороной, да и я за ним. Сиу ступали бесшумно, причем даже лошади, что было вовсе уж ненормально, но не настолько ненормально, как само это место.

Следующий мертвец попался за поворотом. Он сидел в уголке, прижимая к груди золотой кубок, и скалился, словно предупреждал, что с добычей не расстанется даже теперь.

Потом... потом попадались еще мертвецы. И далеко не все они были людьми.

– Он зовет, – сказала сиу, ненадолго остановившись перед сморщенным трупом, который явно не был человеком. Правда и сиу опознать в нем удалось бы лишь по волосам.

Волосы были длинными. Белыми. И в них искрами поблескивали драгоценные камни. Не знала, что сиу тяготеют к такой роскоши.

– Город?

– Город. Манит легкостью добычи, – сиу отступила. – Скоро вечер. Будет сложнее.

– А мы вообще знаем, куда идем? – на всякий случай уточнила я, потому как это беломраморное великолепие вокруг изрядно давило на нервы. И главное, оно длилось, длилось. Одна зала сменялась второй, а та – третьей или вот очередной галереей, которая от предыдущих отличалась лишь составом покойников, в оной галерее оставшихся. И вот честно, если бы не покойники, я бы решила, что мы по кругу ходим.

А так... тоже ориентир.

– Примерно, – нехотя отозвался Эдди. – В теории они все повторяют друг друга.

– Дворцы?

– И дворцы, и города, – ответила сиу, втягивая воздух. Любопытно то, что здесь не пахло. Ни тленом, ни разложением, ничем вовсе, разве что, если очень-очень принюхаться, то будто цветами.

Или духами?

– А вы бывали в них?

– В одном, – сиу ответила не сразу. – Рядом с пещерой есть город. Он хуже сохранился. Почти не сохранился. Сила покинула его, и он стал безопасен. Большею частью.

Она повернула налево, и мы оказались в очередном узком длинном коридоре. Сквозь прорези окон проникало солнце, и разноцветные пятна ложились на белый мрамор, отчего казалось, что ступаешь по ковру. Правда, меня скорее не ковер беспокоил, а то, что солнце клонилось к закату.

И как знать, долго ли ему осталось?

И...

– Мы не успеем, – тревожную мысль озвучила сиу и остановилась.

Эдди тоже остановился. Выругался.

– А если...

– Велика вероятность, что лошади переломают ноги, – сиу огляделась и, развернувшись, сказала. – Те, кто обретаются снаружи, не посмеют нарушить запрет.

– Останутся только те, кто обретается внутри, – фыркнул Эдди. – Чудесно.

По спине побежал холодок.

– Шанс есть. Если пойдем, то к закату выберемся из дворца. А впереди будет город. И окраины, – сиу шла быстро, а мы что? Мы за ней.

Цокот копыт разносился по мертвому дворцу, и звук этот резкий царапал.

– Ясно, – сказал Эдди так, что я поняла, что ничего-то ему не ясно. Мне вот тоже. Но я иду себе, стараюсь не особо крутить головой.

А ведь темнеет.

Стремительно так темнеет.

В какой-то момент мы переходим на бег. И я несусь, вцепившись в седло, не особо пытаюсь запомнить, куда и зачем, главное – не выпустить из виду узкую спину сиу.

Она знает.

Она должна знать.

Но пол скользкий, и я падаю. И лошадь тоже падает. А следом садится на круп жеребец Эдди и визжит, тонко, жалобно.

Проклятье!

– Вставай, – меня поднимают рывком, а лошадь встает сама.

Она трясет головой, скалится, прижимает уши к голове. И в выпуклых глазах её мне видится ужас.

– Тише, – я протягиваю руку, осторожно, стараясь не спугнуть и без того испуганное животное. И оно вздыхает, тянется к ладони, тычется в неё доверчиво. – Все будет хорошо...

Я глажу лошадиную шею, темную от пота.

И подбираю повод.

– Далеко еще? – спрашиваю у сиу. И та качает головой.

– Пришли, – говорит она, отступая. И я оказываюсь перед дверями. Это очень большие двери. Высокие. Широкие.

Главное, что запертые.

Створки из темного золота сходятся столь плотно, что щель между ними и не видна. Зато видно солнце с извивающимися змеиными лучами. И горы. И долины. И кажется, весь мир.

– А... – я оборачиваюсь к сиу, которая смотрит на меня очень внимательно. – Они же заперты!

И главное, нет ни замка, ни ручки.

– Открой. Ты сможешь.

Я? Да что я... я протягиваю руки, потому что золото мерцает в полумраке, оно поет.

Оно зовет.

Оно теплое. Живое. Именно это вот золото древнего города.

– Откройся, – прошу я, потому как где-то там, за стенами, вновь раздастся унылый протяжный вой. И повинуясь моей просьбе, створки медленно, нехотя, но расползаются.

И как это понимать?

Эдди делает шаг, но сиу останавливает его и качает головой.

– В тебе нет нужной крови, – говорит она, а меня подталкивает в спину. – Иди. И скажи, что мы гости.

– Мы?

– Не ты. Мы. И что ты принимаешь нас в доме, как гостей.

Мне страшно. До того страшно, что зуб на зуб не попадает. А ноги подгибаются. Руки дрожат. Но я переступаю порог зала, который столь огромен, что стены его теряются в потемках. Правда, ненадолго. Мгновенье и с тихим шелестом разгорается пламя в высоких чашах. А потом вспыхивают и стеклянные лампы, висящие под потолком, яркие, как само солнце.

Никогда таких не видела.

Зал... все еще огромен. Нет, он больше не кажется безразмерным, но все одно в жизни ничего подобного не видела.

И золота.

Мамочки, если это и вправду золото...

Золотом сияли стены.

И пол.

И потолок.

Колонны опять же... золотые цепи держали золотые чаши. Золотая лестница вздымалась куда-то в сумрак, и на вершине её виднелся огромный трон. Тоже, надо понимать, золотой.

– Милли! – донесся голос братца.

– Тут... в общем, охренеть! – от души сказала я, но тотчас себя одернула. Я повернулась к трону и сказала. – Я принимаю этих людей. Существ. Тех, кто пришел со мной, как гостей.

Сказала и прислушалась.

Тишина.

И? Как понять, получилось или нет?

Я выглянула за дверь.

– Я сказала, – сказала я сиу. – И дальше что?

– Попробуй на лошади, – мне протянули повод.

Ну... из лошади, говоря по правде, так себе гость, даже если лошадь хорошая. Но не оставлять же их за дверью. И мы вошли.

Гроза окончательно успокоилась, а с нею и я.

Подумаешь, золотой зал. Случается. Чего уж тут теперь паниковать-то. Главное, что зал пустой. Ни покойников, ни чудищ, ни тумана. А что золото... оно само по себе никому не вредило. Я ведь не собираюсь ничего брать.

– Милли?

– Все в порядке, – крикнула я через зал. Голос правда почти потерялся, зато эхо отозвалось.

Первыми показались сиу.

Вошли.

Остановились, будто прислушиваясь к чему-то. И мне показалось, что та, которая нас привела сюда, вздохнула с немалым облегчением.

– Может, – Эдди вошел и огляделся. – Объясните, что это вообще было?

В себя Чарльз пришел не сразу.

Он плыл.

По реке. И река эта была вокруг. Его тело было легким, невесомым. И он наслаждался этой легкостью, покоем. Река играла чудесную мелодию, и Чарльз впитывал музыку всем своим телом.

А потом на него вылили воду и поинтересовались:

– Живой?

Чарльз выругался.

– Живой, – сказал тот, который аккуратно устроил Чарльза у стены.

Стена была теплой и еще неровной. И все её неровности впивались в тело. Чарльз хотел бы пересесть, куда-нибудь туда, где стена поглаже, но сил не осталось.

– Как голова?

– Болит, – он позволил себя напоить.

И огляделся.

Горел костер. Такой вот до боли знакомый костер, разложенный на костях. Рядом, на одеяле, сидела Милисента, а за нею – троица сиу, словно свита.

Чарльз проморгался, вспомнив заодно, что было. И прислушался к себе. Нет. Ничего. Ни чудесных песен, ни желания служить кому-то, кроме Императора. Да и последнее не сказать, чтобы ярим было.

– Мы... где? – он огляделся, уже почти и не удивившись.

В самом деле, если существует Мертвый город, о котором известно всем, кроме Чарльза и Географического общества, а в нем стоит дворец умопомрачительной красоты и великолепной сохранности, то почему бы в этом дворце не отыскаться и тронному залу?

Логично же.

А что золото... вон, помнится, Мариет утверждал, будто бы в Карнакском храме тоже пол золотыми плитами мостили. И серебряными. Или это был не Мариет?

Главное, что ничего-то нового.

– Пить, – попросил Чарльз и в руки, связанные между прочим, сунули флягу. – Не развяжешь?

– Извини, но... место такое. Непокойное.

Вода на вкус показалась горькой. А голова разболелась паче прежнего.

– Пусть она скажет, что этот человек в её власти, – произнесла сиу.

– Я ни в чьей...

Договорить не получилось. Боль накатила волной, выбивая из легких воздух. Чарльз стиснул зубы и захрипел.

– Положи руку ему на лоб, девочка. Вот так. И говори.

– Этот человек в моей власти! – голос Милисенты донесся откуда-то очень уж издалека. Но странное дело, стоило ей замолчать, и лоб опалило жаром.

Все тело опалило жаром.

А потом боль ушла.

Осталась горечь на губах. И еще странное выматывающее чувство потери, хотя Чарльз понять не мог, что именно потерял.

– Теперь они его не тронут. Кхемет уважали право собственности. Как и любые иные свои права, – сиу вернулась на место. Она сидела на пятках, плотно прижав одну к другой, и слегка покачивалась. – С нами тебе тоже стоит повторить.

Вторая сиу зашипела что-то низкое, пугающее, но тотчас покачнулась, чтобы упасть на четвереньки. Она выгнула спину, а из ушей, из глаз её потекла кровь.

– Я сделаю!

Милли подскочила к ней, с трудом, но терпящей боль, и положила руку на голову.

Фраза.

Это лишь слова. Чарльз смотрел. Просто слова. Никакой магии. Но сиу... сиу выдохнула так резко, зло, и даже показалось, что сейчас она бросится на Милли.

Не бросилась.

Старшая произнесла короткое слово, и сиу сникла.

Поднялась.

Опустилась на пятки.

– Что тут происходит? – поинтересовался Чарльз, не особо надеясь получить ответ.

Милли коснулась второй сиу.

И третьей.

Говорила она тихо, и было видно, насколько ей... неприятно?

– И развяжи уже, – Чарльз протянул руки. – И вправду отпустило.

– Но приглядывать за тобой я буду, – предупредил Эдди.

Кто бы спорил.

Чарльз тоже будет приглядывать. И за Эдди, и за прочими. Место уж больно беспокойное.

Глава 22

В которой получается заглянуть в прошлое

Что сказать... горел огонь. Ровно. Умиротворяюще. Если вообще возможно умиротворение в подобном месте.

Нужды в костре особой не было, но с ним Чарльз чувствовал себя куда как спокойнее.

И не только он.

На сей раз у костра собрались все, сели рядом, тесным кругом. И Чарльз ощущал слева горячее крепкое плечо Эдди, а справа – узкое сиу.

Милли устроилась на одеяле. Она сидела, скрестив ноги, и свита из сиу смотрелась довольно-таки органичной. Чарли сунули кусок высохшей до каменного состояния лепешки, а к ней и мяса, еще более каменного. Но выбирать не приходилось.

Надо же, а там, в прошлой жизни, казавшейся ныне очень и очень далекой, он полагал себя человеком опытным, привыкшим к трудностям и готовым оные преодолевать. Но то ли трудности были не совсем те, то ли обстоятельства, но ныне с преодолением получалось как-то, честно говоря, не ахти.

– Так все-таки, – затянувшееся молчание, давившее на нервы, нарушила Милли. – Что тут... как тут... вообще...

Она махнула рукой, едва не стукнув сидевшую рядом сиу.

– Извините.

Та оскалилась и прошипела что-то на своем.

Надо будет спросить имена. Или не надо? Различить их Чарльз все одно не сумеет.

– Тише, – примиряюще сказала старшая и прищурилась. – Она наша надежда.

– Я? – кажется, быть надеждой Милли не слишком хотелось.

– Гм, не то, чтобы я не верил, почтеннейшая, – Эдди выразительно уставился на сиу. – Однако все же не отказался бы, если бы кто-то счел возможным объяснить мне.

Сиу потеряла переносицу.

И только теперь Чарльз увидел, что руки её, пальцы её покрывают удивительные узоры. Тонкие линии почти сливались по цвету с темной кожей, но здесь, в этом месте, вдруг проступили.

— Когда-то давно... — в руках сиу появилось уже знакомое ожерелье из камней. — Очень давно, кхемет правили этим миром.

Она задержала в пальцах гладкий камушек.

— И в правлении их не было ни мудрости, ни милосердия.

— Это мы уже поняли, — сказал Эдди куда-то в сторону.

— В жилах их текла золотая кровь, которую кхемет берегли, ибо была она кровью богов, ставя их над прочими, — голос сиу звучал настолько тихо, что пришлось наклониться, чтобы не упустить важное. — Они берегли эту кровь и не смешивали с другой. И даже когда случалось им брать на ложе иных существ, они строго следили, чтобы связь эта не нарушила закон.

— Полукровок нигде не любят.

— Дело не в любви, — сиу нежно погладила камень. — Дело в том, что существа, в чьих жилах есть хоть капля благословенной крови, не подвластны силе кхемет.

— Их уничтожили собственные дети, — Чарльз понял, что произошло. — Кто-то нарушил запрет. Вольно или нет... но нарушили. И появились на свет полукровки, которые были невосприимчивы к этой силе.

— Ты верно говоришь, человек, — сиу передвинула другой камень.

— Их было двое, запретных детей, которых вывезли и укрыли, и вернули в город, дабы бросили они вызов силе и власти.

— И началась война?

— Нет. Те дети воззвали к богам, которые некогда даровали кхемет свою кровь. Они обратили свои голоса и отдали свои жизни. И жизни многих других. И они были услышаны. Боги... боги решили, что время кхемет вышло.

Сиу вновь замолчала, и Чарльз услышал, как по залу гуляет ветер. Откуда ему здесь взяться? А он гуляет, гладит призрачными пальцами золото, не способный с ним расстаться. Разве что плачем не заливаётся.

— Боги заперли города. И тех, кто в них был.

И все-таки в Географическом обществе Чарльзу не поверят. Он точно бы себе не поверил.

– Кхемет продолжали жить. Долго. Они питались сперва теми, кого презирали, а когда их не стало, то сильные пожрали слабых. А когда тех не осталось...

Жутковато.

И главное, история всецело соответствует месту. Чарльз прямо шкурой ощущал это вот соответствие.

– В общем, потом они все померли, – подвел итог Эдди. – А при чем тут Милли?

Сиу поглядела на него с упреком.

– В ней благословенная кровь. Она кхемет. А это место создано кхемет. И для кхемет.

– Во мне? – Милли почему-то не выглядела удивленной. – Это потому что я маг?

– Не только. Маги были среди людей и прежде. Он тоже маг, но не кхемет.

Это признание нисколько не огорчило. Чарльз даже некоторое облегчение испытал.

– Те двое, которые пришли в город, были братом и сестрой, – сиу переложила камни. – И желая сохранить благословенную кровь, силу, что получена была ими обманом, они вступили в связь.

Эдди закашлялся, и сиу дружелюбно похлопала его по спине.

– Кхемет часто брали в жены своих детей, и сестер, ибо кровь защищала их от уродства, а сила даровала благословение потомству, в нем преумножаясь. Те двое желали разрушить одно царство, но построить другое, в котором властвовать стали бы их дети. И дети появились. Двое. Брат и сестра.

– Только не говорите...

– Их разлучили в юном возрасте, опасаясь, что история повторится.

– То есть я... выходит, что я... – Милисента потрогала лицо. – Потомок этих вот...

– Именно.

– Но это же все когда случилось!

– Кхемет зря опасались. Божественная кровь не слабеет с годами. Она может спать, но потом, когда приходит час, кровь пробуждается.

– Понятно, – Эдди почесал за ухом. – А я... стало быть, обыкновенный?

– Ты знаешь, что нет, – сиу обратила взор на орка.

– В том смысле, что не из этих вот... кхемет.

– Не из этих.

Эдди хмыкнул и задумался.

И Чарльз тоже задумался. Не то, чтобы он взял и безоговорочно поверил в эту вот сказку, но что-то такое было, несомненно. Что-то, что заставляло тени держаться в стороне от костра, а само это место делало, если не вовсе безопасным, то почти.

И если так...

Если и вправду есть, пусть не божественная кровь, но одаренность... и эта одаренность... она есть у Милли, но нет у Эдди. Почему? Отец у них общий, а вот матери разные.

Стало быть, дело в леди Элизабет.

И еще в Великом змее, который когда-то провел обряд, желая получить одаренное дитя. Мог ли он вмешаться этим обрядом в естественный ход вещей? То есть, несомненно мог и вмешался. Но вот разбудить древнюю спящую силу?

– И что теперь? – задала вопрос Милли.

– Теперь? Теперь у нас есть шанс дожить до рассвета, – ответила сиу, укладываясь на одеялах. Она свернулась калачиком и широко, как-то совсем уж по-кошачьи, зевнула. – Отдыхай, дитя проклятых земель. Силы тебе еще пригодятся.

Я пыталась уснуть.

Честно.

Но вот... я и кхемет? Кровожадные твари, которые... которые построили это странное место. Пугающее. Или уже не пугающее? Страх исчез, зато появилось такое чувство, будто я, наконец, дома.

Здесь мое место.

И только здесь.

Там, раньше, я жила чужой жизнью. Притворялась. А в притворстве нет ничего хорошего. Положа руку на сердце, я всегда-то чувствовала свою инаковость. Пожалуй, даже Эдди был больше к месту в Последнем пути, чем я. И на Востоке будет ничуть не лучше.

Там... там все хотят в платьях. И вежливые. Раскланиваются друг с другом. Ведут чинные беседы. В театры ходят или еще куда. И главное, помнят про этикет.

Я вечно о нем забывала.

Я села. И тотчас, очнувшись ото сна, сел и Эдди.

– Все хорошо? – он нахмурился.

– Время к рассвету, – сказала я, подбирая одеяло. – Надо собираться.

– Ты не хочешь?

Он всегда-то меня понимал, Эдди. Он понятливый. И умный. Заботливый.

Он сумеет объяснить матушке, почему я осталась. А я останусь?

– Нет, – тихо сказала я, прижимаясь к Эдди. – Можно, я к тебе?

В детстве я ничего не боялась, пожалуй, кроме пьяного папаши, особенно, когда он, забывшись, начинал горланить песни или кричать. Стрелять еще мог. Боялась я не за себя, а за матушку, которая спешила его успокоить.

Вдруг бы однажды случилось бы страшное?

Теперь я понимаю, что случилось бы.

Однажды всенепременно случилось бы. И... и он бы выстрелил. Или ударил. Рукой, ножом... наверное, хорошо, что его убили. Жаль, что так поздно. Главное, в тот вечер, когда приехал Эдди, отец снова напился и стал орать, что в доме его не уважают.

Что мы нахлебники.

Что... много всего. И я оцепенела от ужаса. А потом, наверное, пытаюсь хоть как-то с ужасом этим справиться, заглянула в комнату, где поселили Эдди. И сказала:

– Можно к тебе, под одеяло? А то я его боюсь.

А Эдди ответил:

– Полежай. И спи. Я посторожу. Сюда он не войдет.

Он так и просидел в ту ночь на полу, скрестив ноги, уставившись на дверь, запирающую которую не стал. Я знаю. И потом уже я приходила к нему снова и снова, даже когда он освоился и сам стал спать в постели.

Матушка не знала.

Никто не знал.

– Забирайся, – Эдди подвинулся. – Я тебя тут не оставлю одну.

Я прижалась к нему и выдохнула. Стало... спокойней. И вправду, что это на меня нашло? Дома? Какой это дом? Склеп огромный памятью об утерянном могуществе. Золото. Драгоценности.

Призраки.

Да я свихнусь в этом доме, если уже...

– Я боюсь, – призналась я. – А вдруг... вдруг оно меня не отпустит.

– Место?

– Да. Помнишь, что они сказали? Боги закрыли путь для кхемет. И если они сочтут, что я – это они...

Страх вцепился в горло ледяной рукой.

Я не хочу!

Больше не хочу!

– Не сочтут. Те, ну, которые пришли, у них ведь дети остались, так?

Я кивнула.

В теории так.

– И если бы этих детей сочли тоже кхемет, то они бы померли. И тогда бы не было тебя. Ясно?

Он говорил об этом настолько уверенно, что хотелось верить.

– А может... – но сомнения не отпускали меня. – А если... если там они жить могли и жили, но сюда не лезли? А когда б полезли, то и...

С богов ведь станется. Я помню тот сборник легенд и преданий, который читала тайком и под одеялом, ибо Матушка Мо полагала книгу ересью. Ругалась еще.

Мне не хватает её ругани.

И нравоучений.

– Ничего, – Эдди провел по волосам. – Справимся, Милли. Мы ведь всегда и со всем справлялись. Ты и я. Верно?

Я кивнула.

А еще подумала, что там, на Востоке, Эдди не будет. Ладно бы кринолины с этикетками, переживу. Но ведь Эдди не будет!

Он говорит, что я там выйду замуж и буду счастлива. Но как я могу быть счастлива без своей семьи?

Странно, но суматошные эти мысли окончательно меня успокоили. В конце концов, до Востока добраться надо бы. Пока у нас

вон, Мертвый город, боги, проклятья и дорога вникуда.

Вот интересно, а сиу знали, что я, кто я... там, за пределами города?

И действительно ли не было иного пути или... им здесь что-то нужно?

Весьма скоро я убедилась в правильности своей догадки. Рассвет-таки наступил. И мы поднялись. Переглянулись. Кивнули друг другу, выражая огромную радость тем фактом, что все еще живы.

Выпили остатки воды.

Есть не стали. Лично мне не хотелось вот совершенно. Желание было одно: поскорее убраться и как можно дальше. Меж тем солнце, поднимаясь на небосвод, пробивалось в узкие окна зала, наполняя его светом. И золото в солнечном сиянии вспыхивало ярко, почти ослепляя.

Я и глаза прикрыла. Так, на всякий случай.

– Иди, – сказали мне сзади. – Иди, девочка, и возьми то, что твое по праву крови.

– Что? – я обернулась и посмотрела на сиу.

– Там. Узнаешь.

И мне указали на лестницу.

Я поглядела на лестницу, которая в предрассветных лучах казалась еще более высокой и желания подняться по ней не вызывала вот совершенно, потом на сиу. На Эдди. На Чарли, что потянулся к револьверам, а этого делать точно не следовало.

– Зачем? – задала я вопрос, который в нынешних обстоятельствах показался мне донельзя логичным.

– Затем, что этому месту пора уйти, – сиу была спокойна.

А ведь...

Если Эдди полезет меня защищать, то и графчик не устоит. Мужики, они такие, или безголовые, или хлебом не корми, дай защитить кого-нибудь. Вона, братец нахмурился, челюсть вперед выдвинул и брови свел прегрозно. Только сиу на его гримасы плевать.

– Погоди, – я удержала Эдди.

Будет не слишком-то весело, если мы тут драку учиним. Сиу... про сиу всякое говорят. И что-то совершенно не тянет проверять,

сколько в том правды. Что-то да подсказывало: много. Во всяком случае, найдется у них чем Эдди ответить.

И он знает.

Но все одно не отступится.

– Если я откажусь...

– Мы уйдем, – сказала сиу. – А вы останетесь. Ты, возможно, и сумеешь выжить. Это место тебя признало. Но оно голодно. И потребует крови. А ты не сумеешь отказать ему. Не сразу, но согласишься.

Вот и снова же, чую, что не врет.

– А как же ваша... это... сердце, которое вернуть надо?

Сиу пожали плечами. Все трое и одновременно: мол, сердце сердцем, как-нибудь разберутся.

– Мы знаем путь в тот город, – ответила все-таки старшая.

А вторая добавила.

– Придет время последней битвы...

По спине поползли мурашки. И куда они биться-то пойдут? Почему-то дом вспомнился. И еще Змеиный дол, куда сиу, как подозреваю, частенько заглядывали. А стало быть, не так уж высок Драконий хребет. Да и вовсе стоит ли на горы надеяться?

То-то же...

– Я пойду, – сказала я, не столько сиу, сколько Эдди. – В конце концов, тут же просто лестница. И...

– Мне это не нравится.

– Мне тоже, – согласился с братцем Чарли. – Это может быть небезопасно.

Может.

А что вообще тут безопасно? Сидеть у недогоревших костей и ждать, когда же это странное место меня сожрет? Нет уж, чем раньше мы выберемся, тем оно всем легче будет. И я решительно направилась к лестнице.

Глава 23

Где находятся сокровища и ниспровергаются покойные короли

Чарли глядел в спину девушке, которая спокойно, будто бы случилось ей бывать уже и в заброшенных городах, и в местах куда непригляднее оных, направлялась к подернутой искрящимся туманом лестнице. За спиной мрачно сопел Эдди.

А сиу молчали.

Девушка шла.

Вот нога её ступила на золотые плиты.

...а ведь золото здесь настоящее. И разное. Есть темное, красное, которое добывают где-то на севере и в количествах малых. Его, почитай, все скупает Ассоциация алхимиков. И за кусочек такого, с высочайшей степенью сродства к энергии, прилично заплатят.

Есть бледно-желтое.

И почти белое.

И даже черное, словно обугленное, но тоже золото. И главное, оно поет. Чарльз слышит голоса, которые выводят престранную, но донельзя завораживающую мелодию. Стоит закрыть глаза...

Закрывать он не станет.

Он стоит. Смотрит. Неотрывно. И в какой-то момент начинает казаться, что если Чарли отведет взгляд, то случится что-то очень и очень плохое.

— Я запомню, — тихо произнес Эдди. И был услышан.

Левая сиу что-то ответила, резко и зло. Ей возразила правая. Станный у них язык, похож на птичий клекот. Правда вновь же, от этого клекота мурашки по спине бегут.

И холодно.

От холода начинает сводить руки.

— Сиу не желают войны, — сказала старшая, которая тоже смотрела вслед Милисенте. — Но порой не остается ничего, кроме.

— Погодите, — Чарльз сглотнул: девушка добралась-таки до лестницы. И сила, рассеянная над ней, послушно легла под ноги

сияющим ковром. – Зачем война? С кем война?

– С подобными тебе, человек, – ответила левая сиу. Она говорила тоже чисто, правда все одно ощущалось, что язык человеческий ей непривычен. – Ибо сказано было, что когда Сердце Великой матери покинет своих детей, наступит предел времен.

– А с ним война? – поинтересовался Эдди, Впрочем, не повернувшись к сиу.

– Объединятся ветви древнего дерева племен, и листья его станут стрелами, а плоды – ядом, который отравит земли, – сиу продолжила с явной охотой. – И станет она горька, как слезы иных матерей.

Душевное предсказание. Чарльз давно обратил внимания, что старые пророчества в целом отличаются неизменной любовью к уничтожению мира.

Тихо вдохнул и выдохнул Эдди.

И произнес что-то на орочем. Низкий рокочущий язык, будто камни в горах сыплются. А Милли идет себе.

– А на нормальном можно? – поинтересовался Чарльз, вытирая разом вспотевшие ладони о рубашку. Матушка, конечно, не одобрила бы, но вряд ли рубашка так уж сильно пострадает. Она и без того грязна. А руки отчего-то дрожат.

И тоже не понятно. Ничего ведь не происходит.

А руки дрожат.

– И под небом ли, на земле ли, под землею ли, но не останется никого, кто удержит в жилах кровь, – Эдди говорил медленно, растягивая каждое слово. – Алые реки наполнят пересохшие русла. И тогда пробудится Ар-рахо.

– Ай-ар-рахо, – поправила сиу. – Опять вы все перепутали.

– Сама ты... – Эдди добавил слово покрепче.

– И кто это? – вот чего Чарльзу совершенно не хотелось, так это вникать в тонкости произношения.

– Дракон.

– Сотрясатель мира.

Сиу и Эдди уставились друг на друга. Потом посмотрели на Чарльза.

– Легенда говорит, – Эдди повернулся к лестнице. Милли... Милли была едва различима в этом золотом тумане. – Что когда дракон очнется, то весь мир погибнет в огне.

– Ибо только так, через смерть старого суждено родиться новому,
– поддержала Эдди сиу.

И опять все замолчали.

А Милли... Милли добралась до вершины.

– Эй, – донесся голос её, многократно вдруг усилившись. – А дальше-то что?

И вот честно, Чарльзу самому хотелось бы знать.

Что сказать... как-то иначе я себе подвиги представляла. Героичней, что ли. А тут... ну лестница. Ступеньки золотые. Причем, зуб готова отдать, что по-настоящему золотые. Подумалось даже, что если чутка золотишка отковырнуть – кому оно тут нужно-то? – нам надолго хватит.

И дом можно будет не то, что починить, новый возвести.

Лошадей прикупить. У Эдди с лошадьми хорошо получалось. Он еще когда мечтал, что когда-нибудь табун заведет, будет приличным ранчером. Вот бы и сбылось.

Я вздохнула и поставила ногу.

Прислушалась.

Ничего.

Ни голосов с небес, ни молний, ни вообще... лестница. Золотая только. Но лестница. Вспомнилось, что Эдди рассказывал, будто бы в Бристоне у одного богача нужник золотой. Мы еще гадали, на кой. Потом решили, что мало ли, какие у людей причуды.

И тут, стало быть.

Две ступеньки.

Три.

И уже десяток. И второй. Ступеньки гладенькие. Золото аж сияет. Перила... тоже позолоченные. Или золотые? Я поскребла осторожно, ну, чисто проверить, да только и царапинки не осталось, отчего возникли в душе некоторые сомнения. Золото, оно же ж мягкое. А если не мягкое, то не может стать, что и не золото вовсе?

Обидно.

С этими мыслями я шла.

И шла.

И шла. И поднималась все выше и выше, а я высоту не очень, чтоб люблю. Вот и хваталась за перила. В какой-то момент под ноги угодил

череп. Кругленький такой, гладенький, аккурат, что из лавки аптекарской. Только еще с камушком красным во лбу. Тоже, конечно, странно. Вот какому, скажите, нормальному человеку взбредет в голову камушек на череп клеить?

С другой стороны вспомнилось, что люди в этом вот месте обретались не особо нормальные. У черепа я даже присела, уж больно ярким был камушек. Так и поблескивал, заманивая. Я его ноготочком подцепила. Ну... просто поглядеть, крепко ли сидит.

А он сам и отвалился.

Не выбрасывать же было?

Это в конце концов, бесхозяйственно, камушки драгоценные выбрасывать. Я и убрала в карман. И дальше пошла. Идти, к слову, оказалось недалеко.

Ступеньки становились выше.

И на каждой теперь золотые... ну или позолоченные – тут все-таки были у меня сомнения – звери восседали. Львы вот. И еще аллигаторы. К нам давече зверинец заезжал, там за пару центов давали поглазеть на зверье и уродцев всяких. Я еще, помнится, с Эдди до хрипоты спорила, настоящая ли борода у бородатой женщины или так, приклеенная. Даже подергать хотела. Не дали.

А аллигатор в зверинце поменьше был и какой-то полудохлый. Здешние же сидели в непривычных – вот и близко не верю, что подобная тварь на задних лапах устоять может – нормальному зверю позах, раззявивши золотые пасти. И в каждой было по крупному, куда больше, чем тот, что в кармане, камню. Но трогать я их не стала. Уж... очень живыми гляделись аллигаторы.

И львы.

И другие твари, которым названия я не знаю.

А Эдди еще когда меня учил, что не след тянуть руки к незнакомым тварям. Так что... но коней, которые уже на самом верху были, я погладила. Ну, не совсем, чтоб коней, у них из морды рога витые выпирали. Стало быть – единороги.

Все одно красивые.

Золото показалось теплым, да и вовсе... я вдруг поняла, что статуи эти – они не совсем, чтобы статуи.

Ну а наверху, откудова вся зала гляделась не такой уж и большою, а люди и вовсе крохотульками казались, стояло кресло. То есть трон. Я

ж не дура. Я знаю, что если кресло огромное, тяжеленное и из золота, да его камнями украшенное так, что прям глаза от блеска их слепит, то это трон.

А на нем мертвец.

Вновь же в золоте.

Еще подумалось, что золота у этих кхемет было как-то слишком уж много. Может, потому и не ценили. Небось, когда б было мало, тогда б полы мостить не стали.

– Эй, – я окликнула тех, внизу, которые вдруг отвлеклись от моего героического восхождения и о чем-то там спорили. – А дальше что?

Ответа не получила.

Разве что все спорить перестали – интересно, о чем они там? Но главное, что без мордобития. Они повернулись ко мне и Эдди рукой помахал.

Я в ответ.

Нет, ну вправду, дальше-то что? Мне трон разбить? Так он здоровущий. Спинка вон, в потолок подымается, тоже украшенная золотым литьем. И красивым. Будто бы из самого трона поднимается диковинное дерево. Ветви его закручиваются, а в них листья, и еще зверье всякое, и птицы, и рыбы, и многое-многое иное.

Жалко будет портить.

Да и сомневаюсь, что получится, если руками.

– Займи трон! – донеслось снизу. Слабенько. А ведь Эдди орал во всю мощь.

Трон, стало быть, занять.

И... как?

Я вытащила револьвер. На всякий случай. В местах навроде этого, когда ни хрена не понятно, чего ждать, лучше с револьвером, чем без него. Помнится, Мамаша Мо для спокойствия вот молитву советовала, но револьвер мне как-то духовно ближе, что ли.

Занять.

Я подошла к трону.

И покосилась на золотых болванов, что стояли по обе стороны его. Уже не звери, но будто бы люди в доспехах, как в той книжке, в которой рассказывалось про древние времена. Рыцари.

Вот.

Правда, огромные. Выше меня и даже Эдди. На головах шлемы. Из них перья торчат, что цветы из матушкиной вазы. Доспех опять же. Руки сжимают топоры на длинных ручках... и ощущение такое, что эти двое, что смотрят на меня.

Выжидают.

И... и если стрелять, то есть ли вообще смысл стрелять.

– Ладно, – сказала я, вытерев вспотевшую вдруг руку о штаны. Только от этого было немного, но я чуть успокоилась.

В конце концов, статуи не оживают.

...а вот големы могут.

Интересно, а раньше умели големов строить? Я-то только парочку и видела, когда с Эдди на ярмарку ездила, в Гринвелли. Там в шатре целых пятерых выставляли и один даже боевой, правда, Эдди сказал, что старый и дохлый, но мне понравился.

Тот голем гляделся здоровым и походил на огромного жука в медном панцире. Его плоское тело, посаженное на суставчатые лапы, покачивалось, пыхало паром и искрило. А еще там, внутри, под панцирем, я чувала силу. Источник.

Тут же...

Ничего не чувала.

И патрубков не видать, чтоб жижа алхимическая по ним гонялась. И вообще не похожи они на големов. Статуи и только.

– Ладно, – сказала я снова и подвинулась к мертвяку поближе. Поглядела на него. Ну... мертвяков я в своей жизни видывала всяко чаще, чем големов. Этот был... ну, нормальным. Если так можно выразиться. Не сильно противным, утопленники, они чай куда мерзотнее. А тут сидит себе, сухонький, чистенький, в одежи свои кутается. Те-то пылью покрылись, как и волосы мертвеца.

– Подвинься, что ли, – сказала я исключительно для храбрости. А самой стыдно признаться, страшно стало, просто прям до немогучести.

Руки затряслись.

И коленки. И... показалось, будто этот вот мертвяк на меня уставился. Как был, пустыми глазницами. Сейчас, прям как в страшилке, которые возле костра рассказывают, зубищами щелкнет, тогда-то я точно заверещу, про стыд позабывши.

Не бывать такому.

Чтобы Милисента Годдард боялась каких-то там мертвецов? Хрена с два!

И я решительно дернула за шелковое одеяние.

– Моя очередь! – сказала, надеясь, что звучит это в достаточной мере грозно. И даже насупилась. Ну, для важности.

Шелк оказался гладким.

А мертвец легким.

Если прежде он и сидел, сохраняя позу, то от моего прикосновения просыпался на пол кучкой костей и золота. Не знаю уж, чего там больше. Вспомнилось, что пастор говаривал, мол, все мы там будем.

Я даже крестным знаменiem себя осенила.

И кости.

На всякий случай.

Ну а потом уже уселась на трон.

– Дальше чего?! – крикнула сиу. Могли бы, к слову, и подняться. А то дура душой, восседаю в поднебесьях, а зачем – не понятно.

Эти, внизу, к лестнице подошли, но наверх не полезли. Зато посовещались – сверху смотреть было забавно – и Эдди крикнул.

– Ищи символы власти!

– Какие?!

Опять совещаются. Вот... вот правильно говорят, что любое дело планировать надо! А то тоже. Иди. Подымись. Сама поймешь. Да что понять, когда ничего не понятно-то? Нет бы сразу сказать. Иди-ка, Милисента, наверх. Спихни мертвеца и отбери...

Во! Если мертвец сидел на троне, то символы...

– Они не знают! – долетело снизу.

А я что говорила. Пойди туда, не знаю куда, найди то...

– Ты-то знаешь? – я наклонилась к черепу, что выкатился под ноги и лежал, улыбаясь мне во весь оскал. Знать-то он знал, но вряд ли желал делиться.

Я бы точно на его месте не стала бы.

Символы власти... вот что это может быть? В голову настойчиво лезла корона, которая на портретах Его императорского Величества получалась зачастую лучше, чем само это величество. Но короны поблизости не наблюдалось.

Точно не наблюдалось.

Я не поленилась поднять шелка и хорошенько потрясти, но ничего-то кроме костей, остатков волос и кучи украшений не натряслось. Пауков и тех не было.

К счастью.

Не люблю.

Хорошо... если не корона, то чего? Так, что там маменька говорила... ага, про печатки герцогские, которые являются не просто колечками, а родовым наследием. И там много чего.

Главное, что печатки.

И медальки. Ну, медальоны, то есть. Правда, их не герцоги носили, а бароны вроде. Или баронеты? И вообще чем одни от других отличались? Ладно, это не важно.

Значит просто прибираем золотишко. И надеемся, что среди найденного – а золотишка на покойнике, как я успела убедиться, имелось немало – будут те самые символы власти, которые так вперились сиу.

– Извини, – сказала я на всякий случай. Не знаю, бессмертная ли у него душа, и где она, в пекле мается или сопит у меня над ухом, главное, чтоб не мешалась.

Перстней на сухих пальцах, которые рассыпались, стоило прикоснуться, уместилась дюжина. И главное, собирала я их на карачках, ибо с костей золото осыпалось, рассыпалось и одно даже под трон закатилась. Вот знала я, что там подвох! Не может этакая громадина сплошную быть.

Деревянный он.

Ну, я за колечком руку сунула, не сразу само собою, даже подумала было, что не стану сுவать, но усовестилась. По закону подлости может статься, что этот вот перстенечек хиленький и окажется тем самым ну очень нужным сиу символом власти.

Руку я сунула и... поняла, что трон-то внутри пустой!

– Эдди! – завопила я, уже не стесняясь особо. А что? Тихо тут. Покойники не в счет. Они стерпят. – Трон внутри пустой!

И совсем легла. Лежа, оно лучше видно. Правда, пока мне видна была только пыль, что несколько сродняло меня с этим вот местом. И вообще, вон, мамаша Мо ругается, что у меня под кроватью пылица и беспорядок. Так что про меня говорить, когда у самого Солнцеподобного тоже под троном не убирают.

– А что под ним? – доорался Эдди.

– Пыль!

Я чихнула и нос вытерла, правда, от этого чихать только сильнее захотелось. Ну и руку сунула опять за колечком треклятым. Еще подумалось, что я вот тапочки свои под кровать прячу. И кружки, когда удастся с чаем наверх прошмыгнуть, и книги, и прочие очень полезные вещи. А если и...

Представился вдруг наш Император.

Ничего такой мужчина, повышенной солидности, и на троне. Сидит он, значит, сидит, а потом устал и... куда ему совать этот венец со скипетром вместе совать?

Гм...

Но с другой стороны неприлично императору под трон шариться.

С третьей... он же ж император. Кто ему скажет, что прилично, а что нет? Тем более пальцы мои наткнулись на что-то, совсем даже на кольцо не похожее. Это что-то было гладким и сразу зацепить не вышло. Я пыхтела, матюкалась, позабывши уже и про императоров, и про остальное, но выцарапала-таки длинную коробочку самого древнего вида.

Узенькая.

И высотой в два пальца. В такой дудки хранить хорошо. Или... почему бы и нет? Может, у здешнего императора или как они там его величали, увлечение имелось.

Я коробку попыталась открыть, да не вышло.

Потрясла. Прислушалась. А если пустая? С другой стороны, кому взбредет в голову прятать под трон пустую коробку?

Нет, прихвачу.

А там, внизу и решу, что да как... в общем, остальное золотишко я кое-как распихала по карманам. А что не влезло – не влезло много – скинула на шелковую мантию. Благо, за сотни лет та даже не выцвела. Умели же делать.

Так с мешком в одной руке, с коробкой в другой и карманами, набитыми золотишком, я и спускалась. А спустившись, сунула все сиу.

Только та не взяла.

Шарахнулась.

И сказала:

– Пора. Если желаем выбраться до темноты.
Выбраться я очень даже желала. И не только я.

Глава 24

О том, что женщины всегда найдут общую тему для разговора

Чарльз все-таки сделал слепок города. Пусть издалека, но все одно видны были и грязные скопления лачуг, и великолепные, пронизанные заходящим солнцем, стены дворца. Слепок он перенес на камень, который захватил с собой скорее по привычке, чем и вправду надеясь увидеть в пути что-то интересное.

– Идем, – Эдди сплюнул и передернул плечами. – Гадостное место.

Заговорил он только здесь.

И не он один.

Из города уходили быстро. И отступление это больше напоминало побег, им по сути своей и являясь.

Чарльз запомнил немного.

Бесконечные лабиринты дворца и после – сада, который за прошедшие годы должен был бы одичать, но не одичал, а умер. Деревья, кусты, травы и цветы стояли, словно пеплом припорошенные. И стоило сделать шаг, этот пепел поднялся, закружился, зашептал, что не стоит спешить.

Что он помнит, каким все было в прежние времена.

И готов рассказать. Если, конечно, Чарльз задержится.

Чарльз прибавил шаг, подозревая, что если возьмет и задержится, то его тут и оставят. Прочие пепла то ли не видели, то ли силы воли хватало внимания не обращать. А он...

Он споткнулся, когда из пепла вылепилось лицо Августы.

– Чарли, – позвала она.

И Чарльз остановился.

Он прекрасно отдавал себе отчет, что этот пепельный призрак – не настоящая Августа. Что сестры здесь нет и быть не может, но все равно остановился.

Замер, вглядываясь в такое родное лицо.

– Чарли, ты уже уходишь? Не уходи, Чарли. Мне так плохо без тебя!

– А ну пошла отсюда! – рявкнула Милли и тишину сада разорвал выстрел. – А ты не стой дураком, не видишь что ли, силу тянет.

Голова и вправду слегка закружилась. И потому, когда его подхватили под руку, Чарльз не стал возражать. Более того, рядом с этой женщиной он чувствовал себя в безопасности. Это было напрочь неправильно, ибо женщина должна ощущать себя в безопасности рядом с мужчиной.

Но вот...

Сад сменился дорогой.

Дома.

Снова площадь с её туманами, которые сделались ярче, красочней. И теперь, пожалуй, Чарльз мог увидеть куда больше, чем прежде.

А он отвернулся.

И крики умирающих еще долго неслись в спину, пока не сменились мерзким шепотком:

– Это ты во всем виноват! – голос раздавался прямо в голове, такой холодный и строгий. – Ты был плохим братом, поэтому она ушла.

Кажется, Чарльз споткнулся, но упасть ему не позволили.

– Опять? – темные глаза Милли смотрели серьезно. – Эдди позвать?

– Не надо! – голова еще не отошла от прошлого раза. – Просто... ругается.

– Что виноват?

– Ага. И... тебя?

– Ворчит, что мамаша Мо. Та меня вообще дьявольским отродьем называет, – сказала Милли доверительно. – Одного раза даже водой облила. Освященной.

– И как?

– Да никак... сказала, что слаба освятили, если мои бесы при мне остались.

– А...

– Эдди тоже поливала. Но не из ведра! – похоже данное обстоятельство оскорбляло Милисенту до глубины души. – Так что...

этот голос по сравнению с мамашей Мо – ерунда сущая. Погоди, вот вернемся, она и тебя воспитает.

Если вернемся.

– Думаешь...

– Это вроде собаки, – Милисента поморщилась. – Я... не знаю. Тут вроде смотришь и что-то понимаешь, для чего оно. А что-то нет. Оно не живое. И не было живым никогда. Но стоит, чтоб те, кто тут живет, не разбегались. Обыкновенного человека заморочит. И не человека тоже. Но ослабло за столько времени.

И подтверждением её слов стало эхо гнева, долетевшее до Чарльза.

Оно коснулось всех.

И утихло.

Потом город вдруг как-то взял и закончился. Пролетели мимо полуразвалившиеся лачуги, вид которых больше не вызывал удивления, и лошади, почуяв близость свободы, сами прибавили шаг.

Степь встретила седой травой, на которую уже ложились тени. Привстав на стременах, Чарльз обернулся. Сердце давило и что-то дурное, подхваченное там, в городе, шептало, что стоит бы вернуться. Это же удивительное место.

Его нужно изучить.

Тщательно.

И сокровища опять же. Разве можно бросать сокровища?

Чарльз отряхнулся, сбрасывая липкие цепи чужой воли. Нет уж. Он даже не был уверен, покажет ли кому-нибудь сделанный слепок. Слишком уж... опасно.

Для тех, кто придет сюда.

Хотя все одно придут.

Остаток дня – а солнце клонилось к закату слишком уж стремительно, ушел на то, чтобы отойти от проклятого города как можно дальше. И лишь когда тот вовсе исчез, растворился в сумраке, дышать стало легче. Чарльз и дышал.

Сидел, глядел на пламя, уже почти привыкнув к цвету его, и дышал.

Ночью. Сыростью. И терпкими запахами трав. Конским потом. Собственным. Другими запахами, которые стремился разобрать, разложить на части, выискивая среди них те, особенные, которые

привязывали его к яви. Стоило прикрыть глаза, и перед ними вставали белесые, словно костяные, стены города.

– Не открывается, – пожаловалась Милисента.

На траву упало одеяло, на него – пурпурный плащ из ткани тонкой и блестящей, весьма похожей на шелк. Матушка бы оценила.

...а ведь это тоже доказательство.

И надо попросить. Ему отдадут. Зачем им с Эдди плащ? А золото? Золото Чарльз тоже выкупит. По хорошей цене.

– Если оно вообще должно открываться.

Золото лежало кучей.

Милисента выгребла из карманов кольца и перстни, какие-то спутанные цепочки, которые завязались блестящими узлами. И в этих узлах поблескивали глаза драгоценных камней. Упало змеею тяжелое ожерелье. Покатались, но были остановлены Эдди широкие браслеты.

Милли же потрясла невзрачного вида коробку. Внутри определенно что-то было.

– Забавно, если окажется, что там любимая детская погремушка, – проворчала она и повернулась к сиу. – Так что тут это... символы власти?

Она подняла перстень, украшенный крупным синим камнем. Если это сапфир, то воистину огромный. Камень в сумерках казался почти черным.

Сиу молча протянула кусок мяса. А вот к деревяшке притрагиваться не стала. И Чарльз решил, что это разумно. В конце концов, кто их эти древние и проклятые клады знает.

А вот золото...

Вернуться домой. Описать. Открыть музей... многие ведь создают собственные музеи, так чем он хуже? Экспозиция... золотые сокровища Проклятого города.

Или лучше Тайного?

Боги, какая пошлость. Матушка так и скажет.

– Голова болит, – пожаловался Эдди. – Будто кто-то по макушке кулаком бухает.

И Чарльз снова согласился.

Бухает.

От этого буханья там, внутри, становится жарко. И еще мутит.

— Красивенько, да? — Милисента вытащила ожерелье, представлявшее переплетенных между собой змей. Чешуёй их были драгоценные камни, подобранные сложным узором. И змеи казались живыми.

— Я... лягу, — Эдди поморщился и руку к носу прижал. А затем уставился на ладонь, которая окрасилась алым.

Алым-алым.

Нарядным.

И у Чарльза такая же. И... кажется, голова кружится. А еще бухает изнутри. Это потому что мысли ломаются. Мыслям тоже нужна свобода. Наверное, если разбить голову, то они выйдут наружу. И станет хорошо. Бухать точно перестанет.

Чарльз огляделся, пытаясь найти хоть что-то, о что можно было бы разбить голову.

Но...

Камень!

Точно.

Вон, торчит из седой травы, манит. Если подойти...

— Эй, ты куда? — голос Милли донесся издали.

Куда, куда... какое ей дело? Обычная девица слишком вольного воспитания. И не ей мешаться. Не ей мешать. Чарльз поднялся и сделал шаг.

Второй.

Его схватили за руку, и это прикосновение вызвало такую нечеловеческую ярость, которой Чарльз никогда-то прежде не испытывал. Он обернулся, оскалился...

И рухнул в траву.

— Вот же... — донеслось сверху. — Этак он живым и не доедет, если все время по голове бить. Хотя... мозгов там явно немного.

Это было обидно.

Графчика я тянула до лагеря сама. За ноги. Но мордой кверху. Я ж не совсем злая, я так... а шустрый, главное, какой! Только отвернулась на мгновение, а он уже по степи несется, что твой олень, да к горodu. На силу догнала.

И не остановить собиралась, а спросить, чего это он вдруг.

А он как повернулся, глянул, прям сердце в пятки ухнуло, и еще оскалился по-звериному. Правда, больше ничего не успел, потому как камень ему прилетел.

Прямо в лоб.

Вот графчик моргнул, стало быть, от столкновения этого, и рухнул, где стоял. А я еще подумала, что этак мы его точно живым до цели не довезем. Но камень подняла.

Камни правильные на дороге не валяются.

– Спасибо! – крикнула я сиу, которая стояла с ремнем наготове, и с камнем, в него вложенным. Ну это, думаю, если бы первого мало было.

Сиу кивнула.

И села.

А я... я склонилась над графчиком. Ишь ты какой... обиженный. Губы скривил. Шевелит. Но зато живой. А голова... глядишь, дурь всякая из нее выбьется, то всем полегчает.

Я поглядела туда, где чувствовался город.

Зовет.

И меня тоже. Если сосредоточиться, если прислушаться, то будто песню кто-то поет. Заунывную. И ласковую. И зовет тоже.

Нет уж.

Не надо меня звать. Выбрались и слава богам. Ну или одному. Тут я не решила еще, кто прав, мамаша Мо с её верой, наш пастор, которого она полагала еретиком и порождением ада, причем тут я местами готова была согласиться, или же «Большая энциклопедия верований и суеверий».

В общем, всем.

Я подхватила Чарли за ноги.

Оглянулась. Неужто Эдди не поможет? Но тот сидел неподвижно, вперившись взглядом в огонь, и только чутка покачивался. Что бы с ним не происходило... в общем, побежать ему не позволят. За плечами Эдди я различила знакомую тень.

Ну... ему голову не расколют. Надеюсь. У братца она на диво крепкая.

– Что ж вы такие-то... – я потащила Чарли по траве. А тяжеленный! И главное с виду тощий, прям совсем никакой

солидности. Откудова вес, спрашивается? В кости что ли ушло? Или, может, у него там, внутри, магия, которая тоже тяжелая?

Подумалось даже, что ничего-то с ним подле лагеря не станется. И сиу присмотрят, раз уж вовсе они за нами приглядывать взялись. Ночи ныне теплые.

Почти.

И вообще я не обязана всяких там слишком шустрых и головою ударенных таскать. Однако и бросить совесть не позволила.

Дотянула.

И даже к костру подкатила, а после в приступе заботы – может, права матушка, и с возрастом у женщин появляется это самое желание, кого-нибудь узаботить – одеяльце наверх кинула. Еще бы и по волосам погладила, но тут уже сама поняла, что чересчур.

Руки убрала.

Вернулась к Эдди.

Братец, кажется, не заметил. Он сидел, вперившись взглядом в пламя, перебирая пальцами костяную свою дудку. Из носа текла кровь, капала на одеяло.

– Он никуда не уйдет, – сказала я сиу и прислонилась к плечу Эдди. – Но... ты знаешь, что с ним?

– Он видит.

Это была не та, что всегда говорила с нами. Другая.

– Присядешь? – спросила я, не оборачиваясь. – Неудобно говорить с тем, кто стоит сзади.

– Не обязательно говорить.

– Город зовет, – плач, еще недавно раздававшийся где-то там, далеко, вдруг окреп. И теперь я слышала его ясно. И могла бы разобрать причитания. Если бы захотела.

Но я категорически не хотела.

– Зовет, – после недолгого молчания согласилась сиу. И выступила-таки из тени, чтобы опуститься на траву. Она была... она была точно такой же, как та, другая. Разве что узор на лице несколько отличался. И косы были заплетены иначе. А так... высокая, тощая.

Нечеловеческая.

И ходит босиком. Пальцы на ногах у нее длинные.

– Ты не любишь нас. Людей, – сказала я, чтобы хоть как-то заглушить назойливое хныканье, которое то стихало, давая надежду на

тишину, то взрывалось в голове.

– Вы любите сиу?

– Нет. Не знаю. Я раньше не встречала никого из вашего народа.

У нее темные глаза, цвета старого дерева. И взгляд она не отводит.

И... она молода. Много моложе той, другой. Откуда я это знаю?

Не знаю. Но знаю. Ерунда какая.

– Ты её дочь?

– Великая мать редко кому из нас дает возможность дважды испытать себя.

– Стало быть нет. Вы... похожи. Наверное, это потому что вы другие.

– Вы тоже похожи.

– Ты хорошо знаешь язык, – не представляю, о чем вообще говорить с существом, которое не отказалось бы при случае перерезать тебе глотку.

– Звонящий поток, – сиу коснулась своего лба.

– Милисента.

– Что это значит?

– Понятия не имею, – признаваться в таком было стыдно. – У нас имена редко имеют значение. Есть, конечно, и такие... у нас в городе как-то появилась вдова. Её звали Добродетель.

– И как?

– Вскоре она купила веселый дом. Она была состоятельной вдовой. А стала еще более состоятельной.

Сиу фыркнула. Смеется?

– Если мне придется убить тебя, – сказала она после, – я сделаю это быстро.

– Спасибо.

Пожалуй, за такое стоило бы поблагодарить. Я повернулась к Эдди. Ничего не изменилось. Сидит и смотрит. В глазах его плещутся отсветы пламени, и глядеть на них жутковато, да и сам он тоже страшен. Хотя кровь больше не идет.

– Почему они... – я щелкнула, пытаюсь поймать нужное слово. – Чарльз маг и настоящий, в отличие от меня. Но он вот побежал. И ушел бы, если бы ты не остановила. Это ведь ты?

Она чуть склонила голову.

– Спасибо. Не то, чтобы я как-то была к нему привязана, но... все-таки клиент. Да и не думаю, что сейчас стоит приближаться к городу.

– Они слабы.

– А вы сильны?

– Сильнее людей. Великая мать дарует свое благословение дочерям. И редко кто из нашей крови поддается зову мертвых. Иначе мы бы... – она вытащила из волос тонкую длинную кость. – Мы умеем повелевать. Не говорить. Тот, кто связан кровью, слышит. И будет услышан. Он ценен. Продай.

– Эдди?

Вот родного брата мне продать еще не предлагали.

– Я возьму его мужем, – сказала сиу. – У меня есть дом. Хороший. Есть шкуры. Мягкие.

– Поздравляю. Но... понимаешь... – я мысленно прокляла себя, что вообще этот разговор затеяла. – У нас так не принято. Мужчина сам выбирает женщину, с которой хочет... жить.

Сиу чуть склонила голову.

И смотрит с любопытством.

– И это он приводит жену в свой дом. Содержит её. Заботится. Во всяком случае, так положено. Но иногда не выходит.

И сказала бы хоть что-нибудь.

– Мой брат, он... он вообще другой крови!

Сиу слегка пожала плечами.

– Главное, сильной.

– И не имеет значения, какой? – а это уже, чую, может быть интересно.

– Если Сердце вернется, то нет. У нас мало мужчин. Очень. Они уходят. И редко возвращаются. Они ищут славы и крови. Злые совсем, – пожаловалась сиу.

– Наши тоже далеко не все добры.

Кажется, разговор сворачивал на ту самую тему, которая способна была объединить женщин. Даже матушка моя при всей своей воспитанности порой снисходила до вечерних бесед с мамашей Мо. Ну, о том, что мужики – сволочи.

Почти все.

– Выбрать сложно. Правильно выбрать.

Едва слышный вздох потревожил пламя. Кажется, у сиу была схожая проблема. И не то, чтобы я от этого вдруг прониклась к ней доверием. Скорее уж давно хотелось поговорить, но с кем? Не с Эдди же.

Сидит.

И пялится в пламя. И живой. Я слышу, что живой. А городу не отдам.

— У нас там, — я мотнула головой в степь. — Особо и выбрать не из кого. Край мира, считай. Или охотники, или ковбои, которые тоже уходят. А возвращаются через раз. Еще есть игроки. И те, которые без бутылки себя не помнят. Отребье всякое. Искатели удачи. Нет, бывают и нормальные... тот же Доусон. Приехал с Востока, с сыновьями. Землю прикупил. Серьезный. Матушка ему моя нравится.

Сиу слушала превнимательно, а по лицу её нельзя было понять, что она думает о моих вот откровениях.

— Но таких мало. И на кой я им сдалась? Папашу моего помнят. Матушка... она тоже без родни, а это вот... ну... нехорошо, — подобрала я правильное слово. — Эдди опять же. Его бояться. Уважают. Но жениться на мне? Настолько дурных нет.

Где-то в траве застрекотал сверчок. И голос его успокоил.

— Братец мой носится с мыслью, что отправит меня на Восток. Там города. И людей больше. Цивилизация. Он думает, что я там найду себе мужа. И заживу с ним счастливо.

— А ты?

Хороший вопрос.

— Не знаю. Я... понимаешь, до недавнего времени эти планы — они только планами и были, — я протянула руки к огню. — А почему на костях? И что за кости такие, которые всю ночь горят и не сгорают?

— Старых зверей, — ответила сиу, усаживаясь на скрещенные ноги. Она вытащила из сумки горсточку сушеных ягод, которые протянула мне. — Там, в горах, много таких. Хорошо горят.

Это я вижу.

И тепло идет. Не совсем такое, как от нормального пламени, но идет же. Хорошо. Вдруг похолодало. И главное, что холод этот накатила волной. Будто ветром зимним пахнуло, выдув остатки тепла. Завозился на своем одеяле графчик, скручиваясь клубком. Эдди лишь покачнулся.

И руку поднял, будто желая костер накрыть, но не удержал. Рука упала, а брат слегка наклонился.

– Может, его положить? – спросила я у сиу.

– Не стоит. Он сильный, – та осторожно потрогала руку. – И теплый. Хорошо зимой, когда муж теплый.

Я подумала и согласилась. В нашем доме зимой вечно сквозило. Казалось, сколько дров в камины не кидай, старые стены тепло не удержат.

С мужем спать, наверное, всяк удобнее, чем с грелкой.

Хотя... матушка говорила, что на Востоке муж и жена в отдельных комнатах спят. И тогда в чем вообще смысл-то? То есть, я, конечно, знала, в чем. Благо, Беттины шлюшки были девушками веселыми, общительными и охотно делились знанием.

Теоретическим.

О практическом не заикались даже, полагаю, из-за Эдди.

– Не уверена, что вообще найду мужчину, с которым... который... на востоке ведь все иначе, – я поежилась и пересела ближе к огню. – Ты... не бывала ведь?

Сиу покачала головой.

– И я нет. Но к нам доходят модные журналы. Старые, конечно. Новые дорого стоят, а если старые и по случаю... Эдди всегда подбирает для матушки, ну, когда возможность выпадает. Ей нравится читать о модах и вообще. Не важно.

Я помолчала.

– Что для вас важно? Для женщины?

– Не понимаю?

– Ну... скажем... там, на Востоке, нужно, чтобы девушка была скромной, – я загнула палец. – Миловидной. Воспитанной. Чтобы умела вести дом. Мама так говорила, а еще, что я к этому не способна. Скромной меня, подозреваю, тоже не назовут. Миловидной? Даже тут меня миловидной не считают. Вот и выходит, что там я... ну... не только чужая, но и не самый лучший выбор.

– Я умею охотиться, – сказала сиу, тоже палец загнув. – Я могу бежать по следу оленя два дня.

– Много.

Она кивнула не без гордости.

– Я убила медведя. Освежевала его. И ела сырую печень.

Мне подумалось, что на Востоке у нее было бы еще меньше шансов, чем у меня.

– Я ходила по ледяным камням и собирала кости. Я подняла два пера, и теперь могу повелевать мертвецами.

Определенно.

– Я получила память своей матери и её матери, и матери её матери. Это тоже много.

И совершенно не понятно.

– Я хорошая... – она чуть замолчала. – Невеста? У нас нет такого слова.

– Почему?

– Моя сестра говорила, что мы разные. Вы, люди, выбираете себе пару на всю жизнь.

– Это она несколько преувеличила.

– Мы сходимся, чтобы зачать дитя. А для этого не нужны лишние слова.

– А потом? Ну, когда получается?

– Мужчина уходит. Нашего рода. Раньше... Великая мать говорила. Были рощи. В них приходили женщины, которые желали зачать. И мужчины тоже, которые хотели оставить семя. Но это давно. У меня нет той памяти. Сейчас сиу стало меньше. Много.

Она подняла руку, словно желая схватить что-то невидимое.

– Мы живем в большой роще. В горах. Есть еще несколько. Но это все, что осталось. И мужчины редко приходят. Мы ищем других. Великая мать помогает. Помогала.

Звнящий поток смолкла.

– Если не вернуть сердце, получается... вас...

Я запнулась. Как-то даже моего чувства такта хватает, чтобы понять: не стоит задавать подобных вопросов.

– Не станет. Да. Думаю. И думаю, что моя сестра не сама ушла.

– Твоя сестра – это... её дочь? – я указала в темноту, которая скрывала других сиу. И готова поклясться, что весь наш разговор слушали.

– Мы смешали кровь с кровью первого убитого нами врага. И разделили её пополам, – Звнящий поток обняла себя.

– Холодно? Садись ближе. Если вдвоем, то теплее.

– Ты слабая.

— Есть такое, — я согласилась. — И медведей не убивала.

— А не медведей?

— Случалось. Эдди... брал на охоту. Всякую. Не хотел сперва, но потом понял, что все одно пойду, а с ним если, то спокойнее. Мы ловим людей. В основном. Нет, можем и за другую работу взяться, но другой нет. А вот подонки всякие в Последний путь валом валят, думают, что если здесь край мира, то никто до них и не дотянется.

Она подвинулась ближе. Как-то так, незаметно. От сиу пахло почему-то древесной смолой и еще мокрым камнем. Я подняла одеяло, которым укрывалась:

— Залезай. Вдвоем... не так беспокойно.

Глава 25

В которой строятся теории и отдаются враги

Это и вправду не было страхом. Чего бояться в пустынной прерии? Разве что далекого заунывного воя и того самого шепотка, который почти стих. Но стоит замолчать, и он снова оживет.

Сиу дышала медленно.

— Как это произошло? — спросила я. И в темноте блеснули зеленую глаза. На волчьих похожи. Многие считают, что сиу способны перекидываться в волков. А некоторые и вовсе живут в зверином обличье, только изредка его меняя. И стаи собирают.

И приводят их к людям.

Зачем?

Так сиу же. Кто их поймет.

— Я не хочу обидеть её или тебя. Или память. Но мне кажется, что все это неспроста, — я слышала, как стучит её сердце, и это тоже было странно.

У сиу и сердце?

Разве бывает так?

— Что слишком все... вовремя, да? Кто-то мог знать про это вот Сердце?

Сиу покачала головой.

Слегка.

— Она была сильной. Её мать добыла хорошего мужчину в свой дом.

И снова посмотрела на Эдди. Задумчиво так.

— На цепь ты его не посадишь. А так — сбежит, — поспешила вставить я. И сиу вздохнула, хотя, подозреваю, целиком от своей мысли не отказалась.

Вот только сиу в нашей родословной и не хватало.

— Как её звали? Если... можно узнать имя?

— Звонящий ручей.

Звонящий поток и Звонящий ручей. Это у них с фантазией туговато или просто совпало?

— Мы увидели солнце в одно лето. Детей... мы с ней и Звонящая стрела.

Или обычай? Скажем, те, кто в один месяц родился, всенепременно звенеть должны? Оно-то странновато, конечно, но с другой стороны вона, у меня имен целая куча, а графчик и вовсе третий по счету. Иные, матушка говаривала, и вовсе всех детей в роду одинаково именуют. Или на одну букву.

Тоже придурь. Так чем сиу хуже?

— Но она не увидела весны. Слабая была.

— Мне жаль.

И я не соврала. Мне почему-то было действительно жаль этой, совершенно незнакомой девочки, которая умерла где-то там, в горах.

Сиу кивнула.

— Добрая.

Почему-то это не звучало похвалой.

— Вы, люди... вы странные. У вас много лиц. Вы меняете их. Вы добрые. И злые тоже. Вы говорите правду. И врете. Это её всегда увлекало.

— Твою сестру?

— Мы росли одним домом. Её мать умерла.

— Из-за людей?

— Нет, обвал случился. В горах становится беспокойно. Великая мать говорит, что мир всегда меняется, и не каждый способен принять перемены.

Наверное, так. Кто-то, кажется, из шлюшек Бетти, упоминал, что совсем скоро железную дорогу поведут дальше, в прерии. Что и проект имеется. И строительство начнут вот-вот. А это значит, что в Последнем пути станетлюдно.

Китайцев привезут.

И подгорников, потому как они строят железные дороги. А с ними потянутся и другие. Город вырастет. Врут, наверное. Куда там дорогу-то тянуть?

Тем паче, что горы.

И прерии.

И... земли чужие. Они по старым договорам принадлежат не людям.

– Из-за перемен дичи стало мало. И земля плохо родит. Мы добывали шкуры и отдавали их людям. Вольным. Которые приходили в поселение. Сестра любила на них смотреть. Потом слушать. Они много говорили. Красиво. Великая мать сказала, что людям веры нет. Что они не знают цену словам.

– Но твоя сестра ей не поверила?

– Поверила. Сиу не лгут. Но люди... люди её манили. Она выучила ваш язык. И я тоже. Я всегда стояла за спиной сестры.

– И ты знаешь, когда она... когда с ней приключилось то, что приключилось?

– Нет, – сиу покачала головой. – Это... не правильно! Мы всегда были вместе!

Я осторожно коснулась горячей её руки. И вовсе та не из дерева, наоборот, кожа мягкая, живая.

– Давай по порядку. Сначала торговцы приходили к вам. И давно?

– Давно. Еще память матери моей матери говорит, что когда мы не разводили костров войны, то вели торг. В горах мало еды. А люди ценят кости мертвых. И еще золото.

О да, люди очень ценят золото.

Я прикусила губу, чтобы не ляпнуть лишнего.

– Потом твоя сестра решила, что лучше торговать с людьми в их городе, так?

– Она сказала, что торговцы не дают хорошую цену. И что там мы найдем того, кто заплатит больше. И зерно купим дешевле.

– И ей поверили?

– Мы взяли шкуры и зелья, и кости, и спустились к людям.

– И вас отпустили?

– Мы подняли первые перья. Кто бы стал задерживать? – искренне удивилась сиу. – Великая мать сказала, что мы можем не вернуться. Люди коварны. Но мы вернулись. И привезли много нужного. Не только еды. И моя сестра говорила. Многие слушали.

Тепло, исходившее от сиу, успокаивало.

Все-таки она живая. Другая, конечно, не похожая на меня и на Эдди, но живая. И это хорошо. Шепоток в голове не смолкал, становился тише, тише, но я знала – нельзя засыпать.

Нельзя закрывать глаза.

Нельзя поддаваться этому голосу, потому что если я вернусь в город, то... то не сумею выбраться из него.

– Мы ходили к людям снова и снова. И всякий раз с большой удачей, – сиу судорожно выдохнула. – Он зовет. Слышишь?

– Слышу.

– Ты забрала его сердце. И он умрет. Потом. Но сейчас он зовет. Не слушай.

– Не слушаю.

– Если послушаешь и решишь уйти, мне придется тебя ударить.

– Не решу. Но если вдруг... бей, – разрешила я.

И сиу кивнула.

– Хорошо. Я постараюсь не сделать твое лицо страшным. Люди, как я знаю, любят, чтобы у женщины было гладкое лицо.

– Спасибо.

– Я помню того человека. Если я его увижу снова, я перережу ему жилы на руках и ногах, вгоню в кишки крюк и подвешу.

– Не выдержит, – подумав, сказала я. – Если на кишках.

– Выдержит, – отмахнулась сиу. – Тут главное правильно крюк засадить.

Уточнять, где и как она училась всаживать эти крюки правильно, я не стала.

– Он будет умирать долго. А я сяду и стану смотреть, – она даже зажмурилась, совсем как я, предвкушающая наступление Рождества.

– Расскажи о нем.

– Зачем?

– Чтобы я знала, кого искать.

– Это правильно, – согласилась сиу. – Нужно знать чужого врага. Чтобы не убить случайно.

Странная логика, но в чем-то понятная.

– Примерно так. Ты можешь описать его? Как он выглядел?

– Как человек.

Очевидно. С другой стороны, вот спроси меня, как выглядит звенящий ручей и чем она отличается от прочих сиу, не скажу ведь.

– Какого цвета были его волосы? Светлые или темные?

– Темные. Не черные. С белым.

– С сединой?

– Что такое се-ди-на?

– Когда человек разменивает много лет, волосы его начинают белеть.

– Приходит мудрость?

– Ну... тут уж как повезет, – вынуждена была признать. – Иногда просто возраст.

– Се-ди-на, – она выговорила малознакомое слово с трудом. – Приходит. Да. Была. Тут.

Сиу коснулась висков.

– А сами волосы темные?

Она кивнула.

– И глаза темные?

– Нет. Цвета плохого льда. Я ей говорила, что они нехорошие. И она согласилась.

– Твоя сестра?

– Да.

– Как вы с ним познакомились? Вы его нашли или он вас?

Не знаю, зачем мне это надо, но жопой чую – пригодится. И раз уж случилась оказия, почему не узнать о той истории побольше.

– Мы приходили к другому человеку. Он держал лавку. В большом городе. Там, – она махнула рукой в темноту. – Мы приносили ему травы и зелья. Шкуры. Кости. Другое. Он продавал. Давал деньги. Помогал найти то, что нужно.

Посредник, стало быть.

– Он сказал, что этот человек – его друг.

– А имя не назвал?

– Назвал. У вас странные имена. Тяжело помнить. Иллис. Виллис?

– Уильямс?

– Похоже, – сказала сиу. – Еще он назвал его Змеенышем.

Надо же. А ведь складывается. Одно к одному складывается.

– Сказал, что он из большого мира людей. И там мало знают о сиу. И говорят лишь ложь. Эта ложь приведет к большой войне. Её надо остановить.

– Как?

– Рассказав людям правду о сиу. Он говорил то, что моя сестра желала слышать.

Знакомо. И тошно становится. Найду этого змееныша и... уступлю его Звенящему ручью. Ну, раз уж она точно знает, как правильно живому человеку кишки выпускать.

— Он говорил с ней?

— Да. Я отправилась домой. Сестра сказала, что нужно отвезти то, что куплено. Со мной были другие. Они не желали ждать в городе людей. Она осталась. С человеком.

— И исчезла?

— Нет, — сиу покачала головой и жест этот получился совершенно человеческим. — Я вернулась. В город. Она много говорила. О том, что люди похожи на сиу. Сиу похожи на людей. Мы едины. Все дети Великой матери. Что должен быть мир.

— Во всем мире, — проворчала я зачем-то, хотя меня не спрашивали. А где-то там, в ночи, раздался протяжный многоголосый вой.

Говоря по правде, я несколько... напряглась.

— Они не отходят далеко, — успокоила сиу. — А если сунутся, ты сожжешь их своим огнем. Или просто скажешь уйти.

— Кому?

— Проклятым душам. Великая мать сказала, что кхемет не позволено было уйти из города. Никогда, пока город жив. Они прокляты. И голодны.

Как-то вот не стало легче от этого знания.

— Но теперь ты забрала сердце, город умрет, и они получат свободу.

— Знаешь, не уверена, что это хорошо.

— Голодный дух не задержится надолго в мире, — пояснила сиу. — Он ослабеет. И Великая мать ударит в бубен, а потом накормит их кровью, чтобы сделать добрыми. И когда откроются врата в иной мир, духи совсем уйдут.

План, честно говоря, пресомнительный. Но с другой стороны сиу об этом месте знают всяко больше меня, а потому пускай себе.

— Твоя сестра. Я думаю, мы ищем этого человека. В смысле, Чарли и Эдди, и я вот тоже. В общем, поэтому мне надо знать больше. Чтобы найти.

— Его не надо искать, — возразила сиу.

— Почему?

– Я и так знаю, где он. Но... Великая мать запретила ходить туда одной. А я не Звениящий ручей. Я не могу переступить через её слово.

А она, выходит, смогла на свою голову.

– Тогда расскажи. Пожалуйста. О ней. И о нем. Вы и вправду не способны любить?

– Сестра говорила, что нет. Сперва. Что это людям дано. И что её человек говорил ей слова любви. И о любви говорил. О том, когда двое живут вместе. Всегда.

Сиу помолчала и добавила:

– Ужас.

Я подумала и согласилась. Наверное. Я вот одна жить привыкла. То есть, не совсем чтобы одна. Эдди вот был. И матушка. И мамаша Мо с её привычкой будить меня на рассвете, ибо после восхода солнца в кроватях валяются лишь одержимые бесами лени. А их надобно изгонять честным трудом.

Но...

Эдди уходил на охоту, часто и подолгу. Матушка... она никогда-то без стука в комнату не входила. А к мамаше Мо я привыкла. Но муж... муж – это ведь совсем-совсем другое!

– И долго они... говорили?

– Долго. Была зима, – сиу загнула палец. – Потом весна. Когда горы заплакали белой водой, она повела его к городу.

– К какому?

В душе шевельнулись нехорошие подозрения.

– К Мертвому, – спокойно ответила сиу.

– К этому?

– Нет. Этот большой. Злой. Опасно. Другой есть. Там.

– А много их вообще? – что-то известие о другом мертвом городе меня не слишком обрадовало.

– Много, – подтвердила сиу. – Великая мать знает. Я про тот только. И теперь этот. Не вернусь. Сильный город. Без Великой матери и шамана не вышли бы.

И опять на Эдди уставилась.

Шаман?

Почему не удивляет-то?

– Еще ты с проклятой кровью. Я думала убить тебя. Потом. Проклятая кровь – это плохо.

Не скажу, что от подобного признания на душе как-то вдруг полегчало. Но и особого страха я не испытывала. Не убили же ж. глядишь, и не убьют.

А если вдруг, то и у меня найдется, чем ответить.

– Великая мать сказала, нельзя. Проклятая кровь своя. Город послушает. Город отпустит. Великая мать знает.

– Зато я вот... не знаю. И вообще, почему она решила, что я – из... ну, проклятых?

– Увидела, наверное, – подобные вопрос сиу мало занимали. И чувствовалось, что спрашивать я могу до посинения, а вот ответа вряд ли добьюсь.

Еще и вой раздался, уже с другой стороны. Но как-то очень быстро стих.

– Стало быть, твоя сестра повела этого человека к Мертвому городу?

– Она сказала, что он пишет книгу. Люди не умеют передавать память детям. И пишут книги. Обо всем, что видят. Я читала. Врут.

– Это да, – тут я была полностью согласна со Звонящим потоком. Врали в книгах порой совершенно беззастенчиво.

И не только в книгах.

– А внутрь они заходили?

– Не знаю. Но потом вернулись. И сестра стала другой.

– Насколько другой?

– Очень. Она говорила о человеке. Она смотрела на человека. Она сказала, что познала великую силу любви, – сиу произнесла это с обидой. – Она не хотела слушать меня. Только его. Она дышала ради него.

Как-то не нравится мне это вот... совпадение.

Одна влюбилась.

Вторая влюбилась.

Эпидемия, блин, наклеывается. Кажется, так наш док говаривал, когда еще жив был.

– Она ушла с ним.

– Но сперва унесла ваше сердце, – подвела итог я и задумалась. Думать ночью было легко. Глядишь на огонь, и мысли сами в голове появляются. – Скажи... а она могла рассказать ему о Сердце?

– Нет. Сначала. Потом, когда другой стала, да.

И что мы имеем?

А имеем мы хитрозадого ублюдка, который уехал из-под теплого крылышка папаши, чтобы опробовать таланты в мире большом. Но потом каким-то образом оказался на краю этого самого мира. И... и что? И встретил там наивную девушку-сиу.

Это они выглядят взрослыми, а так, подозреваю, дури в них не меньше, чем во мне.

Он запудрил ей мозги, чарами ли, просто обаянием, и заставил показать Мертвый город. Не нынешний, но...

...огонь пригнулся, расползся по костям красной дрожащей пленой.

...он сын Великого змея, который в свою очередь был герцогом. И что это значит? Не знаю пока. Но кроме титула, на который в местах здешних плевать хотели, старик был магом и сильным.

Значило ли это...

...я знаю, кто мой отец. Но я не знаю, кто моя мать. То есть, знаю, но... до чего все запутано. Отец привез её с Востока. И она явно не из простой семьи. Герцогиня? Что-то одни титулы в мозгах. Не в этом дело. А... мог ли Уильям-младший, назовем его так, чтоб от старшего поганца отличить, тоже быть из этих, проклятой крови?

Если магия в людей пошла от кхемет?

Нет, мне ведь говорили, что маги были и до них. Значит, не все маги – кхемет, но некоторые – да. И тогда, если бы оказалось, что он тоже из проклятых, то город его принял бы. Я вон забрала кучу золотишка и непонятную штуковину, которую когда-нибудь да открою. Я же ж упрямая. А... Уильям? Мог ли он вынести что-то совсем иного свойства?

То, что пробудило бы любовь даже в сиу, которые любить не способны?

И как там говорила Великая мать...

О силе кхемет.

А если... если они не сами по себе были богоподобны? Если они владели чем-то... желание открыть заветный футляр окончательно оформилось.

Не сейчас.

Сейчас еще не время. Сейчас думать надо. И я думаю. Пытаюсь.

...дальше что? Он пробует находку на сиу. И та выкладывает все, что знает. А знает она на беду свою и племени немало. Выкрасть заветный артефакт? Да ради великой любви и не такое делали.

Он же...

Что сделал с сердцем? Продал? И если так, то кому? А надо ли мне вообще в это дело вмешиваться? В конце концов, сиу – это же сиу. Они столько крови пролили...

Я посмотрела на сиу.

А она на меня.

– Я... хочу убить этого человека, – произнесла Звонящий поток. – Но еще я боюсь его. Что, если он сотворит со мной то же, что и с моей сестрой?

Да уж. Перспектива.

– А если... – я облизала губы. – Если ты отдашь своего врага кому-нибудь?

Мне протянули узкую длинную ладонь.

– Только пусть смерть его будет мучительной.

Вообще-то я просто интересовалась! Но, кажется, Эдди прав. Порой следует помолчать.

Глава 26

Где поднимается проблема хорошего воспитания

Утро пришло с головной болью. Чарльз открыл глаза и тотчас зажмурился. Солнце успело подняться и, не испытывая душевных терзаний – какие душевные терзания у светила? – щедро плеснуло светом в глаза. Глаза заслезились.

А голова... от малейшего движения становилось худо. Поэтому он и замер, прищурившись, закрывшись от света ладонью.

От ладони пахло.

И от самого Чарльза, надо полагать, тоже пахло.

– Живой? – поинтересовались сверху и не сказать так, чтобы совсем уж с интересом.

Чарльз промычал что-то.

Он попробовал сосредоточиться. Помнится, наставник говорил, что любой маг властелин своего тела и дара, а потому при должной тренировке способен самоизлечиться. Но то ли тренированности Чарльзу не хватало, то ли чего иного, с самоизлечением не вышло.

– Ты его не слишком крепко? – столь же заботливо поинтересовалась Милисента.

Не у Чарльза.

– А то же ж он с Востока. Там, может, у мужиков черепашки слабые.

Чарльз хотел сказать, что совсем он не слабый, но из горла вырвался лишь клекот. А боль сосредоточилась на лбу. Главное, он даже потрогал этот лоб. Точно. Шишка. И огромная такая.

– У нас, помнится, как дерутся, так кто-то кого-то всенепременно бутылкою приложит. Пустой, само собою, – продолжала рассказывать Милисента с просто-таки отвратительной бодростью. Чарльз её почти даже возненавидел за эту вот бодрость. – Оно понятно. Лет пару тому Билли, он еще Косым не был, взял да полную разбил. С джином. Так на него все обиделись. Вставай, графчик.

– Я не графчик, – простонал Чарльз, пальцами пытаюсь осознать размер бедствия.

– А кто?

– Граф.

– А... ну все равно вставай. Ехать пора.

Чарльз застонал.

Ехать? Да он сесть не способен, что уж говорить о какой-то езде? И главное, куда... хотя нет, понятно, куда... он Августу найдет, а потом... потом выскажет ей все. Или лучше её поганому муженьку. После того, как свернет ему шею. Жизненный опыт Чарльза, быть может, был невелик, но однозначно подсказывал правильный порядок действий.

Сначала шею свернуть.

Потом высказаться.

Он все-таки сел.

– Что со мной приключилось? – поинтересовался он.

В горле саднило.

Еще мутило. И перед глазами плыло так, что Чарльз снова попытался проморгаться.

– Сбежать хотел, – сказала Милисента, которая стояла над ним. Ноги расставила, руки на груди скрестила и глядела... в общем, наверное, нехорошо он выглядел. – Пришлось остановить.

Как именно его останавливали, Чарльз уточнять не стал.

Чувствовалось – не все следует знать.

– На от, – смилостивилась Милисента и протянула флягу. – Выпей. Полегчает.

Во фляге оказалась вода, причем холодная. Но сделав пару глотков, Чарльз признал: и вправду полегчало. И подняться сумел. И...

– Поганое место, – Эдди тоже выглядел не слишком бодрым.

В отличие от сиу.

Те сидели в седлах, на людей поглядывая с некоторым беспокойством.

– Поганое, – согласился Чарльз, пытаюсь закинуть седло на конскую спину. Не получалось. Голова гудела, в глазах двоилось...

– Дай сюда, – Милисента отобрала седло. – Ты это... в другой раз, когда чего примерещится, предупреди. Я тебя сама шибану. Легонько. А то же ж... мало ли.

Спорить сил не было. И совесть даже не оказалась. Наверное, её вместе с мозгами отшибло.

Ехали...

Медленно.

То ли из сочувствия к Чарльзу и Эдди, который тоже в седле держался с явным трудом, то ли просто настроение было таким... таким... слов не найти.

А солнце карабкалось выше и выше. Пахло травами и сеном, сухой землей, ветром, пылью, еще чем-то, чему Чарльз не находил названия. Но он вдыхал этот запах, жадно, словно в нем искал успокоение.

Ближе к полудню полегчало.

На привал остановились где-то в прериях. Куда ни глянь, всюду расстилалось то же сизо-зеленое травяное море. Только где-то позади, если приглядеться и очень хорошо приглядеться, в поднебесье виднелись сизые вершины гор.

И то не факт, что Чарльзу они не мерещились.

С седла он сполз. И сил хватило, чтобы ослабить подпругу.

– Мы... вообще... куда едем? – спросил он, сделав глоток воды. Есть по-прежнему не хотелось, голова болела, а шишка, судя по ощущениям, стала еще больше.

– Понятия не имею, – Милли прошлась, смешно расставив ноги, потом потянулась. Согнулась, упершись ладонями в землю.

И...

Вот теперь Чарльз начал понимать, почему женщинам не стоит носить штаны.

– И... – он сглотнул и отвел взгляд.

Немного.

Самую малость.

Он... он человек воспитанный, но прерии на редкость тоскливы. И вообще душа желала для разнообразия приятных впечатлений.

– Тебя это не беспокоит?

Милисента, так же не разгибаясь, выгнула спину.

– Затекло все... нет, сказали же, что приведут. А сиу держат слово.

Она выпрямилась и потянулась уже вверх.

Зевнула широко.

– Но как приедем... в ванну залезу. И неделю вылезать не стану.

К горлу подкатил комок и подумалось, что Чарльз тоже не отказался бы от ванны. Можно, от одной на двоих. Правда спину буравил мрачный взгляд, словно намекая, что если ванна и будет, то только после свадьбы. И наверное, от удара по голове, от неоднократных ударов по несчастной голове, мысли сделались совсем уж бредовыми. Во всяком случае эта идея со свадьбой показалась вдруг на диво привлекательной.

Чарльз тряхнул было головой, чтобы избавиться от этой мысли, но получил лишь вспышку боли.

– На от, – Милисента глядела внимательно и не пропустила болезненной гримасы. – Пожуй.

И в руку вложили какой-то корешок.

– Я потерплю, – возразил Чарльз, ибо, пусть мысли в голове и отличались некоторой странностью, но он еще не настолько болен, чтобы жевать сомнительного вида растения.

– Как знаешь. Эдди?

– Я в порядке, – Эдди прошелся. И он ступал широко, переваливаясь с ноги на ногу. Остановившись в траве, он прищурился, втянул тот же сухой горячий воздух. – Далеко еще?

Вопрос уже адресовался сиу, что наблюдали за людьми издали. Вся троица устроилась среди травы. Присев на корточки, они почти слились с этой травой.

– К вечеру дойдем.

– До города?

– До места, где ходит большой железный зверь. На нем вы доберетесь до города.

Это она про что? Чарльз подумал было спросить, но не стал. Больная голова хорошо притупляла естественное любопытство.

– Ты все-таки пожуй, – Милисента тоже опустилась на траву, чтобы вытянуться на ней. И шляпу на лицо сдвинула, но вряд ли заботясь о коже, скорее уж, чтоб солнце глаза не слепило. – Хорошо боль снимает.

– Я как-то... не привык.

– Ага. Ничего. Еще привыкнешь.

Вот уж не было желания совершенно.

– Что это вообще за место, – Чарльз тоже лег, еще подумалось, что совместное лежание на траве среди прерий – это вовсе не повод для

женитьбы.

И вообще жениться на девице, подобной Милисенте, это... это ему все мозги отбили, если он даже теоретически подобное допускает!

Матушка в ужас придет.

А потом выскажет все, что думает, о его, Чарльза, полной безответственности.

– Город Мастеров? – уточнила Милисента.

– А есть другие?

– Ну... как видишь, есть. Мертвые, – не удержалась она. – Ладно, не пыхти. Ты, когда злишься, пыхтеть начинаешь. Как паровоз. Может, чутка потише.

– Я не паровоз!

– Помню, ты граф.

– Именно.

– И что с этого?

– В каком смысле?

– В прямом. Смотри, вот Эдди – он охотник. Его тут все знают. И уважают. Он любого выследить может, если захочет. Он добывает мясо. И шкуры. Иногда головы. А ты граф. И что?

– Ну... – Чарльз поскреб нос, которые все продолжал облазить, обнажая один слой сгоревшей кожи за другим. А ведь и вправду. Он граф. И что? – У нас есть земли.

– Ты говорил.

– И состояние. Благодаря матушке во многом. Есть должность... она в свите императрицы состоит. Я в Совете. Правда, советник из меня не слишком-то... хороший, – он вздохнул. – Я больше собственными делами занимался, чем государственными. Управляющие, конечно, во многом жизнь облегчают, но за ними приглядывать надо.

– Эт точно, – согласилась Милисента. – Чуть отвернешься, так разом обдерут, как липку. У нас один был к Бетти устроился. Для солидности. Захотелось ей бордель сделать, чтоб не просто так, а как на Востоке. Она говорила, что на Востоке не бордели – дворцы! Правда, что ли?

– Не знаю, – Чарльз почувствовал, что краснеет. – Я как-то... не завсегда так.

– Почему? – удивление Милисенты было вполне искренним. – Или ты... не по бабам?

– Что?!

Нет, жениться на ней было бы... было бы ошибкой. Определенно. В жены нужно искать женщин хорошо воспитанных, которые не станут предполагать подобного.

И вообще о борделях говорить.

– Ты только людям не признавайся, – Милли доверительно погладила по руке. – Не поймут. Эдди еще ничего, может, и не станет морду бить, а другие пристрелят.

– Я не... – Чарльз выдохнул. – Это не та тема, которую можно затрагивать в беседе!

– Почему?!

– Потому что это неприлично.

– Матушка тоже так говорит. И еще вздыхает, – Милли присела, вытянув одну ногу и на другую опершись. – Да только... что за ерунда получается. Все туда ходят. Ну... почти все. Судья вон наш тоже частенько заглядывает. Сама видела.

– В борделе? – уточнил Чарльз со слабой надеждой получить отрицательный ответ.

– Ага. Мы с девочками чай пили аккурат. Закрывто было. Он только когда закрыто и ходит. Чтоб, значит, не увидел никто. И пастор тоже.

Чарльз только и кивнул.

И корешок, который, оказывается, так в руке и сжимал, в рот сунул. Пожевал, уже не удивившись едкой горечи, от которой свело и язык, и губы.

– Бетти их с черного ходу встречает. А на кой? Все ж знают, – Милли пожала плечами. – И вот почему ходить в бордель можно, а говорить о нем нельзя?

– Потому что... – Чарльз, признаться, не нашелся с ответом. – Так... не принято. Молодая девушка и знать о подобных вещах не должна!

– А если знает?

– Тогда о знании своем помалкивать следует.

– Врать что ли?

– Не совсем, – Чарльз почувствовал, что вспотел, и не от жары, а от этой вот беседы. – Это не ложь! Это хорошее воспитание.

– Вот... и матушка так. Что, мол, есть хорошее воспитание. А чем оно хорошее, когда врать учит?

Чарльз выдохнул.

Похоже, педагога из него не получилось. Во всяком случае такого, который способен был бы донести до юной девицы очевидные вещи.

Или не совсем очевидные?

Главное... главное, что матушка точно не обрадуется такой невестке. Да...

– И все-таки, – усилием воли Чарльз заставил себя вернуться к теме, которая его волновала куда больше. – Что это за место, город Мастеров?

– Ну... – Милисента потянула себя за прядку, на которую уставилась так, будто впервые видела. – Я только если по слухам. Лучше у Эдди спросить, если кто бывал там, то он.

– Бывал, – Эдди подошел, ступая мягко. – Пару раз. Не самое хорошее место.

И вздохнул.

А потом добавил:

– Глядеть придется в оба. И за тобой, и за Милли.

– За собой я как-нибудь пригляжу, – стало даже обидно. Он, Чарльз, маг и не из числа слабых. Граф, хотя, кажется, здесь это ничего не значит. Советник, что значит еще меньше.

Он служил Императору!

И воевать приходилось. А с ним, будто с ребенком малым.

– Приглядишь, – сказал Эдди ласково. Как больному, с которым спорить себе дороже. – Конечно, приглядишь... а что до города, то... тут такое дело.

Глава 27

Об обстоятельствах почти непреодолимой силы

Я грелась на солнышке и старалась не заснуть. Неудобно засыпать, когда вроде как беседуешь. Я знаю. Мама говорила.

И о борделях тоже.

Не в том смысле, что они есть. Это же ж совсем безголовою надо быть, чтоб не заметить очевидного. А о том, что говорить о них в обществе не принято.

Ходить туда вовсе не след. Еще ведь подумают чего. Будто про меня и так мало думают. Ну и говорят. Сплетни, они же ж такие, что мухи над дерьмом, одна пойдет, потом долгехонько роится станут. И все-то я понимала, да только выражение лица у Чарли было таким... таким... словами и не передать.

Обиженным.

И само это лицо, обгоревшее, облезлое и с шишкой, что стала наливаться характерным лиловым колером, тоже впечатляло.

Сразу видно: обживается человек. Еще немного и совсем своим станет.

– В общем, там... когда-то давно был заключен договор, – Эдди поглядел на меня строго и с упреком: мол, не доводи несчастного, ему и так тяжко. А я чего? Сижую. Травинку погрызаю. – Земли к востоку от реки Шошона отошли людям, а остальное было объявлено совокупной собственностью племен.

Чарли кивнул.

Надо же, и не удивляется, что Эдди словеса такие знает-то. Оно и правильно. Эдди у нас в законах не хуже судьи разбирается, чем последнего несказанно злит.

– Договор был скреплен силой и кровью, отчасти это и определило нынешнее положение вещей, – Эдди скрестил ноги. – Если бы не он, думаю, война продолжилась бы.

– Она и продолжится, – это уже произнесла сиу.

Не Звнящий поток, другая.

Великой матерью называть мне её не хотелось, у меня матушка одна и другой не надобно. Будет просто сиу.

– Людям снова стало тесно в их мире. Люди ищут новых земель. И думают, что здесь их много. А племен мало, – сиу опустилась на пятки.

Я тоже попробовала так сесть, но ноги через минуту заныли.

– Мы не о том. Мы о городе. Так уж вышло, что там, по ту сторону границы, есть Император и закон, который един, – Эдди на сиу не глядел, и на меня тоже, но только на свои руки. – С другой стороны – земли и племена, которые на них обретаются. И закон у каждого свой. Отчасти поэтому сложилось впечатление, что здесь, по другую сторону реки, можно делать, что захочешь.

– Нет власти Императора, – кивнул Чарли.

Понятливый.

И смешной. Забылся и снова стал кожу с шеи сколупывать.

– Именно. И все, что нельзя на востоке, можно на западе, если, конечно, сумеешь выжить. Получается не у всех. Но лет сто тому нашлись отчаянные парни, которые и основали Город Мастеров.

– И им позволили?

– Ну... вроде как кто-то из них сумел договориться с Черноногими, и те уступили землю в долг. Не задаром, само собою. После договор скрепили и другие племена. Сперва-то город строили мастера. Механикусы. Те, кто полагал, что магия не должна быть уделом избранных. И что прогресс нельзя останавливать.

Чую, мне там понравится.

– Погоди... – Чарли нахмурился. – Ты говоришь не о детях Родда?

– Какого Родда? – поинтересовалась я.

– О них самых, – кивнул Эдди.

– Эдвард Родд был магом, правда, не из числа сильных, скорее наоборот. Он и создал концепцию, согласно которой сила ограничивает технический прогресс. Он выступал за создание машин, которыми могли бы управлять простые люди. А от магов требовалось бы лишь заряжать камни, питающие эти машины. Он и изобрел накопитель Родда. Его сейчас много где используют, – Чарльз поерзал. – В принципе, у него были здравые идеи. Интересные.

– Но неудобные, – высказался Эдди. – Кто из магов захочет из вершителей судеб да в зарядчики?

– И сам Родд был личностью весьма эксцентричной. Вместо того, чтобы развивать выбранное направление, а тут он был талантлив, это признают даже те, кто категорически не поддерживает его идеи, так вот, он собрал группу людей, столь же слабо одаренных, которых начал учить. С тем, чтобы они в свою очередь учили других. А другие – прочих. Но не всех, а лишь избранных. Может, поначалу было и иначе, но очень скоро границы смылись. И ученики Родда, которые стали называть себя детьми Родда, превратились в крайне одиозную группировку. Они требовали мест в Совете, а заодно настаивали на введении ряда запретов на использование магии. Ну и многое иное.

– И чем закончилось?

Очень подозреваю, что ничем хорошим.

– Эдварда Родда нашли мертвым в его собственном доме. Лаборатория и школа сгорели, по официальной версии взорвались алхимические жидкости. Какие? Не известно.

– А сам он?

– Убийство. На почве ревности. Он увел жену у своего ученика.

Надо же, какие страсти! Не все, выходит, у них нам, на Востоке, так уж и печально.

– Тот признался, но затем повесился в камере. В ближайший год по разным причинам погибло еще четверо из числа тех, кто желал продолжить дело, – Чарльз посмотрел на лоскут кожи. – Когда это прекратится?

– Как кожа задубеет, – задумчиво произнес Эдди. – Выходит, прочие, у кого мозги в черепушке остались, поняли, откуда ветер дует. Ну и решили попробовать счастья на Вольных землях.

– Именно. Признаться, у нас эта тема... не из числа обсуждаемых.

– Вы там, – не выдержала я, – небось вообще только про погоду и говорите.

– И еще про театр, – Чарльз улыбнулся. – Можно про литературу, но не всякую.

Ага. Буду знать.

Интересно, а если в литературе бордели описываются, это можно или уже нет? И вообще, есть ли книжки, в которых бордели описываются?

Я даже задумалась.

– Сейчас город довольно велик. Там многим нашлось место. И мастерам, и алхимикам... тем, у которых всякие зелья купить можно.

Эдди поглядел на сиу.

Та пожала плечами: мол, ей-то что за дело? Это уж каждый сам решает, какое зелье покупать.

– Кое-что идет на Восток.

– И ты...

– У меня семья. Содержать надо. Но с «пыльцой» я не связывался. Дрянная штука. Кто бы ни тронул, долго не живет.

– А это... – влезла я. Надо же, сколько всего узнать можно, тихо сидючи.

– Это пыльца одного растения, – Чарльз запнулся. – Запрещенного. На Востоке его уничтожили полностью, но не здесь. Она вызывает видения. Яркие. Увлекательные. И потенциал мага поднимает. Силу. Работоспособность. Правда, при этом возникает сильнейшая зависимость.

– Если бы только она. Пыльца выплавляет мозги. Поверь, Милли, эту дрянь и близко в руки брать не стоит.

– Тем более, что за торговлю ею положена смертная казнь, – строго добавил Чарли.

И оба на меня уставились так, что прямо неудобно сделалось. Можно подумать, я собиралась торговать. Или жрать. Меня, между прочим, матушка с детства учила, что только глупые люди жрут всякую пакость. Ну, не так, конечно, другими словами, да смысл-то один.

– Значит, и пыльца...

– И пыльца, и рабы, и многое... в общем, в чем только нужна человеку выпадет. Говорят, там даже сердце дракона купить можно. Или продать по хорошей цене.

– А... вещи? – я поерзала. – Из Мертвого города?

Эдди кивнул и добавил:

– Там и охотники обретаются. Те, которые более везучие.

– А менее?

– Те не обретаются. Просто уходят и все.

Уточнять, куда они уходят и что с ними случается, никто не стал. И без того понятно.

– Хорошо, – Чарли опять поскребся. – То есть... вот мы туда прибудем. И что?

– Остановимся в гостинице.

– А там есть?

– Там много чего есть. Если деньги имеются, – Эдди поглядел на графчика, а тот кивнул, мол, имеются. Только уточнил: – А чеки примут?

– Отделение подгорного банка там тоже наличествует, – хмыкнул Эдди. – Так что примут. Да и... не пустые же ж.

Точно.

У меня вон, в карманах перстеньки позвякивают, да и в седельной сумке запасец есть, даже если позабыть о той самой странной коробочке, которую я так и не открыла. Ножом пробовала, но едва не сломала. Походу, тут покрепче нож надобен. Или топором попробовать?

– Все светить не будем. Сразу в банк и отнесем. Подгорники, конечно, сквалыги еще те, но дела ведут крепко, – Эдди ненадолго задумался. – Если чего, можно будет под поручительство взять. Коль ты и вправду граф...

– Я граф!

– Вот, тогда кредит возьмешь.

– Зачем?

– На выкуп. Или передумал сестрицу вытаскивать?

Чарли заскрипел зубами, а Эдди продолжил.

– Там, может, и нет императорского закона, да собственный имеется. Твоя сестрица вышла замуж, а стало быть, мужу своему принадлежит. И если ты просто потребуешь вернуть, то в лучшем случае тебя просто обложат матерно.

– А в худшем?

– В худшем выдвинут обвинение. А там суд. Мастера... как бы тебе сказать, не особо любят тех, кто нарушает порядок в их городе. Если штрафом отделаешься, то удача.

– Он не отдаст Августу, – Чарли покачал головой. – Если они и вправду нацелились на наследство, то он не отдаст Августу. Ни за какие деньги. Разве что... отказ подписать в пользу её и детей. Но тогда...

– Тогда тебе просто шею свернут, – Эдди всегда отличался душевной чуткостью и пониманием. – Я бы свернул. Так оно надежнее. А то сегодня отказ, завтра отказ от отказа.

В его словах имелся резон.

– Тогда получается...

– Тебя светить не будем, – Эдди задумался ненадолго. – Поедем... от как от меня. Меня там знают. И я кое-кого знаю. Этот Уильям, он там тоже чужак, из пришлых. Стало быть, никто не опечалится, коль с ним вдруг произойдет какое несчастье.

Ну почему сразу никто.

Звонящий поток опечалится. Я точно знаю. Во всяком случае если несчастье будет не совсем глубоко несчастным.

– Но самим нам лучше держаться в стороне, чтоб не попасть под обвинение. Нет, найдем кого...

– Кого?

– Мало ли там людей, которые хотели бы заработать?

Думаю, немало.

– Главное, было бы чем заплатить этим людям.

– Будет, – решительно сказал Чарли.

– Вот и отлично.

Честно говоря Чарльз ожидал чего-то... иного? Скажем, того же города. Ну, пусть не Мертвого, ибо об одном воспоминании о Мертвом во рту пересыхало, а сердце начинало предательски сбоить.

Но города.

Чтобы дома. Домишки. Дороги опять же. Если в этот город приезжают люди, то как-то они добираются ведь? Стало быть, нужны дороги, пусть даже не мощенные камнем, но накатанные. А тут...

Уставшие лошади брели по серым травам. Те, становясь ниже, реже, выгорали до белизны, и под ними проглядывала темная выжженная земля.

Пылило.

Пыль забивалась в рот и нос. И глаза слезились. Чарльз пытался вытирать их, но становилось только хуже. Появился раздражающий зуд. А прерии... прерии не заканчивались.

И потому, когда сиу остановились, Чарльз выдохнул с немалым облегчением. Дальше... он мог бы и дальше ехать. Наверное.

Милли сползла с лошади и потянулась.

Эдди огляделся. А чего глядеть? Куда ни посмотри, пейзаж один – земля, трава и тоска.

– Ждите, – велела старшая сиу.

– Чего?

Ответом Чарльза не удостоили. Сиу коротко свистнула и, ударив по конским бокам пятками, куда-то унеслась. А две других остались.

– Милли? – Эдди протянул флягу.

– Спасибо. У меня еще есть.

А вот у Чарльза вода закончилась. Он честно пытался беречь, но все одно время от времени, когда начинало казаться, что губы треснут от жажды, и сам он тоже вот-вот рассыплется, он делал глоток.

Махонький.

И получилось, что всю-то выпил.

– Будешь? – Эдди сунул флягу.

– Потерплю.

– Не дури, – покачал Эдди головой. – Ты не гляди на нас. Я ведь орочьей крови, а они могут седмицу без воды.

– А... она?

– Милли? Тоже сравнил. Она же ж с малых лет тут обретается. Привыкла.

Чарльз все-таки сделал глоток, с трудом заставив себя ограничиться одним. Хотелось выпить все, до капли. А еще было безумно стыдно за свою неприспособленность. И ведь он действительно рассчитывал, что справится. Когда ехал.

– Что... дальше, – Чарльз вернул флягу и потер глаза.

– Не чеши, хуже будет. Сейчас... думаю, провожатая вернется.

– Вернется, – бросила в сторону сиу, которая держалась поодаль, но не скрываясь, наблюдала за людьми.

– Конечно, вернется. Хотела бы убить, уже бы, – Эдди потер шею. – Тут... такое дело. Понимаешь, в городе Мастеров вроде как чужакам не особо рады. И потому просто так туда не попасть.

Чарльз ждал продолжения.

– Хотя если чужак с деньгами, то примут, конечно, но... все одно. Нехорошее место.

– Более нехорошее, чем...

– Может, и так. Мертвый город, он сам собою мертвый. А там – куча живых поганцев.

– Ага, – только и ответил Чарльз.

– Ты маг, это хорошо... лучше, чтоб все видели, что маг.

– А...

– А для неё лучше б, чтоб не видели. Женщин там маловато, потому... Милли, чтоб ни на шаг, ясно!

– Ясно, – отозвалась Милисента, правда, без особого энтузиазма.

– Так вот... – Эдди замялся, явно не зная, как сказать. И кажется, смутился. И что-то это все совершенно перестало нравиться Чарльзу.

– Говори уже.

– Лучше всего, если она будет не сама по себе, а... скажем... ну... твоею...

– Любовницей?

– Нос сломать? – осведомился Эдди почти вежливо. И уточнил. – Невестой.

Чарльз даже не нашелся с ответом.

Невестой?

Вот эта девица, которая понятия не имеет о том, что есть хорошее воспитание, и его, Чарльза, невестой?

– Временно, – Эдди кулак не убрал. – Там... женщин и вправду мало. И потому, если свободная вдруг появится, то... будут проблемы.

– А чего сразу не женой? – получилось донельзя едко.

– Обойдешься, – сказал Эдди и пальцами пошевелил. – Какая из неё графиня... нет, женитьба – это серьезно. А невеста... сегодня есть, завтра нету. Но если кто умыкнуть пожелает, тогда ты в своем праве будешь.

– В каком?

Местные порядки начали утомлять.

– Шею там свернуть. Ну или еще чего.

Эдди замолчал.

Милисента тоже молчала, глядя куда-то поверх головы Чарльза. Он обернулся, но ничего-то за спиной не увидел. Та же прерия, правда укутанная лиловыми сумерками. Солнце еще не село, но уже почти, и от земли еще тянуло дневным жаром, а вот шея ощущала грядущий холод.

– Я... – Чарльз облизал губы. – Согласен. И...

Наверное, он все-таки перегрелся на солнце.

Или вчера мозги отшибло.

Так и есть, сперва отшибло, потом пожарило, высушило и припорошило вездесущей местной пылью. Оттого в этих мозгах мысль о новообретенной невесте взяла да прижилась.

Чарльз сделал пару шагов, чтобы опуститься на колени.

– Леди Милисента, – сказал он, протянув руку. – Не соблаговолите ли вы оказать мне честь и стать моей женой?

Милисента вздохнула и, глянув на сиу, ответила:

– А я говорила, что полегче надо. На востоке люди нежные... особенно на голову.

– Милли! – рявкнул Эдди.

– Да я так... – она посмотрела сверху вниз и серьезно. – Не бойся, графчик, я все одно за тебя не пойду. Ну, по-настоящему если.

– Почему? – стало донельзя обидно.

Он ведь, если подумать, завидный жених.

– Да... как-то неправильно оно, – Милли пожала плечами. И руку протянула. – Слишком мы с тобою разные.

Это прозвучало почти приговором.

Глава 28

В которой ведутся душевные беседы на сложные темы

Горел костер.

На сей раз нормальный, потому как рядом с хижинкой, которая умудрилась вырасти посреди прерии, обнаружилась поленница и почти полная.

Так что костер горел. Рыжие всполохи ложились на лица, и лица эти больше не гляделись масками.

Устали.

Я вот зверски устала. И потому молчу. Сажу, кручу колечко на пальце... надо же, у него и колечко нашлось. Я бы взяла и из тех, которые прибрала от древнего зла, потому как от зла тоже польза в хозяйстве быть должна. Но Чарли воспротивился.

Мол, не дело это, чтобы графская невеста и всякое там носило.

Кольцо снял. С мизинчика. Мне от аккурат в пору пришлось. Глаза у Эдди так и блеснули, и я тайком ему кулак показала. Говоря по правде, до сих пор сомневаюсь, что вся эта затея – не его придумка. Может, не так все плохо, как он рассказывает.

Я бы может и спросила. Но... устала.

Еще там, в догорающей закатным огнем прерии устала. И молча приняла кольцо, так же молча надев на палец Чарли одно из тех, древних, в которых не чуяла зла, да и вовсе силы.

А потом появилась сиу, будто только и ждала, когда мы кольцами обменяемся.

Глянула на нас.

Рукой махнула и сказала:

– Едем. До убежища недалеко.

Оно и вправду недалеко. И странно даже, как не увидели мы эту хижину, что встала посеред прерии. Темные стены, укрепленные камнями, черная крыша. Те же травы. Навес для дров и колодец, сложенный из камней. Вода в колодце была темной и пахла тиной, но

лошади пили её жадно, люди тоже не брезговали. Я вот пила, пока не решила, что еще глоток и лопну.

Чарли...

Жених.

Надо же, у меня и жених. Что бы матушка сказала? Известно, что... что мы с Эдди вовсе страх потеряли, над живым человеком изгаляться. И велела бы кольцо вернуть.

Может, и правильно?

Я покосилась на Чарльза и неожиданно встретила взглядом. Хотела было отвернуться, но тогда бы получилось, что я ему или глазки строю, или вовсе тайком подглядываю. Вот и... сидим.

Пялимся друг на дружку.

Хороший он.

И сестру любит. Небось, кроме Эдди я не знаю таких, которые бы за своей сестрой да на край света поперлись. И оттого ноет сердце, дергается. Хочется сказать, что все-то у него получится.

Обязательно.

Эдди поможет.

И... и доберемся мы до того города. А потом и домой. И там уже я верну перстень. Попрощаюсь. Пожелаю чего-нибудь эдакого, вежливого...

– Я чувствую, что пылью пропитался до костей, – тихо произнес Чарли, подсаживаясь чуть ближе. Не настолько, чтобы вывести Эдди из задумчивости, хотя... видит он все распрекрасно.

И верно думает, что от невесты до жены путь недолгий.

Да только... он ведь граф.

А я?

Проклятая кровь давно сгинувшей цивилизации? Охотница за головами? Магиня-недоучка... и вообще... я себя в зеркале видела. Какая из меня графиня?

– Это пройдет. Оно так всегда, – наверное, следовало поговорить о чем-то ином.

Рассказать, к примеру, о том, что вчера узнала. Это ведь важно. Очень важно. А я про пыль.

– Я, когда возвращаюсь, то пару часов в ванной лежу. Мамаша Мо ругается. А потом приходит и помогает от пыли отскоблиться.

И опять что-то не то ляпнула. Небось, на Востоке девицы не запыливаются до такой степени, что им посторонняя помощь нужна.

Они, если и выходят из дому, то в парк. А в парке какая пыль? Еще знаю, что там зонтики носят. Не в парке, на востоке. От солнца. А мне уже, наверное, поздно. Шкура у меня потемнела и задубела, никакой зонтик не поможет.

– А это вообще реально? – поинтересовался Чарли. – Мне кажется, что я с ней настолько сроднился, что вовек теперь не избавлюсь. И опять обгорел.

– Это есть.

– Матушка моя пришла бы в ужас.

– Моя тоже, – стало приятно, что есть у нас с ним что-то общее.

– Как она вообще тебя отпускает? – он подвинулся еще ближе. Оно, конечно, удобнее, чем орать через костер, да только стало вдруг... жарко?

Или неуютно?

Или наоборот? Если... если он жених, то это вполне прилично, рядом сидеть?

– Не знаю, – я покосилась на графа. И вправду запыленный. И облезлый. И смешной вместе с тем, но глядит так, серьезно. – Наверное, я всегда была такой. Дикой. Мамаша Мо говорит, что драть меня надо было. А мама всегда жалела. Она хорошая.

– Всецело с этим согласен.

– Ей бы нормальную дочку, такую, которую нарядить можно. А я... сколько себя помню, мне вне дома было легче, чем в нем. Она пыталась. Честно. Платья шила. Прически делала. Только... ты же видишь, что не делай, а все одно... бесполезно.

– Почему?

– Издеваешься?

Не похоже. И взгляд такой... такой... нет уж, хотелось бы верить, да правду я знаю. Я не наивная дурочка, которая только и живет, что надеждою на любовь.

Где я и где любовь?

То-то и оно.

– Ты очень необычная девушка, Милисента, – Чарли протянул руки к огню. – Признаюсь... ты пугаешь. Не в том смысле, что ты ужасна. Но я привык к другим.

Охотно верю.

И впервые, пожалуй, мне захотелось стать этой другой! Чтобы как в журнале, чтобы... кожа белая и волосы ровные, куделечками уложенные. Чтобы бантик и шляпка, и платье в полосочку. Или вот в цветочки.

Перчаточки.

Зонтик.

Раньше там, в сарае, на танцах, я представляла себе, как однажды они все увидят, что Милисента Годдард тоже красивая! Но теперь... теперь мне страстно мучительно захотелось стать красивой.

Как они.

– Я привык, что женщины милы и беспомощны. Что о них нужно заботиться. Оберегать. Защищать.

Ага, а у меня револьвер есть. И даже два.

Я сама защититься могу. И он об этом знает.

– Что они подобны оранжерейным цветам...

– А я – репейник?

Получилось как-то... зло, что ли?

– Нет, скорее уж... знаешь, они бы просто не выжили здесь, – ему явно стало неловко. И мне тоже, потому как могла бы и промолчать. В конце концов, Чарли не виноват, что я такая, какая есть.

И никто не виноват.

И... не поеду я на Восток.

Во всяком случае, мужа искать, потому что ничего хорошего из этого не выйдет. Останусь... до двадцати одного не так и долго. А там заберу деньжата, завещанные Великим змеем и... я всегда хотела поглядеть на море.

– Ты видел море? – спросила я, прежде чем он сказал бы что-то, что напрочь бы все испортило.

Например, что я тоже красивая.

По-своему.

Мне это уже говорили, и я четко научилась понимать, что в этом вот «по-своему» ничего хорошего нет. Что оно вроде как извинение, мол, мы знаем правду, но говорить её не вежливо.

– Видел, – сказал Чарльз, выдохнув с облегчением.

Может, конечно, он и не собирался.

Может, графья врут лучше обычных людей, и я бы даже не почуяла неладного. Может... но лучше уже о море.

Поеду.

Поселюсь на берегу. Буду выходить по утрам и любоваться. А в обедать стану на веранде, чтобы море видеть. И завтракать. И ужинать тоже.

Матушке море понравится.

Нет, она, конечно, станет говорить про мужа и детей, про то, что в них счастье... может и так. А если нет? Если вдруг муж... найти-то его найду. Я ведь одаренная, а это... только как он будет ко мне относиться? То-то и оно.

Что-то не те нынче мысли.

И вообще запуталось.

— Какое оно?

— Разное, — чуть подумав, сказал Чарльз. — У нас дом на побережье. Августа в детстве болела, и ей порекомендовали морской воздух. Чтобы окрепла. Вот и прикупили по случаю.

Я тихо вздохнула.

Я росла на диво здоровым ребенком. Если верить матушке, то и бегала-то босиком до самой зимы. И зимой бегала. А если и случалось простывать, то мамаша Мо живо изгоняла бесов болезни горячим молоком, в котором распускала медвежий жир и мед.

То еще поило.

Вспомню — вздрогну, не диво, что болеть опасалась. Небось, если бы ту самую Августу тоже так лечили, то и дом покупать не пришлось бы.

— Потом просто приезжали на лето. Я любил это место. Там тихо. Спокойно. И море... море иногда синее-синее. Яркое. А иногда серое. Или сизое. Зеленым еще бывает. Так сразу и не скажешь, сколько в нем цветов. Августа рисовала акварели...

В сердце кольнула ревность. К акварелям. К этой вот Августе, которая могла просто выйти из дома и их рисовать. А я... я рисовала веткой на песке, может, тоже неплохо получалось бы. Или кому я вру. У меня руки не под акварели растут.

Вот пристрелить кого — это да.

Акварели же...

– Потом как-то получилось так, что ездить стало некогда. Мама с Августой еще навевались, но тоже... она ведь подросла. И нужно было в свет выводить. Значит, далеко и надолго не уедешь.

Мне бы их проблемы.

– Я бы хотел показать тебе этот дом, – сказал вдруг Чарльз. – И был бы рад, если бы ты с Эдди наведались. И твоя матушка. Моя, думаю, была бы рада таким гостям.

Это он зря так. Неосмотрительно. Он к нам уже привык. А вот матушка его – леди. Да и... моей будет неудобно, потому как, может, в зубах мы с Эдди за столом и не ковыряемся, но все равно не образцы для подражания.

Я тихо вздохнула.

И повисла пауза. Неудобная такая. Было слышно, как потрескивают дрова в костре, как похрапывают, переступая с ноги на ногу кони, и даже как где-то там, в траве, что-то то ли шелестит, то ли вздыхает.

– Я, наверное, опять глупость спрошу, но... где мы вообще находимся? – Чарли надоело первому. И правильно, если долго молчать, этак и треснуть можно с натуги.

– По ту сторону гор, – сказала я очевидную вещь.

– Это я понял, но тебе это все не кажется странным?

– Что именно?

Слишком много тут всего странного, чтобы вот так взять и выделить что-то одно.

– Место это, – терпеливо объяснил Чарли. – Смотри, тут ведь, если не ошибусь, никого нет? Тогда для чего хижина эта? Кто её поставил? Кто за ней приглядывает? Дрова вот, колодец... они с защитой. Дрова не вымокнут, а к колодцу вывели водяную жилу и закрепили. И думаю, что время от времени заклятье восстанавливают.

– Верно, – прогудел Эдди, выходя из полудремы. – Это станция.

– Станция?!

– Я ж говорил, в город Мастеров так просто не попасть, – братец пожал плечами. – Здесь я не бывал, обычно сажусь по ту сторону... у них свои пути, но похоже. Я ведь не ошибся?

– Нет, – отозвалась сиу.

– И когда поезд?

– Поезд?! – мы с Чарли переглянулись.

Нет, братцу я верю. Он шутить не станет, но... откуда здесь поезд? Прерия кругом. Трава. И ни следа железной дороги. Уж её-то я бы не пропустила.

– Увидите, – усмехнулся Эдди. – Это ж город Мастеров. Вот мастера... и мастерят.

Ночь прошла.

Почему-то Чарльз долго не мог заснуть. В голову лезло всякое, ненужное.

И кольцо на пальце мешало.

Как он вообще... Эдди с тем же успехом мог представить сестру собственной невестой. Хотя... нет, не стоило соглашаться. Теперь Чарльз чувствует себя подлецом.

Он еще ничего не сделал, но все равно чувствует.

Превентивно.

И за тот разговор тошно, будто... он ведь не лгал. Никогда никому не лгал, чем несказанно гордился. А получилось, что правда его тоже не особо нужна-то.

Когда лежать стало невыносимо, Чарльз сел.

Холодно.

Странное дело. Днем прерии нагреваются так, что дышать-то нечем, кажется, вот-вот и полыхнешь жаром. А ночью вот холод такой, что зуб на зуб не попадает.

Эдди сидел у костра, куда добросил поленце.

– Спит?

– Милли? Да, спит. А эти не знаю. Наверное. Но не факт, – Эдди подвинулся. – Садись.

Отказываться Чарльз не стал.

– Я и вправду буду рад вас видеть. Там, на Востоке. На побережье. Море красивое. И лодка есть. Можно выходить. А если нанять кого из рыбаков, то можно и на рыбалку.

Эдди хмыкнул. А затем спросил тихо:

– Ничего не выйдет, верно?

– В смысле? – сердце похолодело.

– Ну, с Милли... она там не приживется. Я дурак был, что полез, – он покачал тяжелой головой. И теперь в полутьме человеческого в

чертах его лица было, пожалуй, больше, чем когда либо. – Она там будет, как я тут.

– Не обязательно... – врать было непривычно.

Более того ложь эта застряла поперек горла, и Чарльз поморщился.

– Вежливый? – уточнил Эдди.

– Стараюсь, но... понимаешь, с одной стороны найти мужа твоей сестре будет не так и сложно. Дар у неё яркий. Признаться, я никогда-то прежде не встречал настолько активный развитый дар у женщины. И детям он передастся.

Чарльз потрогал карман, в котором скрывался футляр с камнем. По-хорошему следовало бы вернуться. Просмотреть записи Сассекса. Оценить.

Хотя... если там действительно метод, который...

...магов в поселении хватало, пожалуй, было их больше, чем где бы то ни было. Следовательно, метод работает. Да и врать Змею нужды не было. Следовательно, в камне сокрыта информация, способная раз и навсегда изменить мир. И от осознания этого становится не по себе.

Чарльз должен вернуться.

На Восток.

В цивилизацию. Добиться аудиенции. Передать записи. И уже потом искать Августу, тем паче, что ей и вправду вряд ли что-то угрожает. Во всяком случае, пока Чарльз жив.

Долг...

...может статься, что он погибнет. И как тогда? С камнем? С этим вот знанием?

С Августой.

– Счастлива она не будет, – Эдди поворочал остывающие угли. – Муж, конечно, если он не совсем без мозгов попадется, но без мозгов нам не нужно, постарается вести себя прилично. Но все одно... когда отец забрал меня из племени, я думал, что быстро докажу им, кто главный.

– Людям?

– Да. Они ведь слабее орков. А я, пусть для племени и не был сильным, но среди людей и тогда выделялся. Я и умел многое. И ждал, что ко мне отнесутся с уважением.

– Не отнеслись?

– Нет. В первую же неделю подкараулили и закидали дерьмом. Издали. Знаешь, было обидно. Они смеялись, швыряли, а я... я пытался увернуться и кричал, что вызываю на бой.

– Дураков не нашлось?

– Точно. А когда я прошел по следу и... поговорил с одним из тех мальчишек, его родители пришли к отцу. Жаловаться. И не только одни. Потом пришел пастор. Судья. И все-то, кто был в городе и считался приличным обществом.

– Сочувствую.

– Кричали, что я дикарь. Что опасен. Что держать меня надо на цепи. Отец, к слову, послал их... в общем, не вышло разговора. Потом уже матушка водила меня в школу. И Милли тоже. Но ничего хорошего не получилось. Там... я вдруг терялся. Понимаешь, я мог прочитать следы даже на камнях. Умел говорить с духами. Видел сокровище. Я охотился и жил в лесу сам, неделями, а в школе терялся. Все это казалось таким... таким неправильным. Меня пытались учить, говорили, а я не мог ответить. И застывал. И... даже розги не спасали. А розги наставник использовал частенько.

Чарльз вздохнул.

Похоже, в местных школах порядки мало отличались от тех, что были приняты в том весьма известном учебном заведении, в котором случилось учиться ему.

– Меня называли тупицей. Идиотом. Смеялись. И пакостили. Исподволь. Мелко. От этого становилось только хуже. Отец злился. И тоже кричал, что я его позорю. Что боги его проклинали. Может, конечно, был и прав, хотя не нами.

Эдди поймал на ладонь рыжую искру, которая почему-то не погасла, но заплескала, задрожала, разворачивая рыжие крылья.

– Я решил сбежать. Решил, что дорога не такая и дальняя. Через горы, а потом севернее, к лесам. Я знал, где обитает племя. И они бы приняли меня. Я так надеялся.

– Не получилось?

– Милли поняла. Сказала, что не я дурак, а они. А я буду дураком, если поверю им. И вообще в школе делать нечего, там одни уроды. Над ней тоже смеялись, но она уже умела постоять за себя. И за меня тоже.

– Вы... не очень похожи на брата и сестру.

– Знаю. Мне просто повезло.

Эдди подул и бабочка поднялась, заплесала над костром.

– Иногда я вижу себя, того. И мне опять страшно. Я могу ударом кулака бизона уложить, а мне опять страшно. Понимаешь? И я не хочу для Милли такой жизни. Там... да, мужа ты найдешь. Это не так и сложно, если подумать. Но сумеешь ли ты сделать так, чтобы этот мужчина полюбил мою сестру?

Эдди поднялся.

Хорошо. Отвечать не понадобилось.

Глава 29

О том, что в учении порой тяжело

Третий день пошел.

А мы все сидим. Ну, то есть не просто сидим, а иногда лежим и даже ходим, правда, особо-то ходить некуда. Прерии кругом. Сухая земля. Трава, что торчит редкими космами, и падалыщики где-то там, в вышине. Кружатся, орут, намекая, что больно живые мы для этих вот мест и что менее живыми были бы симпатичнее. Дело не в них.

Ожидание выматывало.

И не только меня.

– Милисента, сосредоточьтесь, пожалуйста, – занудным голосом произнес граф и нахмурился. А я подумала, что левая сторона лица у него облезла чуть больше правой. И не сосредоточилась. Волна силы, сорвавшись с ладоней, полетела, оставив на сухой траве черный след.

– Извини, – сказала я и руки за спину спрятала.

Чарли нахмурился больше прежнего. И губы поджал.

За три дня он непостижимым образом сумел, если вовсе не отмыться, то всяко как-то оттереть вьевшуюся в шкуру пыль. Выгоревшие его волосы сделались светлы и топорщились в разные стороны, словно пух одуванчика. Это тоже, между прочим, сосредоточиться мешало.

Я вздохнула и повернулась спиной.

Да, я все понимаю.

Силу нужно контролировать. А еще чувствовать. И не давить. Не понимаю только, как одно с другим и третьим сочетается. Но как-то же ж сочетается.

Вон, Чарли может хоть искру выпустить, хоть сноп огненный. А я... я, видать, необучаемая.

Дикая.

Сила отозвалась легко, потекла к пальцам, которые закололо.

– Не спеши, ты все правильно делаешь, – сказал Чарли, почти не отвлекая. Вот честно, я даже глаз открывать не стала.

А этот паразит подошел со спины.

– Вдыхай и выдыхай. Почувствуй, как сила течет... спокойно, она часть тебя.

Чувствую только, что стоит он слишком уж близко, и это заставляет думать совсем не о силе. Но та и вправду ведет себя прилично, смирнехонько.

– Создай шар...

И еще ближе.

Шар вспух на ладони, я приоткрыла глаз, убеждаясь, что не примерещилась он мне. Вон, лежит, желтенький такой, то ли солнце, то ли цыпленок.

Красивый.

И силы в нем капля. А если добавить? Стоило подумать, и сила потекла стремительным потоком, будто того и ждала.

Э, нет! Я так не хочу! Я... я себя контролирую! Контролирую, я сказала! И вообще я из древнего народа, меня слушаться надо!

Шар задрожал, расширяясь, и я подумала, что сейчас он рванет. Вот я буду душой выглядеть! Опять! И от мысли этой стало до того тошно, что я этот шар и скатала.

Взяла двумя руками и скатала.

Моя сила, что хочу, то и делаю. Он взял и скатался, наверное, испугавшись, правда, цвет переменялся, сперва желтизна выцвела, а потом в ярком белом появились будто синие искорки. Тоже ничего.

Симпатично.

– Милли... – графчик отступил. И голос его сделался таким... таким... нехорошим, в общем.

Сила продолжала течь, правда, теперь свиваясь ниткой. А что, удобнее же. Матушка так пряду в клубки мотает. А я силу. С силой, чай, проще, она не запутывается.

Только синего больше становится.

– Милли... пожалуйста, прервись ненадолго? – голос Чарли вовсе дрогнул.

– Да? – я ниточку и перехватила. А потом подумала, что этак она и распуститься может. Матушка всегда в клубках закрепляла. Ну и я закреплю, стало быть.

Мысленно.

Бантиком. Бантик получился аккуратный, ровненький.

Шарик в моих руках был небольшим, пожалуй, меньше, чем изначально, размером с гусиное яйцо. И беленьким с голубой искрой, которая внутри, стало быть, скакала бешеным зайцем.

– Милисента... пожалуйста, осторожно, очень осторожно... – Чарли протянул руки. – Отдай это мне.

– Зачем?

– Затем, что крайне опасно создавать малые структуры высокой энергетической плотности.

Ничего не поняла.

Но ниточка силы держится крепко. Я еще узелок добавила. Ну, на всякий случай. И Чарльзу протянула.

– Они как правило нестабильны, – продолжил бубнеть графчик. И руки дрогнули, когда на них шарик упал. А снаружи он, к слову, не горячий даже. – И потому...

Он икнул.

И замолчал, уставившись на шарик. Ну и я поглядела. И Звнящий поток тоже. Она как-то все время держалась, словно и в стороне, а все поблизости.

– Ты его стабилизировала? – словно не способный поверить в этакое чудо, поинтересовался Чарли.

– Не знаю, – я пожала плечами. – Я бантик завязала. Двойным узлом.

– Бантик?

И не надо на меня так глядеть! Я ж предупреждала, что не ученая.

– Красиво, – Звнящий поток протянула палец, но Чарли не позволил коснуться шарика.

– Не надо. Все-таки структура хрупкая и... – он сделал глубокий вдох. – Милисента. Сила – это серьезно. Очень серьезно. Твой дар велик. Я даже затрудняюсь оценить его, возможно, что ты куда сильнее меня.

Круто.

Наверное.

Или нет? Матушка говорила, что мужики страсть до чего не любят, когда кто-то в чем-то их лучше. Особенно, если баба. То есть, женщина. Матушка же говорила, что баба – это не вежливо.

И что теперь?

– Но ты совершенно не представляешь себе границ этой силы, – Чарльз вздохнул и потер переносицу. Второй рукой, ибо в первой все еще лежал, посверкивая, шар. – Что ж... пойдём.

И зашагал в степь.

Бодро так. Едва ли не вприпрыжку. Мы со Звонящим потоком переглянулись. И сиу постучала по лбу. Мол, все ли с ним ладно? Я покачала головой. Не знаю, но на одержимость не похоже. Так что камнями кидаться погодим.

– Милисента! – крик Чарльза разнесся по прерии, спугнувши падальщика, которому аккуратно вздумалось спуститься чутка ниже. Может, несчастная птица надеялась, что мы не настолько живые, как выглядим.

– Тут я, чего разорался, – проворчала я, прибавляя шаг.

Ушли мы недалеко. Впрочем, в прериях расстояния – дело такое... сомнительное. Главное, что отсюда наша хижина была едва заметна, да и еще немного, вовсе она сроднится с окрестными пустотами.

– Смотри, – Чарли подкинул мой шарик на ладони, а после взял и швырнул его куда-то туда, за горизонт. И главное, со всей дури, которой в нем изрядно нашлось. Шарик мелькнул синей искоркой.

И исчез.

– И чего? – мне стало обидно. Я тут пыжусь изо всех сил, а он раскидывается.

Свои бы сделал и швырялся.

Но додумать я не успела. Земля содрогнулась, а после раздался грохот, навряд ли того, который был, когда Дин Томпсон подорвал ящик динамита в скалах. Светлая ему память. Всегда был придурком и помер также.

Небо прорезали белые молнии, которые то ли били в землю, то ли из земли. И в лицо пахнуло горячим воздухом.

– Это... что? – поинтересовалась я осторожно, уже наперед догадываясь, чего услышу. – Мой шарик?

– Шарик, – подтвердил Чарли.

А Звонящий поток покачала головой.

– Красиво. Тебя быстро убивать надо будет.

От этих слов Чарли закашлялся. А может, не от них, но просто в горле запершило. И я похлопала его по спине, пообещав:

– Я больше не буду.

Правда, кажется, мне не слишком поверили.

К хижине возвращались вдвоем. Звенящий поток, которая была, вдруг взяла и сгинула. Сиу. Что с нее взять.

– Извини, – тихо сказала я, спрятавши руки в карманы.

– За что? – вздохнул Чарли.

– За то, что ученица из меня... я вправду стараюсь. Но не выходит.

И не выйдет. Может, я уже старая, чтобы учиться. Слышала, как пастор наш говорил, что дети учатся легче, а я ведь не дитё уже.

– Может, потому и не выходит, что я учитель никакой? – он потер лоб. – Думал, помогу. А вместо этого... а если бы оно у тебя в руках рвануло?

Ну... тогда Дин Томпсон перестал бы значиться самым большим придурком по эту сторону реки. Ага.

– Но не рвануло же?

Второй вздох был ответом. Оно и понятно. Сегодня не рвануло, а завтра – как знает?

– И что делать-то?

Не учиться вовсе? А если оно... вот пока силу я сдерживаю, но вдруг вырвется? И этими вот молниями. Или огнем? Я же ж... я ж дом спалить могу! И не только дом.

В груди заныло.

– Пока оставить, как есть. На Восток тебе ехать придется, – Чарли остановился и повернулся ко мне. – Не хмурься, Милисента. Дело не в нашем договоре... ты же знаешь о нем?

Я кивнула.

Чего ж не знать-то. Эдди от меня никогда и ничего не скрывал.

– Так вот, ни я, ни твой брат не собираемся принуждать тебя к чему-либо. Более того, искать тебе мужа, пока ты в нынешнем... гм, состоянии... неразумно.

Ну... да.

Наверное.

Не знаю. Я уже даже почти привыкла к этой мысли. Живут же люди и замужем.

– Мне не кажется, что ты согласишься носить блокирующие браслеты, тем более это не слишком-то полезно, – Чарльз посмотрел на хижину, которая виднелась вдали.

И она.

И колодец.

Лошади.

Сиу, забравшаяся на крышу. Сама эта крыша, выглядевшая слишком хрупкой, чтобы на нее забираться.

– А без них с твоей силой справится... сложно. Поэтому сперва тебе нужно будет выучиться.

– Ага, – я мысленно пнула себя. Приличные девицы не агакают. И не пялятся на мужиков вот так, прямо, разглядывая, будто в первый раз увидели. Даже если это – жених.

Пусть и невсамделишный.

От этой мысли я окончательно пришла в душевное расстройство. А оно со мною случалось до крайности редко.

– И чтобы не я учил, а нормальные наставники. Я напишу своему. Он не откажет поработать с тобой в частном порядке.

– Думаешь, получится?

– Думаю, что да. Ты ведь умная девушка.

Да? А по мне дура дурой. Но слышать приятно.

– Не напрашивайся на комплимент, – Чарли улыбнулся так насмешливо, что я только хмыкнула. Чего? Не напрашиваюсь нисколько. Стою. Молчу. Слушаю чужие умности. – Ты и вправду особенная, Милисента. А потому поверь, ни я, ни твой брат не дадим тебя в обиду.

Поверила.

Не знаю, как насчет графчика... может, у него от помолвки переклинило, но Эдди меня точно обидеть не даст.

Я кивнула.

– Вот и отлично.

– А... – я поймала Чарли за рукав. – Если не получится? Если... я слишком старая, чтобы учиться? Или необучаемая?

– Читать умеешь?

А это тут при чем?

– Умею.

– Стало быть, вполне обучаемая. Не наговаривай на себя.

– Я не наговариваю, – во мне жило чувство противоречия. – Просто... если все-таки... если не получится. Что тогда?

С ответом Чарли не спешил. Явно маялся, то ли утешить, придумав чего-нибудь такого, вежливого и вдохновляющего, то ли

правду сказать.

– Не ври, – попросила я.

Я же ему не стала. Я им с Эдди все пересказала, чего услышала от сиу, еще в тот первый день, когда мы решили, что тут ненадолго.

– Тогда... да, вероятно, придется всерьез задуматься о блокирующих браслетах.

– Которые вредны для здоровья?

Чарли не отвел взгляд.

– Они тоже разные бывают. Есть те, которые перекрывают доступ к силе полностью. Но их используют лишь по приговору суда. Если, скажем, человек совершил преступление. И не любое, но тяжкое.

– Вроде как спалил другого?

Желания ехать на Восток стало еще меньше.

– Да. Убийство с помощью силы – это... скажем так, не то, на что суд посмотрит сквозь пальцы. Но это если случилось оно не в целях самозащиты. И при хорошем адвокате... да и вообще! Не обязательно кому-то что-то рассказывать! – он едва не выкрикнул это.

Да.

Пожалуй.

Рассказывать о таком не стоит. И вообще... помалкивать надо. А заодно уж постараться никого не прибить уже там, на Востоке.

– Есть браслеты, которые не столько перекрывают доступ к силе, сколько уменьшают ширину энергетических каналов. А чем они шире, там больше энергии прокачивают. Сужение их – метод лечения некоторых болезней.

Я смотрю на Чарли.

Он на меня.

– Иногда сила... избыток силы дурно сказывается на разуме.

– То есть, это браслеты для психов?

– Я бы скорее выразился, что для людей, которые не способны справиться с даром.

– Я тоже свихнусь?

– А ты не способна справиться с даром?

– Ты мне скажи!

Чарли покачал головой:

– Говорить можно многое, но понять, сколько в сказанном правды, способна лишь ты сама. Точно также и с силой. Пока ты никого не

убила... скажем так, в последнее время ты никого не убила. Я не видел ни спонтанных выбросов, ни приступов магической каталепсии.

– Чего?!

А это еще что за ерунда?

– Не важно. Поверь, у тебя с контролем все обстоит очень даже неплохо. И надо лишь немного подучиться. Ты мне веришь?

Хочется.

Очень хочется. И я почти готова поверить. Чарли протягивает руку, и я касаюсь её. Осторожно. Это ведь просто прикосновение. Оно ничего не значит.

А земля вдруг вздрагивает.

И гудит, долго, протяжно.

– Что за...

– Эй вы там, – крик Эдди перекрывает вопрос. – Собирайтесь. Поезд идет.

Глава 30

Поезда бывают разными

Поезд?

Мать его, поезд?

Здесь? Чарльз сперва решил, что ослышался. Или там недопонял. Но... поезд? Ладно, дело даже не в том, что он находится в самой, мать его, заднице мира, где взяться-то поезду неоткуда. Дело в том, что рельсы Чарльз бы заметил.

Определенно.

Он даже осмотрелся, на всякий случай. Вдруг бы рельсы все-таки наличествовали? Но нет, трава. Земля. И ни куска металла окрест.

В общем, рельс не было, а вот поезд имелся.

– Собираемся... – Эдди уже сложил нехитрые пожитки и седельные сумки перебросил через плечо. Лошади пританцовывали, а земля гудела все сильнее. И в звуке этом, низком, вибрирующем, не было ничего-то знакомого.

– Поезд? – переспросил Чарльз на всякий случай, и не без сожаления выпустил руку Милисенты, которую до сих пор держал.

Тотчас смутился.

Покосился на Эдди.

– Какой...

– Увидишь, – тот кривовато усмехнулся. – Помнишь, я говорил, что туда не так просто попасть? Так вот, теперь главное, чтобы нас взяли.

– Кто?

– А вон, – Эдди махнул рукой куда-то, где протянулась тончайшая нить горизонта. В этой нити слались темные дымы приближающегося... Чарльз так и не понял, чего именно.

– И вправду поезд, – Милисента закинула на плечо ружье и перчатки зарядные поправила. – Ох...

Она покосилась на Чарльза и выдавила:

– Очень удивительно.

И Чарльз с ней всецело согласился. Действительно, очень удивительно. Настолько, что просто ох...

– Это все ж таки станция, – Эдди все-таки снизошел до объяснений. – Лошадей держите, они этого не любят. Мой-то привычный, случалось уже.

Станция.

Поезд.

Посреди прерий, где из живого только падальщики. Но поезд. И станция. И... что он еще об этом мире не знает? Чарльз поглядел на Милисенту, та легонько пожала плечами: мол, сама поражена.

Или как-то так.

– На самом деле станций таких много, и поезд обходит их кругом, собирая тех, кто едет в город. Ну и высаживает тех, кто из города. Но тут мало кто... я обычно садился ближе к востоку. И добираться легче, и ехать ближе.

То, что именовалось поездом, подходило ближе и ближе. И теперь, окруженное клубами пара и дыма, гляделось огромным стальным чудовищем. До Чарльза донесся характерный запах раскаленного металла. И конь его, почуяв тоже, завизжал.

– Тише, – Чарльз покрепче стиснул повод. – Это просто такая штука...

...поезд, чтоб его.

Настоящий.

Один в один как тот, который доставил Чарльза в эту дыру. Или нет? Та же вытянутая морда паровоза, украшенная медными блямбами. Трубы. Огромные колеса. Пляшущие поршни. Дым. Пар. Почти невыносимая вонь, которой не бывает от угля. И чудовищное сооружение, выкладывающее рельсы прямо перед паровозом.

Чарльз моргнул, отчаянно надеясь, что ему примерещилось.

Но нет. Мелькали в воздухе суставчатые лапы, спеша уложить полотно, которое потом же собирали. И в этом движении было что-то донельзя завораживающее.

Поезд издал тонкий протяжный свист, от которого конь Чарльза встал на дыбы.

– А ну тихо, – Чарльз стукнул его по морде, а потом, подумав, накинул полог сна. И лошадь ословело захлопала глазами.

Так оно и лучше.

Меж тем чудовищное порождение научной мысли стало замедляться. Оно вновь издало свист, пыхнуло паром и огнем. И стало

видно, что в остальном-то ничем оно не отличалось от прочих поездов. За паровозом стоял вагон с углем, следом крепился другой, на котором высились стопки готовых рельс, кажется, сразу со шпалами, а уж далее крепились и другие.

– Ущипни меня, – тихо сказал Чарльз, и Эдди поспешил исполнить просьбу.

– Ай!

– Ты сам просил.

– Ущипнуть, а не вырывать кусок мяса, – Чарльз во все глаза разглядывал громадину, что остановилась в сотне шагов от хижины. Она отдыхала, распуская клубы пара. И судя по характерной вони, в воду добавляли какие-то зелья.

– Ладно, извини. А теперь, будь добр, держи невесту при себе. Оружие тоже.

– Я думал, что если мы здесь, то договоримся.

– Много думать вредно, – сказал Эдди и осклабился во всю ширь улыбки.

Наверное, пытался выглядеть дружелюбным. Чарльз лишь надеялся, что люди, которые шли навстречу, были знакомы с Эдди. Или хотя бы, что нервы у них крепкие. Не всякий человек способен выдержать такое проявление дружелюбия.

– Эдди! – воскликнул господин в высоком атласном цилиндре. С одной стороны цилиндр украшало алое перо. С другой – череп какой-то птицы, в глаза которой вставили камни, верно, для пущей выразительности.

– Итон, мать тебя в... – Эдди раскинул руки, будто намереваясь обнять гостя. Или правильной, хозяина? И тот благоразумно остановился.

Был он высок. А из-за цилиндра казался еще выше.

Сухопар.

Облачен в кожаный плащ, накинутый прямо поверх лонгдога. Плащ поблескивал металлическими чешуйками, которые складывались в весьма характерный узор. Щиты? Похоже на то.

– Давно не виделись, Эдди! – во рту Итона заманчиво сверкнул золотой зуб. – А ты нынче с приятелями?

– Моя сестра, – сказал Эдди. – С женихом.

– Сразу с женихом? А жених хороший? Мое вам почтение, леди, – Итон наклонился и цилиндр приподнял, обнаживши яркую лысину с выбитым на ней узором.

– Лучше не бывает, – сказала Милисента, а Чарльз взял её под руку. На всякий случай.

– Лучше всегда бывает!

– Не слушай его, Милли. Итон у нас дважды женат.

– А так можно?! – искренне удивилась Милисента.

– Были бы деньги, – Итон вновь блеснул зубом. – У меня, дорогая, и на третью хватит... будешь жить в своем доме. Любить стану, баловать стану...

– Спасибо, воздержусь.

Как ни странно, Итон воспринял отказ спокойно.

– Сколько?

– Трое. Плюс лошади. Вы...

Эдди повернулся к сиу, но те покачали головой.

– Люди зло, – сказала Великая мать, и спорить с ней никто-то не решился.

– Отлично, цены знаешь. Деньги вперед.

За спиной Итона держались двое, спокойно, уверенно, но... полы плащей раздвинули так, чтобы были видны рукояти револьверов. К этой местной привычке выставлять оружие напоказ Чарльз почти привык. Что поделаешь. Места вокруг дикие.

Меж тем Эдди бросил кошель, который Итон поймал с легкостью. Не постеснялся развязать – то ли джентльменам на слово не верили, то ли с джентльменами на диких землях было сложно – и заглянуть внутрь.

– На охоту сходил? – поинтересовался он небрежно.

И рукой взмахнул.

– Лошадок отдайте. Грей позаботится. Не бойтесь, вернем в целости и сохранности. Сам знаешь, Эдди, у меня приличный поезд. И своим о правилах расскажи.

– Всенепременно.

– Так что с охотой?

– На чай пригласи, там и поговорим, – улыбка Эдди стала еще шире, хотя, казалось бы, это напрочь противоречило законам анатомии.

– Тогда заходи. Ты меня знаешь. Всегда рад почаевничать с хорошим человеком... третий вагон. Там твоя родня едет. Глядишь, не поссоритесь.

Итон поправил цилиндр, и синие камушки в птичьем черепе блеснули.

– А сестрица твоя пусть подумает. Мои жены меня любят...

На третьем вагоне сияла медная цифра, под которой обнаружилась пара скрещенных костей. Причем кости были самыми натуральными, бычьими, судя по размерам. Сходни скинул мрачный тип в сером плаще. Рук подавать не стал, как и в принципе здороваться. Да уж, над сервисом им определенно стоило поработать.

– От Чарли не отходи, – велел Эдди и, забравшись первым, подал руку. А Чарльз – сходни до земли не доставали – подхватил девушку.

Та только пискнула возмущенно.

– А что за правила? – уточнил Чарльз, забравшись в вагон. Пахло... пахло той алхимической смесью, которая рано или поздно пропитывает стены любой лаборатории.

Или конструкта.

Еще хлебом. Пирогам.

– Питаться будете? – мрачно поинтересовался тип.

– Будем. Обед когда?

Тип молча протянул руку, в которую Эдди вложил крупное золотое кольцо.

Вот ведь... а это же артефакт исчезнувшей цивилизации! Можно сказать, бесценное наследие. Но... с другой стороны, кто знает, сколько им еще ехать. Да и от нормальной еды Чарльз бы не отказался, ибо сушеное мясо, конечно, голод утоляло, но и только.

А в вагоне пахло чем-то донельзя сдобным.

Съестным.

И Милисента, втянув этот аромат, горестно вздохнула:

– Булочек хочу...

– Будут, леди, – тип закрыл дверь. – От тронемся и принесу. Еще суп рыбный, рыбка свежая, только утречком вот доставили. Пирог с олениной. И запеканка. Что будете?

Милисента ненадолго задумалась и решительно сказала:

– Все буду!

– От и ладно, – неизвестно чему обрадовался тип. – А то иные сядут и нос воротят... а кушать надо. И надо кушать хорошо.

С данным утверждением Чарльз был совершенно согласен.

– Правила простые, – Эдди подхватил их под руки и увлек куда-то по темному узкому коридору. – Стрелять, применять магию и вообще что-то, что может повредить поезду, нельзя. Бить морду можно, но если в процессе что-то повредится, то или плати...

– Или?

– Или высадят. За магию и стрельбу просто высадят. А места тут такие... в общем, сидите смирно. Ешьте. Отдыхайте. Если вдруг выйти куда, к нужнику, то, Милли, только с ним! Я серьезно!

Милисента кивнула и буркнула:

– А ты куда?

– Пойду, побеседую. Итон – мужик толковый. Ну... относительно других. И слышит многое. Если кто и в курсе, чего там в городе творится, то он. Только вы тут того...

– Не беспокойся, – заверил Чарльз.

– Я серьезно. Никакой магии. А то ведь...

Договорить он не успел, потому как поезд содрогнулся, что-то загудело, затрещало. Следом раздался протяжный скрежет, от которого заломило зубы. Потом последовал рывок, едва не сбивший с ног.

Тронулись.

Я сидела, смотрела в окно, на проплывавшую мимо пустыню, и жевала булочку. Признаться, именно сейчас я ощущала дивное умиротворение и была всецело довольна жизнью.

Даже счастлива.

Почти.

Абсолютности счастья несколько мешала унылая рожа Чарли, который и пустыней не любовался, и булочки брал двумя пальцами, с таким выражением, будто кому-то услугу оказывает. Ага. И чего, спрашивается? Отлично ж едем.

Всяко лучше, чем на лошади.

Не надо думать, что я совсем дикая. Я поезда видывала. И ездила даже. Правда, с лошадьми, потому как и надежнее оно, и дешевле, и других вагонов к нам не цепляют. Это уже в Чикентауне можно поглазеть на иные, и вагоны, и поезда. Эдди, помнится, еще тогда

рассказывал, будто бы есть такие, в которых не солома на полу, а ковры лежат. И еще диваны имеются.

Я не поверила, думала, шутит. А оно вот как.

И вправду имеются.

Я даже пощупала диван, обитый красной кожей. Да, потертая, а местами и латаная, но ведь сам-то диван хорош, мягонький, упругонький, небось, отменным конским волосом набит, а не всякой дрянью. Я даже подпрыгнула пару раз.

Ковер тоже имеется. Правда, не понять, то ли красный, то ли бурый, но ведь лежит же ж!

А еще стол.

На столе еда. И высокие стаканы в серебряных подстаканниках. Чай крепкий, до черной густоты. Рыбный суп наваристый. Хлеб свежий. Булочки опять же. А этот вот кривится.

И шеей крутит.

И не понять, что ему не так. Глядеть на мрачного графчика надоело, и я опять в окно уставилась. Третий час уже идем. И пора бы Эдди вернуться. А он все не возвращается, оттого в душе появляется некоторое беспокойство.

Но я сижу.

Ем булочку. Уже сыта, но все равно ем. Оно никогда ведь не знаешь, когда опять случится нормально поесть. За окном же... окна в вагоне тоже знатные. Со шторками. И можно закрыть, тогда становится сумрачно, или вот открыть.

В пустыню мы вошли час тому.

Сперва прерия полысела. Травы стало меньше, то тут, то там сквозь нее проглядывали проплешины бурой земли, которые разрастались, сливаясь одна с другой. И вот уже травы не стало вовсе, а земля почернела, будто спеклась. Ее разломил трещины. И сквозь них время от времени прорывались клубы пара.

Глядеть на это было до жути занятно.

А еще чувствовалось что-то такое, этакое, непонятное. И чем дальше ехали, тем сильнее чувствовалось. Будто кто под кожу муравьев пустил.

Поезд загудел и прибавил ходу.

А пустыня... я всегда-то думала, что пески, они желтые. Как на картинках в той книге, которую мне мамаша Мо совала, чтоб я

прониклась и открыла душу истинной вере. Там, помнится, кто-то долго по пустыне ходил. Помню только, что очень эта мне пустыня понравилась.

Желтенькая. Чистенькая.

Так вот, ничего подобного. За окном простиралась сизо-черная гладь, на которой ветер рисовал узоры. Небо и то сделалось будто бы серым, блеклым.

Я поскребла стекло, убеждаясь, что оно толстое, надежное.

– Ты бывал в пустынях? – поинтересовалась у графчика, который-таки обратил на пустыню внимание и теперь сделался еще более мрачен.

– В таких – нет.

– А в каких бывал?

Матушка говорила, что человек вежливый и воспитанный сумеет увлечь другого приятной беседой.

– В нормальных. В нормальной. Служить как-то довелось. Там не то, чтобы пустыня. В саму пустыню не заглядывали, но вот рядом часть стояла.

И опять замолчал.

Мне что, каждое слово из него вытягивать? Графчик, кажется, понял, чем я недовольна и вздохнул.

– Если там был мертвый город, то я не знаю, как эти земли назвать. Разве ты не чувствуешь?

– Что именно?

Чувствовала я много чего. Полный желудок. Усталость легкую. Желание поспать. Ну и почесаться, хотя последнее сдерживала из всех сил. Вона, как смотрит. Еще решит, будто я заразная.

– Тут все весьма индивидуально. Я ощущаю на себе взгляд. Такой, оценивающий.

– А мурашки под кожей считаются?

– Несомненно.

– Тогда чувствую, – сказала я и все-таки поскреблась. Осторожненько. – И отчего это?

– Это... скажем так, подобные ощущения я испытывал только в одном месте, – графчик подвигал челюстью, будто решаясь. – На острове Харт.

Ничего не поняла, но...

Ветер ударил в окно, сыпанул горсть мелкого то ли песка, то ли пепла. И я потребовала:

— Рассказывай.

Глава 31

В которой рассказывается страшная история одного острова

Рассказывать.

Наверное, рассказать можно, хотя, конечно, матушка не одобрила бы. С молодыми девушками не говорят о вещах подобных. И те, другие, из прошлой жизни Чарльза, которая уже самому ему казалась ненастоящей, никогда бы не стали слушать.

А он не стал бы говорить.

– Это остров...

– Я поняла, – Милисента протянула булочку. – Ешь. А то мало ли, как оно потом.

И Чарльз взял. Он был сыт, пожалуй, даже более чем сыт, но, кажется, в этом «мало ли, как оно потом» и заключена вся местная мудрость.

– Когда-то он принадлежал человеку. Был куплен у орков в те времена, когда они полагали, что земли много. И продавали щедро.

– За бусы?

– И за бусы, и за топоры, и... не важно.

– Ну да...

Почему-то стало стыдно, хотя сам Чарльз к тем временам и сделкам отношения не имел.

– Главное, что он этот остров продал городу. А город устроил приют для трудных подростков. Потом там была лечебница для душевнобольных. Дом призрения... ну и кладбище, куда свозили бродяг и нищих. Потом хоронить стали больше. Жертвы эпидемий тифа и холеры, те, кто догорал от туберкулеза, младенцы, родившиеся мертвыми. Одно время и вовсе переселяли еще живых людей, силясь остановить очередную эпидемию[1]. Или тех, кому не место среди приличных граждан. Постепенно остров стал одним большим кладбищем, куда свозили всех неприкаянных мертвецов.

Она слушала внимательно.

Как сказку.

Только сказка вышла страшноватой.

– Нас отправили студентами, на практику, – Чарльз ненадолго замолчал, сам удивляясь тому, как давно это было. – Сам остров невелик. И нет там ничего жуткого. На первый взгляд. Напротив. Он зеленый. Яркий. Нарядный.

Паром тяжело пыхтит, но ползет по глади залива. И остров проглядывается где-то вдалеке полоской зелени. Сбившиеся на палубе студенты тычут друг друга, мол, видишь?

Видит.

– Там неплохо сохранились старые здания. Храм. И остатки корпусов больницы. Есть одичавший парк. Казармы, в которых нас разместили.

Чарльз не сразу понял, что не так.

Почему все вдруг замолчали. И отступили, будто разом схлынуло прежнее любопытство. Стало тихо-тихо. А потом вдруг навалилась тоска. Будто кто-то взял да содрал с души покровы, обнаживши самую суть. И в ней-то плеснул болью.

Чужой.

Это Чарльз понимал явственно. Он даже отдавал себе отчет, что испытываемые эмоции – наведенные. И знал, что нужно поднять щиты.

Все знали.

Им говорили об этом и не единожды. И всего-то нужно было, что протянуть руку к амулету, коснуться, активировать. А он стоял и дышал ртом, пытаясь справиться с этой чужой болью.

– Кто-то не выдержал первым. Я помню отчаянный крик. И... тот парень забрался на бортик, чтобы спрыгнуть...

– Утонул?

– Кто ж ему позволит-то? Мы с сопровождением шли. Вот наставник и включил глушилку. Это такой подавитель, вроде браслетов, хотя... жестче. Я помню навалившуюся тяжесть, а потом темноту. Очнулись мы ближе к вечеру, уже в казарме. Наставники ругались. Как они ругались...

– С душой? – уточнила Милисента.

– С нею. Нам долго выговаривали, что мы болваны, не способные следовать простейшей инструкции. Что еще одно подобное происшествие, и нас отправят домой с отметкой о непригодности к

службе. Да и не только. Главное, что на казармах был установлен защитный контур. И снаружи, и изнутри. Плюс у каждого имелись собственные амулеты. И наставники проверяли их работу каждый день.

Чарльз дернул шеей.

— Мы оставили там двоих.

К счастью, Милисента на сей раз воздержалась от вопросов.

— Один... я его не слишком хорошо знал. Тихий парень. Из теоретиков. Потом говорили, что он подавал большие надежды. Он просто взял и повесился. В старом храме. Второй подорвался на собственном заклятье. Сотворил конструкт, как вот ты. Что-то очень простое. Он накачивал его силой. И смеялся. Накачивал и...

— А наставники?

— Не успели. Или... не захотели, — Чарльз повернулся к окну, за которым простирались пески. Темные. Напитанные эманацией смерти, пусть и не такой плотной, как там, на острове, но все же опасной.

— В каком смысле?

— Это... студенческая байка, что ли? — почему-то именно сейчас, должно быть из-за треклятых этих песков, говорить о подобных вещах было легко. — Правда, уже не уверен, что байка. Нестабильные маги опасны.

Милисента помрачнела.

— Сила влияет на рассудок. Не знаю, может... — Чарльз накрыл рукой камень. — Может, был прав Сассекс, и разгадка в том, как формируется мозг? Главное, что сила влияет на рассудок. Это основа основ. Есть даже теория, которая гласит, что у женщин дар не развивается именно потому, что они более разумны и сдержанны от природы. Вот сама их суть и противится магии. Мне это кажется несколько упрощенным, но что-то в этом есть. Так вот, не часто, но бывает такое, что дар, открываясь, губит своего хозяина.

— Ты же говорил другое! — возмутилась Милисента. — Что магия хозяину не навредит.

— А она и не вредит.

— Не понимаю.

— Тут... наверное, проще с примерам. В учебнике, помню, был описан случай, когда мальчик, только-только открывший в себе дар, решил, что может летать. Мысль эта настолько его захватила, что он

оказался не способен удержаться и не попробовать. Сперва он прыгнул с подоконника, потом с крыши родительского дома. Отделался переломом обеих ног и угодил в лечебницу, сперва обычную, а после для душевнобольных, ибо оказалось, что никто-то не в состоянии его переубедить. Он бредил мыслью о полете, не желая говорить ни о чем, кроме как о том, что превратиться в птицу. Другой ребенок решил, что его родители – вовсе не те, кто его воспитал. И что он был украден у настоящих, найти которых он мог, только избавившись от нынешних.

Чарльз прикусил язык.

Проклятье, об этом точно говорить не следует. И вспоминать, сколько шуму наделало это убийство. В парламенте вновь заговорили об ограничительном эдикте, обязательных проверках на одаренность и психиатрических экспертизах магов.

– Короче, они свихнулись, – подвела итог Милисента, явно не собираясь ни ужасаться, ни в обморок падать.

– Именно, – Чарльз выдохнул с некоторым облегчением. – Дар у них был. И яркий, выраженный, но разум подвел.

– И остров таких, скорбных разумом, помогает выявить? – она поежилась.

И Чарльз ощутил, как накатывает знакомая волна.

– Руку, – он протянул свою и Милисента молча вложила пальцы. – Закрой глаза. Представь, что тебя окружает стена.

– Эдди запретил магию.

– Направленную кнаружи. Эта же напротив, отсечет нас от внешнего воздействия.

Она пыталась, Чарльз видел. Но щиты, тем более под давлением, требуют не только сосредоточенности, но и отличного контроля.

– Сядь ко мне. Пожалуйста.

И вновь Милисента молча пересела. Она оказалась вдруг так близко, что Чарльз невольно смутился. И тотчас обругал себя: не сейчас. Что-то подсказывала, что та, первая волна, прошедшаяся по сердцу наждачкой, лишь начало.

А могли бы предупредить.

И словно отзываясь на мысли его, поезд загудел. А гудок сменился протяжным хриплым воем:

– Внимание! Темная буря на пути... внимание...

Что-то снаружи заскрежетало, и, отсекая остатки солнечного света, стекла накрыло стальными щитами. Чарльз вздохнул с облегчением. Если поезд и вправду ходит по этим пескам, то местные должны быть в курсе опасности. А стало быть, они бы и придумали, как от неё защититься.

Определенно.

– Где Эдди? – Милисента вскочила.

– Сядь. Не маленький. Позаботится. А я должен позаботиться о тебе. И себе. Маги куда более чувствительны к темным эманациям, чем обычные люди.

Он старался говорить громко и спокойно.

– Дыши. Давай, вдох и выдох.

– Я не собираюсь вешаться! – возмутилась Милисента и попыталась руку отобрать. Но Чарльз не позволил.

– Это пока. Была лишь первая волна, но что-то подсказывает, что не последняя.

Вновь раздался гудок, и тот же хриплый голос, почти мешаясь с воем ветра, предупредил:

– Внимание. Рекомендуем активировать защитные амулеты. Внимание. Предупреждаем, что возможны ментальные пробои.

– А это что за хрень?

– Скоро поймешь, – Чарльз шкурой ощущал приближение новой волны. Пока далекая, она жила где-то там, в пустыне, которая возникла... проклятье, не сама собою возникла. Подобные места никогда не возникают сами по себе.

Сюда пришла смерть.

И осталась.

Обжилась.

– Оно... оно плачет! – Милисента вскочила, но тотчас села. – Я не хочу это слышать!

Плачет. И стонет. Говорит тоненьким голосочком, будто ногтями по стеклу. стекло закрыто, что просто-таки не может не радовать, но ментальный пробой накрывает поезд.

Или только им так повезло?

– Дыши, – Чарльз притянул девушку к себе. – Дыши и думай только о том, как дышишь.

Она икнула.

– Вдох. И выдох. И снова вдох. Выдох.

Оно просилось внутрь. Оно умоляло впустить. Оно жаловалось на холод снаружи и тоску, которой делилось щедро. Оно вытянуло все то хорошее, что было у Чарльза, оставив лишь чувство собственной неполноценности. И выставленный щит не помог.

Этот щит был сродни хрупкой скорлупе, по которой уже побежали трещины.

Тронь и осыплется.

Не трогай, но все одно осыплется, облетит сухой пылью. Так что немного осталось.

Милисента, кажется, заплакала. И слезы её заставили очнуться.

– Проклятье... – Чарльз прижал её к себе сильнее, так сильно, как мог. И ощущение живого тела рядом, тепло его, стук сердца, отрезвили.

Нет уж.

Он маг, в конце концов.

Дипломированный.

И способный удержать щит Эрмаху. Даже при том, что в прошлой жизни его и создать-то не всегда получалось. Но теперь...

– Поделишься силой? – спросил Чарльз шепотом.

Собственная казалась тяжелой, тягучей, как сироп на морозе. И он с трудом удерживал концентрацию. Но надо.

Он должен.

Он военный. И вообще... если он умрет, то... Августа вернется домой. К матушке. И они будут жить вдвоем. Недолго. Кто бы ни стоял за этой историей, Бишопы ли, матушкина ли родня, или вместе, живая матушка им не нужна, как и Августа.

Поэтому Чарльз должен.

И у него получилось.

Тогда, на экзамене, он матерился про себя, ибо из всех щитов достался именно этот. А теперь... теперь знакомое плетение разворачивалась, отсекая ментальный шепот.

Вот так.

Стабилизировать.

Оставить питающие потоки, которые позволят удержать щит малой силой. И прислушаться к тому, что происходит. А вокруг явно что-то да происходило.

Сперва вагон содрогнулся, а потом... кажется, они пошли быстрее, что было логично. Защита или нет, а из бури требовалось выбраться. Вагон раскачивался и скрипел, и появилось опасение, что он просто-напросто сейчас завалится на бок.

А следом и весь поезд.

И они останутся...

Чарльз заставил себя успокоиться. Это остаточные эманации.

– Ты как? – тихо поинтересовался он. В темноте было не видно лица Милисенты, но дыхание её выровнялась.

– Какая же дрянь, эти ваши ментальные пробои, – проворчала она едва слышно. И руку не вынула. Уже можно отпустить, да не хочется.

Совершенно.

– Еще какая, – Чарльз позволил себе улыбнуться.

И удивился тому, что в принципе способен еще улыбаться.

Жив.

И дышит. И чувствует не только желание перерезать себе глотку. А ведь... да, еще пару минут, он бы всерьез задумался над тем, что жизнь – редкостное дерьмо, на которое не стоит тратить время.

– Это мертвецы, да? – Милисента осторожно коснулась лица. И пальцы ее оказались на диво холодными. – Как в той роще? Здесь... здесь как-то слишком много мертвецов.

С этим Чарльз не мог не согласиться.

Он нашел её руку в темноте, расправил ладонь, поднес к губам.

Нельзя было так делать.

Никак нельзя.

Но ему отчаянно хотелось прикоснуться к этой вот холодной ладони. И он подул на руку.

– Горячо, – пожаловалась Милисента, но руку не убрала. – Почему так?

– Не знаю, – честно ответил Чарльз. – Главное, что мы-то пока живы.

– Им это не нравится?

– На самом деле они не способны испытывать настоящих эмоций. Потом... после острова, нам объяснял некромант. Смерть – это процесс не только гибели физического тела, но и отделения энергетической оболочки.

– Души?

– Он утверждал, что к душе это отношения не имеет. Скорее уж речь идет о тонких оболочках, которые связаны с энергетическими потоками мира. И отделение идет по-разному. Одно дело, когда человек уходит после долгой болезни, и совсем другое, когда смерть наступает внезапно. Там много факторов.

Отчего-то он говорит шепотом. И кажется, что в темноте иначе и невозможно.

Там, за стеной, ярится буря. И Чарльз ощущает, как тьма снова и снова пробует на прочность щит, сплетенный им из собственной и чужой сил.

– Главное, что на маленьких кладбищах эти эманации рассеиваются естественным образом, а вот если кладбище большое, и постоянно пополняется...

У нее кожа на руке не такая мягкая, как знакомых Чарльза. Наверное, потому что Милисента избегает обычных дамских перчаток.

И мозоли есть.

Какая женщина допустит появление мозолей?

– Добавим, что сила эманаций увеличивается в случае преждевременной гибели. Или когда человек испытывает резкие негативные эмоции. Они словно запечатываются.

– То есть, мы едем над...

– Огромным кладбищем, очистить которое вряд ли выйдет. На остров каждые полгода отправляют пятерку некромантов, чтобы вычищали эманации. Иначе даже амулеты не справляются. И да, я думаю, что студентов возят нарочно. Ищут тех, кто психически неустойчив.

Ее дыхание касается щеки.

Оно тоже холодное.

Или это просто Чарльзу самому по себе холодно? Главное, дрожь получается сдержат с трудом.

Он не сумел додумать. И понять тоже, потому что поезд в очередной раз вздрогнул. А следом раздался протяжный визг, и их швырнуло на пол.

Да что тут твориться?

[1] Остров Харт существует на самом деле. И да, это одно из крупнейших кладбищ в мире.

Глава 32

Где готовятся встречать незваных гостей

Я упала на Чарли, засадив ему локтями по ребрам, и еще подумала, что сам виноват. Нашептывает мне тут на ухо, правда, не пошлости, а потом уберется на свой этот восток, оставив меня наедине с разбитым сердцем.

Подумала и...

Поезд явно останавливался и резко. Что-то ударило в стену, причем звук получился такой, будто колокол бухнул. А у меня в голове одно: это я правильно булочки доела.

Чувствовалось, что новые не скоро испекут.

Не знаю, как долго поезд останавливался, но остановился, и нас снова швырнуло вперед. Я только и успела, что сжаться в комок, но все одно о диван ударилась, благо, мягкий.

А потом над головою что-то протяжно завывало.

– Тревога, тревога... – нервный голос оглушил.

Я еще пыталась подняться, когда дверь распахнулась.

– Маги? – поинтересовался знакомый уже тип. – Наверх.

– Что происходит?

– Мертвяки идут, – сказал он и, подняв руку к шляпе, добавил. – Извините, леди, но повоевать надобно, а то ж сожрут.

Аргумент был серьезным.

И я вытащила перчатки, порадовавшись, что не стала убирать их, как и алхимическое ружье, в багаж. Оно-то говорили, что не пригодится, но я девушка осторожная.

Предусмотрительная.

Вот и предусмотрела.

Чарли молча подал руку. Ну хоть ворчать не стал, что не место мне в бою.

В вагоне было людно.

Шумно. Тесно.

– Щиты пока держатся, – давешний тип говорил громко, и голос его заглушал шум толпы. – К сожалению, вышла из строя помпа. Ремонт займет некоторое время, и для него придется отключить внешний контур защиты.

– Номера ставь, – рявкнул огромный, раза в два больше Эдди, орк.
– А то треплешься.

Его соплеменники загудели.

Дальше... дальше было как-то обыкновенно. Старший командовал. Народ слушал.

И исполнял.

Люди, смотря, собрались серьезные, бывалые, а потому никто не тратил время на споры, разве что бледный невзрачный тип сказал:

– Я попробую с ними поработать, – он взмахнул руками, и его окутало сизоватое облако, заставившее прочих отступить. – Но нужно будет некоторое время на подготовку.

– Прикроем, мертвогон, – отозвался тот же орк. – Не бойсь.

– Некромант, – очень тихо сказал Чарли. Но был услышан. И бледный тип повернулся к нам, смерил взглядом и едва заметно кивнул, то ли приветствуя, то ли просто показывая, что Чарльз угадал. А тот не унимался: – Силы немалой. Никогда таких... впрочем, не важно.

Может, и так. Но ведь некромант – это хорошо?

То есть, некроманту ведь проще с мертвяками поладить, чем нормальным людям?

Милисента кивнула и погладила пушку, колбы которой медленно наполнялись алхимическим дымом. Один за другим загорались, активируясь, огненные камни. И сопровождающий хмыкнул:

– Вы, леди, только далеко не сувайтесь, а то ж еще зашибет ненароком.

– Постараюсь, – Милисента одарила типа очаровательной улыбкой, и уже за это захотелось двинуть ему в морду.

Но некогда.

Мертвяки.

Мертвяков оживших Чарльз уже видел. На полигоне, где поднимались они единственно волей штатного некроманта и для проведения практических занятий. А потому те мертвяки выглядели

даже прилично, двигались с неспешностью людей, что и после смерти сохраняли представления о хорошем воспитании. Но, как уже успел усвоить Чарли, с воспитанием на Западе в целом было не очень, даже среди живых.

Где-то впереди коротко рывкнула пушка, наличие которой на поезде в нынешних обстоятельствах даже не удивило. Скорее порадовало. Огненный шар взмыл в небеса, ненадолго разодрав искусственный сумрак. И Чарльз выматерился.

Вслух.

Мертвяки... мертвяки шли. Они поднимались из темных песков, страшные, ободренные, являющие собой естественное продолжение этих самых песков.

— Ох... — добавила Милисента. И еще пару слов, для леди неподходящих, но вполне здраво описывающих ситуацию.

Чарльз огляделся.

Пески.

Всюду, мать его, пески. Серые, грифельные, местами поблескивающие свинцовыми лужами выплавленного металла. Поезд застыл в этих песках, слегка наклонившись набок. Рельсы заносило. Но трубы дымили, да и в целом энергетические контуры оставались активны.

Помпа, стало быть.

— Маг? — поинтересовался орк, разглядывая Чарльза с непонятною жалостью.

— Да. Немного.

— Хорошо, — орк аккуратно расстегнул пуговицы. Пиджак его, шитый из отменного шерстяного сукна несколько диссонировал с перьями в волосах и костяным ожерельем. В ожерелье поблескивали драгоценные камни. А щеки орка украшали характерные глубокие шрамы.

Воин.

— Это вообще... нормально? — поинтересовался Чарльз, указав на мертвяков, которые продолжали подниматься из песков. Вообще подумалось, что самое бы время или в панику удариться, или подготовиться к героической смерти. А он стоит, смотрит, прикидывая, как оно сподручнее будет драться. — Извините, я просто в первый раз еду.

— В город? — орк мертвяков разглядывал спокойно, то ли случалось встречаться, то ли в целом нервная система его отличалась изрядной крепостью.

— Да.

Передние ряды выглядели почти целыми. На костях сохранились остатки одежды, да и плоть, потемневшая то ли от времени, то ли от песков, издали казалась нетронутой.

— И на кой он сдался восточнику?

— Да... так... личные дела.

Орк приподнял бровь, в глазах читался вопрос. И наверное, в другой ситуации Чарльз не ответил бы, но... мертвецы приближались. Они двигались рывками, создавая ощущение, что кто-то там, в поднебесье, дергает невидимые нити, заставляя неживое притворяться живым.

Ветер донес запах тлена.

— Сестру ищу. Увез её один там... — Чарльз поглядел на Милисенту и, вздохнув, добавил. — Нехороший человек. И ладно бы просто, но подозреваю, что обижают её.

— И ты хочешь его найти? — уточнил орк.

— Хочу.

— Чтобы выдрать глотку, а из черепа сделать кубок?

— Ну... для начала я думал просто поговорить, но ваш вариант определенно нравится мне куда больше.

Орк кивнул.

— Дочь. Ушла. Из племени. Ищу.

— К человеку? — Чарльз краем глаза наблюдал.

Вот женщины, тяжело переставляя ноги, проваливаясь в пески по колено, выбирают и бредут. Они наступают друг другу на подола темных платьев, не замечая того. За ними ковыляет уродец, сплетенный из остатков тел. Остов гиганта, кажется орка... и солдаты в грязных лохмотьях. Форма угадывается только по ремням да пуговицам.

— Она хорошая у меня. Толковая. Охотница. И с духами говорит.

Орк сложил руки и поднес к губам, дунул, отчего по пустыне пронесся низкий гудящий звук. И мертвецы замерли.

— Той весной в возраст вошла. Мужа нашел. Хорошего. Сильного. Он поднес ей шкуры серебряных лис. И еще корни черного дерева. Он

добыл шкуру горного льва, чтобы в доме их было тепло. Он поставил типи и украсил его рисунками.

Что-то подсказывало, что усилия эти пропали втуне. Но Чарльз не торопился.

— И она вошла в его дом. Они разделили кровь и воду. И она надела на шею его оберег от злых духов.

— А потом что случилось?

— Потом... мы ушли на охоту. Хорошая была охота, — орк осканился и вытащил из-за пояса то, что весьма условно можно было назвать револьверами. Как по мнению Чарльза, больше они походили небольшого размера пушки. — А когда вернулись, то типи был пуст. Огонь в камине погас. И в моем тоже. Этот человек забрал мою дочь. И мою жену. И жен других воинов. Мы убьем его медленно.

Чарльз вот взял и поверил.

Мертвяки подобрались ближе. И пушка вновь выплюнула огненный шар, который теперь повис прямо над порождениями пустыни. Шар задержался в небе, чтобы расколоться на сотню меньших, и уже они пролились огнем. Мертвяки вспыхнули, некоторые и вовсе превратились в факелы, но прочие будто не заметили. Они продолжали идти, подбираясь ближе и ближе.

Где, мать его, некромант?

— Они ушли сами? — уточнил Чарльз, ибо история эта нравилась ему все меньше и меньше.

Сначала сиу.

Потом Августа. Теперь еще и орочи женщины, которые, безусловно, всем хороши, ибо признавать обратное, когда рядом с тобой стоит огромный орк, чревато, но для человека... связи случались. И люди с нетрадиционными вкусами тоже.

Любовь опять же.

Любовь, как Чарльз успел понять, такая штука, перед которой здравый смысл бессилен.

Только чтобы у всего племени и сразу? Это не любовь уже, это какое-то массовое помешательство.

— Сами, — сказал орк. — Ты знаешь?

— Догадываюсь. Дело такое... моя сестра тоже имела жениха. И слово данное сдержала бы. Но...

Рывкнуло ружье Милли, едва не сбив её с ног. Благо, Чарльз успел подхватить. А из длинного ствола вылетел белый заряд, который разорвался у мертвецов под ногами.

– Проклятье, выше надо брать, – проворчала Милли.

А орк кивнул, мол, так и есть.

Земля под ногами чуть вздрогнула. И навстречу мертвецам вышел некромант. Он скинул пиджак, оставшись в какой-то слишком уж белой рубашке. И эта рубашка выделялась на фоне окрестной черноты, ослепляя, словно солнце.

– У сиу схожая проблема.

Чарльз не был уверен, имеет ли право говорить, но что-то подсказывало, что союзники не помешают.

– И подозреваю, что с них все и началось.

Орк выругался. А потом добавил:

– Вечно эти остроухие...

Гавкнули выстрелы, где-то сбоку, а потом снова пушка, и на сей раз Чарльз кожей ощутил жар пламени, которое полилось на мертвецов с небес.

– Давай, магик... – орк нажал на спусковые крючки, и огромные стволы его револьверов выплюнули пламя. Логично. Огонь – естественный враг мертвой плоти.

Кажется, так их учили.

Чарльз отряхнул руки.

Огонь... не совсем его стихия. Нет, он способен сотворить и огненную стену, и огненную плеть, но все одно... хотя...

Пламя загудело.

И поползло навстречу. Наверное, сохранись в этих телах хоть искра разума, они бы отступили. Но нет. Сперва вспыхнули остатки одежды, а следом и плоть. Задымил. Завоняло. И дым этот пополз по пескам, в них же впитываясь. Кто-то из мертвяков упал, но прочие продолжали идти.

Снова бахнуло ружье, и огонь выплеснулся на передних.

Пушка...

Пламя.

Снова пламя...

Стрекочет что-то, то ли кузнечик, то ли пулемет. И задние ряды падают, что колосья под серпом. Красивое сравнение. Чарльз дал себе

слово запомнить.

Ему еще в Географическом обществе выступать. А там любят красивые рассказы.

По спине полз пот.

По лицу тоже.

Он закусил губу. Сколько же их? И что тут было? Сиу... и орки... и снова сиу. Люди. Военные. Обычные. Разные. Скорее всего имела место битва, и многие пали.

Чтобы подняться.

Свистнуло копье, брошенное неловкой рукой.

А все идут... Чарльз поискал взглядом белую рубаху некроманта.

– Чарли! – Милисента отбросила ружье. – Давай вдвоем, как там...

Она сама встала за спину, обняла его, щедро делясь горячей злой силой. И та потекла, полетела по жилам, чтобы выплеснуться огненной стеной. А уже та отделила живых от мертвых. И передние ряды обратились пеплом. Стена же, слегка уменьшившись, двинулась дальше, освобождая пески... и тогда-то Чарльз снова увидел некроманта. Тот стоял в десяти шагах от поезда, окруженный мертвецами, которые его словно бы не замечали.

Нервы, однако, у человека.

– Ишь ты, – восхитился орк, отряхивая песок со штанов. Штаны, к слову, в отличие от пиджака, были кожаными, украшенными бахромой и шитьем.

Огонь постепенно опадал. Но и мертвецов удалось оттеснить. Кроме тех, что собрались вокруг некроманта. Он поднял руку, и в ней будто искра блеснула.

Мертвяки остановились.

Замерли.

И повернулись к некроманту. Все и разом.

Тот разжал ладонь. Точно искра... какая-то неправильная. Серебряная? Или нет. Драгоценная... не разглядеть, далеко стоит. Главное, что тянет от нее чем-то... чем?

Мертвяки стояли.

Смотрели.

На некроманта. На искру в ладони. А про остальных будто и позабыли.

– Рисковый он, однако, – орк спокойно перезаряжал револьверы. Патроны были под стать оружию, огромными и расписными. Надо полагать, не для красоты.

– Что это?

– А кто ж его знает, – орк пожал плечами. – Я, чай, не шаман.

По пустыне пронесся тонкий звук, будто кто-то струну дернул. От этого звука уши заболели, и глаза. Орк и вовсе выругался, выронив патроны.

– Держите, – Милисента первой подняла их. – Красиво, правда?

Звук повторился.

Ниже, тяжелее. И снова высоко. И еще выше, так, что и звук-то едва уловим, но появилось вдруг чувство, будто с Чарльза шкуру сдирают.

Живьем.

Орк открыл рот. Он дышал тяжело, а глаза его налились кровью. Чарльз подозревал, что и сам-то выглядит не лучше.

– Какая мелодия... – Милли прикрыла глаза. – Невероятно... наверное, в театре так не играют. Чарли, ты в театре бывал?

И сама себе ответила.

– Бывал, конечно, – она тряхнула ружье. – Разрядилось... а к нам как-то балаган приезжал. С артистами. Там тоже один, на скрипочке... и еще в борделе рояль есть.

– Зачем? – почти искренне удивился Чарльз.

– Не знаю. Для красоты может? Играть там все одно никто не умеет. А я в театр хочу.

– Выживем – свожу. В Императорский, – пообещал Чарльз, вытирая рукавом нос, из которого хлынула кровь.

– Тогда выживем, – обрадовалась Милисента, и в колбе её ружья вновь за клубился туман. – Если в театр...

Вот, что любовь к искусству с людьми делает!

Глава 33

В которой путешествие продолжается, несмотря на обстоятельства

Мертвяки собирались вокруг некроманта, которого такое внимание нисколько, пожалуй что, не беспокоило. Напротив, стоял он спокойненько, и только приглядевшись хорошенько, я сообразила, что происходите это спокойствие не от дури, но от уверенности, что защита сдюжит.

А она была.

Полупрозрачненькая такая, мерцающая, накрывавшая некроманта пологом.

Интер-р-ресненько!

Некромантов живьем я до этого дня не видывала. Оно и понятно. Магов и так немного, а уж некроманты и среди них редкость редкостная. Поговаривают даже, что все-то они на государственной службе состоят, вот прям с рождения.

Ну или как дар откроется.

Не знаю, правда, сколько в том правды. Но спрошу, коль случай выпадет. А пока... пока все шло своим чередом. Пустыня вздыхала, старые мертвяки дорогорали и уходили вглубь, а новые спешили выкопаться, то ли любопытством ведомые, то ли тою штуковиной, которую некромант держал.

Пыхал поезд, мешал пары с дымами.

Орк стоял.

И Чарли тоже. И я стояла. Глядела. Слушала. Заодно силой с камнями поделилась, а то мало ли, вдруг да мертвякам надоест вокруг некроманта топтаться.

Тут раздался долгий гудок, и поезд пыхнул паром.

– Похоже, поедем скоро, – сказал Чарли и головой затряс. – Что за...

Ну я уже поняла, что ему звук не по нраву пришелся. А мне так наоборот, слушала бы и слушала, будто то ли вода журчит, то ли

половицы старые поскрипывают, то ли ветер травы гоняет. Может все и сразу, главное, что прислушиваться нельзя, заморочит.

Это я тоже сама сообразила.

— Милли, давай в поезд.

— А вы?

— И мы, — не стал спорить маг.

Тут аккурат и тот, в шляпе, который булочки приносил, объявился:

— Все на посадку, быстро. Поедем дальше, до границы как-нибудь дотянем...

— А с этим чего? — орк указал на некроманта, которого уже и не видеть было из-за обступивших его мертвяков.

И главное он, словно услышавши, вскинул взгляд, которым за меня зацепился. От тут-то мне и поплохело. Вот не встречала еще человека с настолько неживыми глазами.

Он осунулся.

Кожа пожелтела и облепила череп. И... клянусь, он был не менее неживым, чем те, которые топтались на границе.

Губы некроманта тронула улыбка, и он махнул рукой, мол, идите, справлюсь.

А мы что? Нас уговаривать не надобно. Меня так точно. Да и графчик наш, гляжу, приспособливаться к жизни начал, избавляться от лишнего благородства.

В вагон меня закинул орк, который сам вскарабкался с обезьянней ловкостью, потом и Чарли руку подал. А тот принял, ну и втянули его в вагон с легкостью. Орк потоптался, песок стряхивая.

— От и ладно, — сказала он, и тут, в вагоне, голос его прогудел, заполняя все пространство. — А то мертвяков как-то не люблю.

— Кто их любит, — примиряюще сказала я.

Вот что меня беспокоило, так это отсутствие Эдди. Чтоб он да пропустил заварушку?

Поезд вновь издал протяжный гудок, и вагон наш содрогнулся, потом уже что-то внутри громыхнуло, дернулось, будто он стряхивал с себя дрему, и колеса скрежетнули по рельсам. Звук этот напрочь перекрыл ту завораживающую мелодию.

И мы поехали.

Я оперлась рукой в стену.

— И... часто они тут? — поинтересовался Чарли, сняв шляпу.

С нее с тихим шелестом слетели песчинки.

– Да всегда, – орк пожал плечами. – Так-то они не особо, когда поезд идет. Медленные и тупые. Это верхами не уйти, ни одна лошадь не сдюжит, а если на поезде, тогда да, тогда безопасно.

Чарльз хмыкнув, умудрившись этим самым хмыканьем выразить все сомнения, которые он испытывал. Ну и не только он.

– Да не, ломается тут что-то редко. Итон вообще за поездом глядит.

– А вы, я смотрю, частенько ездите.

– Случается, – орк огляделся.

Народ, которого в коридоре собралось изрядно, тихо расходился, только троица орков молча возвышалась, почти перекрывая проход. Наш махнул прочим и предложил:

– Побеседуем?

Тут дверь, что вела на мостик меж вагонами, приоткрылась, пропуская некроманта.

Надо же.

Живой.

Ну... в смысле, выглядит-то он сущим покойником, а так вполне живой.

– Благодарствуем, – орк не поклонился, но прижал ладонь к груди.

– И мы, – отозвался Чарли и шляпу приподнял.

Некромант лишь рукой махнул, потом замер, вперившись в меня мертвым взглядом, и сказал:

– Не желаете ли чаю? А то как-то... после всего этого пить хочется.

– Чаю? – осклабился орк.

– Мне лучше ничего иного не употреблять. Что до вас, решайте сами. Но я вижу, что вам любопытно. И готов удовлетворить ваше любопытство. Если, конечно, составите мне компанию.

– И только? – уточнил Чарли.

– Нет. Сила. Нужна. Живая, – он протянул руки, которые больше походили на скукоженные птичьи лапы. – К сожалению, их было больше, чем я рассчитывал. Если поделитесь, отвечу на вопросы.

Путешествовал некромант с шиком. Его купе оказалось раза в два больше нашего, оно вообще, подозреваю, половину вагона занимало. В

одной части разместилась кровать. Такая вот... кровать. Нормальная. Железная. С периной и горой подушек, что плавно покачивались в такт движению поезда.

Имелся тут и стол.

Стулья, обтянутые красным бархатом. Ковер, куда чище и новее того, что в коридоре.

— Душ, к сожалению, не принять, но руки и лицо умыть можно, — некромант распахнул позолоченную дверцу, за которой обнаружилась уборная.

В поезде!

Живут же...

Я подавила завистливый вздох, и предложением воспользовалась, благо, вода была, и мыло душистое, навряд ли того, которое Бетти для девочек своих покупает. Полотенца мякунские, я таких и не видала, даже неудобно как-то стало о такую красоту руки вытирать.

А на столе уже стояли чашки белого фарфора. На блюдах. С каемочкой.

Нет, они серьезно?

Более чем. И минуты не прошло, как в дверь вежливо постучали, и давешний — надо бы имя спросить — типус принес огромный медный чайник. Чайник пыхал паром, что твой поезд.

И поставили его на круглый камень, в котором я чуяла силу.

— Еще, будьте столь любезны, еды какой-нибудь. Может, сыщется шоколад для дамы? Или конфеты? — некромант вяло махнул рукой. — Впрочем, я тоже не отказался бы... готов заплатить.

— Не стоит. Итон велел передать, что за проезд вернем. И прочие неудобства. Мы ценим заботу о поезде, — степенно произнес тип.

И вышел.

Чарли проводил его взглядом.

— Из него получился бы великолепный дворецкий, — произнес он задумчиво.

— Не удивлюсь, если им он и являлся, — отозвался некромант, откидываясь на спинку стула. Он прикрыл глаза и так сидел несколько минут. Прочие тоже от сидели, не торопя хозяина.

— Сила, — напомнил Чарли тихо. — Прямая передача?

— Не стоит, — некромант глаз открывать не стал. — Вам будет весьма... неприятно. Слишком уж различные потоки мы используем.

Но...

Он указал в сторону то ли комода, то ли письменного стола.

– В первом ящике шкатулка. Будьте столь любезны...

Чарли поднялся и шкатулку принес, подал, подвинул ближе к некроманту.

– Благодарю. Это камни. Если наполните пару, то буду благодарен.

Камушки походили на обыкновенные, правда, гладенькие, ровненькие. Я руку протянула было, но Чарли нахмурился.

– Да ладно, все уже и так поняли. Не тупые, – камешек я достала сама.

– Ваша защита воистину великолепно. Орочья?

– Хороший шаман делал, – признал орк, который сидел ровнехонько. И спину держал. Матушка, помнится, долго с этой вот спиной маялась, что с моею, что с Эдди. Та все норовила сгорбиться. И осанка не держалась.

Может, у этого вот орка тоже матушка имелась?

– Мой брат.

– Хороший шаман, – орк вновь кивнул. А я поглядела на Чарльза.

Ну же, дальше чего?

– Просто сожми в руке и направь силу, – он оказался на диво догадливым.

Ну а я... я так и сделала. Сжала и направила. А сила взяла и потекла, то ли много её на мертвяков ушло, то ли просто привыкаю, но действие это не вызывало ни возмущения, ни попытки силы вырваться.

Она уходила.

И уходила.

А камень в руках нагревался. Медленно так, но вполне ощутимо.

– Довольно, леди, – некромант протянул руку. – Не стоит переутомляться, хотя я вижу, что дар ваш весьма необычен.

Я камень отдала. И некромант сжал его в кулаке. Он вновь откинулся, запрокинул голову, обнажив белоснежное горло, и задышал часто-часто.

Принесли...

Чего только не принесли. Я думала, что нас неплохо кормили, но тут... мясо вяленое, колбаски копченые, щедро посыпанные

приправой. Сыр нарезкою. Хлеб черный. Хлеб белый. Масло в фарфоровой же масленке. У нас тоже такая была, пока я её не разбила.

Случайно, честное слово!

Последней на столе появилась деревянная коробочка с позолоченными уголками. А в ней... из неё так одуряюще запахло шоколадом, что рот мой сам собою слюной наполнился.

Но я гордо отвернулась.

Не хватало еще.

— Что ж, — некромант заговорил чуть громче. — Полагаю, пришло время познакомиться поближе, раз уж обстоятельства сложились подобным образом. Бертрам Орвуд.

— Из тех...

— Из тех, — согласился он. — Вас я, так уж вышло, знаю, хотя премного удивлен.

— Чем?

— Когда я покидал столицу, ходили упорные слухи о вашей скоропостижной кончине. Но я рад, что слухи оказались лишь слухами.

— Я тоже, — сказал Чарльз и все-таки представился.

Ну и я тоже, раз уж все такие вежливые.

— Разбиватель голов, — орк произнес это с немалой важностью. — Но можете называть Диком.

— Почему?

— Нравится.

— Также повод, — некромант взял второй камень. — Благодарю, этого будет достаточно. Леди, угощайтесь. Чарльз, вы не откажетесь побыть за хозяина, пока я... признаться, давно уже так не выкладывался.

Чарльз молча наполнил кружки чаем.

Прямо из чайника.

— Пожалуй, я несколько поторопился с дворецким.

— Вы просто не учитываете местные реалии. Здесь некому возиться с заварниками и прочей ерундой. Хорошо, хоть вообще кормят, — некромант явно оживал. Кожа его разгладилась и посветлела, на щеках появился румянец, а тени под глазами больше не казались такими уж глубокими.

Он и дышать стал глубже, спокойнее.

— Впрочем, не буду врать, что я тоже освоился...

Я сунула руку в коробку.

Конфеты... конфеты я пробовала. На Рождество вот. И вообще... пробовала. Хотя и не часто. Но эти... эти оказались совсем другими.

И сладкими.

И горькими.

Шоколад таял во рту, обволакивая и язык, и нёбо, и я наслаждалась его вкусом.

— Что привело вас... хотя, о личном не стоит, тем более, догадываюсь, что путешествие связано с несколько скоропалительным отъездом вашей сестры. Августа, верно?

— Верно.

— Нас как-то представляли. На вечере у миссис Энгмор.

— Боюсь...

— Вы тогда были в отъезде, а я поддался настойчивым уговорам моей тетушки. Честно говоря, мы редко покидаем пределы родового поместья. Среди людей нам... беспокойно. Как и людям рядом с нами. Издержки дара.

Я подавила вздох.

И покосилась на коробку, раздумывая, насколько вежливо будет конфетку спереть. То есть, я понимала, что совсем даже не вежливо, приличные люди не воруют. Но вот... насколько невежливо?

Все я точно не сожру, даже если постараюсь, а я постараюсь...

— Прошу, угощайтесь, леди, — некромант, кажется, понял. Во всяком случае, улыбочка на его губах была такою вот... понимающей, что просто стыдно стало, хоть ты под землю провалишься. Правда, я вспомнила, что там в земле, и проваливаться передумала. Некромант же примиряюще сказал. — Сладкое способствует восстановлению сил. Оно, если можно так выразиться, жизненно необходимо.

Ну, раз так, то кто я, чтобы со знающими людьми спорить? И я сунула другую конфету за щеку. Благодать... а что ни говори, хорошо едем. За окном пустыня, мертвяки где-то там бродят еще, а у нас тут чай с конфетами. Что еще для счастья надо? Разве что... вот вернусь и куплю себе такую коробку.

Или даже две.

Или три.

Чтоб матушке тоже хватило. Мамашу Мо тоже угощу. Она, небось, в жизни такого не едала, пусть даже потом станет ворчать, что

я расточительна и это, как его, не о душе думаю. Но правда в том, что душе моей конфеты тоже очень нравятся.

– Как бы то ни было, но слухи о несчастье дошли и до нас, хотя подробностей я не знаю. Мне это, уж простите, было не интересно, – он осторожно поднял чашку и сделал глоток. – Чай здесь отменный. У нас матушка дом ведет, так что крепкого чая у нее не допросишься. Вы рассчитываете вернуть сестру?

– Надеюсь.

– Хорошо, – некромант ненадолго замолчал и перевел взгляд на орка, который чашку поставил в огромную ладонь, но глупым и смешным от этого выглядеть не стал. – Тем более я начинаю подозревать, что мне пригодится помощь в моем деле.

Чарли не торопил.

А все-таки горады они там, на Востоке, языками трепаться. Словеса плетут, что кружева, семь потов сойдет, пока до сути доберешься.

– Так уж случилось, что я оказался в крайне неудобной ситуации, которая и сподвигла меня на это вот путешествие... хотя не скажу, что огорчен. В свое время и мой отец, и дед бывали на Западе... более того, деду удалось увидеть кое-что...

– Мертвый город? – не выдержала я.

А что? Этак он до самой ночи болтать будет, если не до утра.

– Стало быть, это не легенда?

– Реальней некуда, – мрачно произнес Чарли и на меня уставился. Чего? Можно подумать, секрет страшный. Да тут, как поняла, многие про них знают.

Вон и орк кивнул.

– Дрянное место, – прогудел он, чаек прихлебывая. На конфеты орк покушаться не стал, верно, сообразивши, что я не обрадуюсь. А я коробочку к себе поближе подвинула.

Исключительно для удобства.

– Определенно... интересно. Я даже рад, что все так получилось, ибо в противном случае, полагаю, никогда бы не решился на подобное путешествие, – некромант потер руки. – Полагаю, у нас найдется, о чем рассказать друг другу?

А то.

Только один фиг не понятно, чего он вдруг поперся в этикие дали. И верно, выражение лица у меня, как матушка любила повторять, отличалось живостью, вот и некромант сказал:

— От меня... как бы это... выразиться. Невеста сбежала.

И замолчал.

А я еще подумала, что мужик он, верно, неплохой, но уж больно страшный. И потому невесту эту понять можно.

Глава 34

Повествующей о тяготах бытия некроманта и неких обстоятельствах непреодолимой силы

Милисента с задумчивым видом жевала конфеты, кажется, нисколько не заботясь о том, что избыток сладкого может быть вреден. И о правилах поведения за столом. И о том, что вовсе женщина приличная должна чувствовать некоторое стеснения, пребывая в подобной компании.

Чарли подавил вздох.

...конфеты отменные. Он узнал коробку. И даже усовестился тому, что сам не догадался захватить кое-что из творений личной кондитерской Её императорского Величества.

Интересно, правда, откуда она в этом поезде взялась.

— Наш дар весьма ярок, — меж тем продолжил Орвуд, который за Милисентой наблюдал исподволь, и это Чарльзу совершенно не нравилось. — С одной стороны это, несомненно, дает преимущество, с другой накладывает ограничения.

Говорил он неспешно и с той легкостью, будто находились они не в безумном поезде, что летел через черные пески, но в салоне той самой миссис Энгмор.

— В большинстве своем люди чувствуют нашу силу. Она пугает их. Заставляет держаться в стороне. Вызывает подспудное отвращение. И справиться с ним получается далеко не у всех. Отчасти поэтому мы предпочитаем вести несколько уединенный образ жизни.

Чарльз прислушался к себе.

Нет, пожалуй, не испытывал он ни отвращения, ни страха, да и вовсе Орвуд казался обычным человеком.

— Вы просто изменились.

Обычным, но чересчур уж проницательным человеком.

— Я не знаю, каков был ваш путь, но чувствую в вас знакомое эхо. Вы не стали некромантом, но, пожалуй, подошли к самому краю.

Возможно, поэтому моя сила вами и не ощущается, как нечто неприятное. То же касается вас, леди. Но речь не о том...

Он был бледным.

А ведь про Орвудов, что испокон веков служат короне, всякое говорили. Правда, большею частью шепотом и с большой осторожностью.

– Речь обо мне. Ввиду упомянутых мною особенностей... Орвудам крайне сложно подыскать подходящую партию.

– Не всякая женщина способна стать женой сильного шамана, – мудро заметил орк.

– Именно. Матушка моя происходит из древнего рода, но несколько, как бы выразиться, поиздержавшегося, что в свое время и подтолкнуло её ответить согласием на предложение отца. Она говорит, что это была самая удачная сделка в ее жизни, – губы Орвуда дрогнули.

А ведь леди Орвуд, в отличие от прочего семейства, частый гость в свете. Чарльз даже помнил её. Красивую. Яркую. Жизнерадостную.

За её спиной тоже шептались, но вновь же осторожненько.

И несколько-то Бертрам на матушку не похож.

– Мой отец всегда относился к супруге с немалым уважением, а после и любовью. И она ответила тем же. Не сразу, вероятно, но глядя на них, я надеялся, что и моя жизнь сложится столь же счастливо. Потому, когда матушка изъявило желание подыскать мне невесту, я не стал противиться. Одиночество тоже утомляет.

Милисента задумчиво уставилась на коробку и икнула.

Кажется, в нее больше не лезло, но и оставить шоколад вот так, просто лежащим, она не могла.

– Чаем запей, – посоветовал Чарльз.

А орк проворчал:

– Слабая женщина, ест мало, – потом перевел взгляд на Чарльза. – Плохо следишь. Женщине надо кушать. Тогда женщина будет толстой и доброй.

В этом что-то было.

И Орвуд наполнил чашку чаем, а Милисента не стала отказываться, только на спинку откинулась и ноги вытянула.

– Хорошо... – пробормотала она.

– Мне безумно нравится местная привычка радоваться вещам малым, простым, – поделился Орвуд, глядя на Милисенту едва ли не с умилением. – Этому, пожалуй, стоило бы научиться.

– Научишься, – пообещал Дик, засовывая в пасть бутерброд с ветчиной.

– Возможно. Ладно... матушка отыскала девушку, как ей казалось, во всем подходящую. Та приходилась матушке какой-то весьма дальней родственницей. Обладала даром, однако в силу некоторых особенностей происхождения и отсутствия приданого не могла рассчитывать на хорошую партию.

– Чего? – орк явно не понял.

– В свое время мать моей невесты пошла наперекор родительской воле и вышла замуж за школьного учителя, после чего была вычеркнута из списка наследников, да и из родовых книг. Многие придают подобному слишком уж большое значение.

Бертрам отставил опустевшую чашку.

– Но для нас происхождение невесты было не так и важно. Куда интереснее то, что девушка оказалась хорошо воспитана, мила и к тому же почти не чувствительна к проявлениям моего дара. Да, изначально она отнеслась ко мне несколько... предвзято. Но постепенно мы привыкли друг к другу.

– А потом она уехала? – предположил Чарльз.

– Именно. Оставила записку, в которой просила прощения за обман. Сказала, что никогда-то не любила меня, но полагала, что для удачного замужества хватит и симпатии, которую ко мне испытывала. Но она ошибалась. Она встретила свою истинную любовь, и поняла, что не готова жертвовать своим будущим.

– Мне жаль, – сказал Чарльз, чувствуя, как на затылке шевелятся волосы.

– Не стоит. Признаюсь, я был огорчен. Я успел привязаться к Мэри. Нам сложно сходитья с людьми, но если уж мы начинаем общаться, то... привязываемся к тем, с кем общаемся.

– И вы хотите вернуть её?

– Не её, – покачал головой Бертрам. – В конце концов, кто я такой, чтобы мешать женщине в её счастье? Как там говорят? Насильно мил не будешь. Но так уж получилось, что незадолго до... всего этого состоялась наша помолвка. И я вручил Мэри кольцо.

– Особое? – догадался Чарльз.

– Именно. Это родовой артефакт. Он призван защитить избранницу в том числе от проявлений тьмы, к которой она становится уязвима после замужества. Особенно, когда носит дитя. Кольцо было создано моим прапрапрадедом, и передавался из поколения в поколение.

– Еще один... – пробормотала Милисента.

– Простите?

– У сиу сперли Сердце Великой матери, без которого у них дети не родятся. У вас...

– Стрелы Первого охотника, – хмыкнул орк.

– Вот... стрелы этого вот Первого охотника. У вас кольцо. У Чарли просто деньги... ну пока просто деньги или может, ты чего не знаешь?

– Может, и не знаю, – согласился Чарльз. – К сожалению, брак моей матушки тоже был не одобрен, а потому... не уверен, что ей досталось что-то из семейных драгоценностей. Как и сестре. Но чисто теоретически вероятность существует.

...а ведь дед тогда, на встрече, спрашивал про Августу. Как-то вскользь, но ведь спрашивал.

Может...

...смешно и предположить, что Августа тайно проникла в дедово поместье. Не тайно её не приглашали, а проникнуть и украсть что-то... нет, смешно предположить.

– То есть, ваша Мэри помолвку расторгла, а кольцо возвращать не стала?

– Именно.

– И вы собираетесь его вернуть?

– Выбор невелик. Матушка расстроилась. Она возлагала на наш брак большие надежды. Отец же не уверен, что сумеет повторить тот артефакт. Описание сохранилась, но уж больно специфический ингредиент использовали.

– Какой? – Милли все-таки вытащила еще одну конфету и уставилась на нее. Вид у девушки был одновременно мрачным и решительным. – Нет, ну интересно же ж!

– Зубы мертвеца, – сказал некромант.

– И что, на востоке мертвецов нет?

– Да хватает, но если верить записям, этот мертвец был не просто так мертвецом. Он происходил из народа кхемет, которых мой предок именовал «богоравными» или «богоподобными». Но более не оставил никаких указаний. Да и в принципе я не нашел больше ни слова об этом народе, даже сомневаюсь, существовал ли такой...

– Еще как, – Милли икнула и прикрыла рот рукой. – И мертвецов у них хватает. Я точно знаю, где один валяется. Но это возвращаться надобно будет...

Чарльз вздохнул.

И прикрыл лицо рукой.

С другой стороны... почему бы и не помочь хорошему человеку? Или не очень хорошему, но все одно полезному? Не обязательно же возвращаться в Мертвый город?

Совершенно не обязательно.

Но что-то подсказывало: придется.

Ну вот не надо на меня смотреть, будто я родину предала.

Подумаешь, мертвец.

Зубы у него точно были, я помню. И даже жаль, что не догадалась прихватить парочку. Хотя откуда мне было знать, что у тамошних мертвецов настолько зубы полезные. Золотишко вот – дело другое, золото оно везде пригодится.

Чарльз вздохнул.

Некромант уставился на меня, еще немного и дырку взглядом просверлит. А я чего? Ничего. Сижу ровненько. Улыбаюсь.

– Там... – я махнула рукой. – Мертвый город. А в нем кхемет твои. Но туда лучше не лезть.

– Ага, – согласился орк. – Дурное место.

– Я бы сказал, очень... специфическое. И опасное.

– Дед упомянул, что из той экспедиции вернулся лишь он и его друг, но тот в скором времени скончался. Возможно... – некромант задумался, правда, ненадолго. – Возможно, дед знал больше... возможно, он хотел повторить артефакт, созданный его прадедом, или... новый создать. Вот и отправился, но потом... потом понял, насколько это опасно, и уничтожил записи. Это объясняет их скудность.

Некромант постучал пальцем по чашке.

– Как бы то ни было, я буду весьма благодарен, если вы поделитесь вашей историей...

Мы с Чарли переглянулись.

Поделимся.

Отчего б не поделиться. История, чай, не золотишко, от деления не убудет.

Рассказ начал Чарли. Издалека. В смысле от сестрицы своей. Я слушала. И его, и перестук колес, которые громыхали не так уж сильно, скорее было что-то донельзя успокаивающее. Душу грел чай и остатки конфет. И еще вдруг потянуло прилечь.

Не важно, где.

Но я устала. И с трудом подавила зевок, а второй не подавила... и кажется, отключилась. Помню, что начала вдруг заваливаться набок, но меня подхватили, подняли и перенесли куда-то. Я хотела возмутиться, но сил не было совершенно.

И спать хотелось.

Дико.

А потому я позволила себе утонуть в мягкой перине, когда на плечи опустилось вдруг одеяло, тоже легкое, воздушное. Стало тепло и хорошо.

Одно беспокоило: Эдди так и не появился.

Сон был... сон был странным. Я видела город, тот самый, только другой. Живой. Он утопал в зелени, которую пробивали белоснежные башни. И на солнце они казались настолько яркими, что я почти ослепла.

Гудели барабаны.

И рога.

Звенели браслеты на ногах обнаженных женщин, кожа которых была покрыта золотой краской. И сами они были подобны ожившим статуям. Они кружились в танце, и алые ленты, привязанные к их рукам, трепетали в воздухе.

Но тут музыка стихла и раздался низкий вибрирующий звук. Он сменился гулом, будто стадо бежит... точно стадо... огромные бизоны. В жизни таких не видела.

И видеть не хочу.

Женщины плясали. Быки...

...наверное, блевать во сне – не лучшая идея. И я сдержалась. Это ведь сон. Просто сон. Сладкого переела. Еще когда мамаша Мо пугала, что, мол, если переест сладкого, то кишки узлом завяжутся. Вот, видать, и завязались.

Главное, что не было этого.

Ни быков, ни женщин, что не прерывали безумного танца своего, взлетая на огромные спины, удерживаясь на рогах или не удерживаясь.

Не было!

И мертвеца, вперившегося в меня взглядом, тоже не было.

Какой взгляд у мертвеца? Но нет, череп дернулся и стремительно оброс плотью, и вот уже передо мной не мертвец, но человек настолько красивый, что просто невозможно.

Смотреть.

И не смотреть.

– Проклятая кровь, – он говорит на другом языке, но я понимаю. И презрительно кривит губы. – Проклятая кровь!

– Иди на хрен! – возмутилась я. Будут тут еще всякие покойники обзывать!

– Никакого уважения, – мертвец не собирался исчезать.

А я дала себе зарок, что больше не буду объедаться сладким. И вообще. А то ведь свихнуться недолго от таких слов.

– Слушай меня, отродье!

– Сам отродье, – ответила я, и взглядом на взгляд ответила. Что? Я тоже так пялится умею. И не только пялится. – И вообще... ты мертвый давно.

– Давно, – согласился он. – Я устал быть мертвым.

– Ну... тут извини, – я развела руками. – Ничем помочь не могу.

– Можешь.

– Как?

Я это исключительно из любопытства интересуюсь, а не из желания помочь.

– Позволь нам уйти.

– Вам?

Он махнул рукой, и тут мы, как это только во снах бывает, оказались на площади. Не было девушек. И быков. И горящих людей. Или разодранных зверьем, как самих зверей тоже не было. А был лишь камень и кхемет.

Мужчины.

Женщины.

Молодые и красивые женщины и мужчины. А детей вот не было. И стариков. И никого-то, кто не был бы красив.

— Что за... — я поворачивалась, но куда ни глянь... их не так и много, сотни две или три. Город-то вмещал куда больше, а этих, кхемет, всего-то... и красивые. Настолько красивые, что тошно становится от понимания собственного несовершенства.

— Проклятая кровь, — сказала та, что стояла ближе всех. Её кожа была бела, а волосы темны. Ее тело покрывали узоры драгоценных камней, и не было иного одеяния.

— Проклятая кровь... — выдохнули эти вместе и потянули ко мне руки.

Ту-то я и проснулась.

На свое счастье.

Ну их... прекрасных до ужаса.

Я села в кровати, судорожно оглядываясь по сторонам. Сердце все так же бешено колотилось о ребра. Во рту стоял отчего-то привкус гари. И... да, с конфетами стоит быть осторожней.

— Милли? — графчик обнаружился рядом. Он дремал, прислонившись спиной к кровати. А некромант, тот в кресле сидел и не спал. Смотрел.

На меня.

И на Чарльза. И взгляд у него был задумчивый-прездумчивый... а потом он сказал:

— Вы видели сон?

— Видела, — я прикусила язык, чтобы не сказать, чего именно я думаю по поводу подобных снов.

— Если... это не является очень личным... вы бы не могли поведать содержание?

— Чего? — поинтересовался Чарли до боли знакомым тоном. Прямо почудилось, что братец мой объявился.

А ведь надо отправить кого, поинтересоваться, куда он, сила нечистая, подевался.

Бросил меня тут.

Одну-одинешеньку...

– Дело в том, что этот сон был, полагаю, не совсем сном в его классическом толковании, – сказал некромант, сцепивши пальцы под подбородком. – Я ощутил серьезный всплеск мертвой энергии, а это напрямую указывает, что вы, леди Милисента...

...еще один.

– ...прочно связаны с тем миром.

Чарли выругался.

Вот ведь. Говорю же, осваивается человек. Вот уже и говорит, чего думает, про всякое стеснение позабывши.

– И мне хотелось бы понять, сколь глубока эта связь. И может ли она представлять для вас опасность.

Ну...

Сон... не сказать, чтобы вдохновляющий, но и особо страшного в нем нет, кроме что разве тех, которые... стоило вспомнить кхемет и меня передернуло.

Получасом позже мы сидели за столом. И оказалось, что пока я спала, чайник не остыл, а конфет в коробке только прибавилось, хотя теперь я глядела на них с некоторым подозрением. То есть, головой я понимала, что дело не в конфетах, а скорее всего во мне или той дряни, которую мы унесли. Но вот... осадочек остался.

– Танец с быками, стало быть... – некромант, выслушавший сбивчивый мой рассказ превнимательно, задумался. – Знаете, существует теория, что наша цивилизация в этом мире далеко не первая. И не последняя. Что цивилизации, как и люди, имеют обыкновение стареть. И умирать, сменяясь иными... о каких-то мы слышали, от них остались материальное наследие. Память о других сохраняется в сказках и преданиях.

– Тогда это была бы очень страшная сказка, – пробормотала я.

Почему-то знобило. Не сильно. Я вообще была на редкость здоровым ребенком, а потому заболела быстро, выздоравливала и то быстрее.

Сейчас же... знобило.

– Бывают и такие, – не стал спорить некромант. – То, что вы описали... относительно недавно во время раскопок на Крите удалось отыскать развалины дворца. Предположительно им несколько тысяч лет. Так вот, я читал описания, и не только. В частности о фреске, на

которой изображены акробаты и бык. Причем мой знакомый, который весьма интересуется археологией, утверждает, что бык для эгейской культуры – яркий символ. И встречается весьма часто. С другой стороны, если вспомнить великий Рим и его культуру, в частности кровавые гладиаторские бои или игры со зверями...

Озноб прошел.

– ...вновь же найдем много... позаимствованного.

– Где Рим, а где это.

– Ну, мой друг, все не так однозначно. Вспомним, что некогда континенты были едины, а люди... люди населяли самые разные места.

– Ты в это веришь?

– Я верю, что память – странная штука, особенно совокупная.

– Сиу могут память передать, – влезла я, хотя никто и не спрашивал.

– Тоже слышал о подобном явлении, хотя и не сталкивался. Было бы интересно встретиться.

Я покачала головой. Что-то подсказывало, что сиу эта встреча не обрадует.

– Но интересно иное... если подытожить все, что я услышал, получается донельзя занятная картина. Сиу и орки лишились племенных артефактов, оказывающих немалое влияние на жизнь их народов. Более того, рискну предположить, что артефакты эти были наследием некогда весьма могущественной цивилизации. Но проще приписать их появление божественной сути, чем признать себя обязанными тем, кого искренне ненавидишь.

Что-то у меня от всего этого черепушку ломить стало.

– Мой артефакт тоже родом из Мертвого города. Вы... не знаю, что с вами не так, возможно, действительно дело в деньгах. Но три случая показательны. Кто-то, полагаю, весьма осознанно собирает вещи оттуда.

– Вопрос – зачем? – Чарли поднялся.

А я подумала, что ответ-то мне и не больно надобен. Что иные знания действительно только во вред.

Но тут поезд загудел.

И дверь открылась.

И Эдди, просунувши голову, сказал:

– Собираться надобно. Час до прибытия... если наговорились.

Вместо эпилога

Потом уже оказалось, что спала я долгехонько, целый вечер и еще ночь. И во сне пропустила возвращение Эдди, и знакомство его с некромантом, и с орками, решившими, что всем им в город не так и надобно, а хватит только вождя.

Пропустила момент, когда мы выехали за пустыню.

И еще другой, когда пробирались сквозь рукотворное кольцо гор, закрывшее город и от пустыни, и от мертвяков. Да, пропустила я многое. Но не прибытие.

Поезд снова издал протяжный сиплый звук и замедлился. Паровоз окутало клубами пара, и ветер растащил их, кинул мне в лиц, заставив поморщиться от алхимической их горечи.

– Милисента! – рев Эдди перекрыл грохот колес. – Вывалишься.

Не дождетесь.

Я бы ответила, но в лицо вновь пахнуло паром. И я захлебнулась в нем, закашлялась, но исключительно из упрямства высунулась еще больше.

В конце концов, не каждый день такое увидеть случается.

Город Мастеров... он был городом.

Огромным.

Больше всех городов, в которых случалось бывать. И теперь, когда поезд летел по узкому мосту – а в низу в туманах да зыбях скрывалась бездна – я могла видеть это... это чудо?

Пожалуй.

Скалы брали город в плотное кольцо. Они казались стеклянными, полупрозрачными и восходящее солнце отражалось в укрытых ледниками вершинах. И я смотрела.

На солнце.

На скалы.

На пропасть эту вот, через которую протянулись тончайшие спицы мостов. И сердце замирало от восторга и ужаса одновременно. Не может такого быть, чтобы это люди построили! И в то же время оно было... вон там, сбоку, далеко, но не так, чтобы вовсе не разглядеть, висит еще один мост. И по нему тоже летит поезд, низкий и

приземистый, закованный в медную броню, по которой время от времени пробегают искры. А мосты, подвешенные на тросах, гудят.

И поезда.

И сама бездна...

– Милли, – Эдди все-таки втоптал меня в вагон и нахмурился. –
Веди себя прилично.

– Мамы ж нету.

– Я есть.

Не хватало еще.

– Тут... тут так! – я не находила слов.

– Небезопасно, – вздохнул Эдди. – Они... не любят чужаков. Я
ведь говорил.

И ладонью по башке провел. А на макушке волосы пробиваться
стали, такие полупрозрачные пока, жесткие, что осока.

– Знаешь, такое дело... мы пока поезд чинили...

– Ты чинил?

– Помогал. Там кое-что поднять надо было. И подержать. Да и
вообще, я ж давно хожу, кой-чего и нахватался. Вот оно и пригодилось.

Тогда понятно, куда он пропал. Небось, тех, кто воевать может, в
поезде хватало, а вот таких, чтобы чинить вряд ли много. И сердце
наполнила запоздалая гордость.

Эдди у меня самый умный.

– Не в том суть. Главное, Итон уверен, что в городе неладно.
Что... они готовятся к войне.

– С кем? – графчик был тут же, держался вроде поодаль и так,
словно совсем ему даже не интересно, чего там, за окном.

– Со внешниками, – Эдди поглядел в окно. – Вроде как хотят, чтоб
их признали. Ну и по закону все... послов к Императору и все такое.
Объединенные штаты будут. Племена и мастера, и остальные, кто
есть...

– Сомневаюсь, что император согласится.

Пропать жила внизу.

А город приближался.

Он сиял металлом, он пыхал паром, который поднимался выше,
карабкаясь по гладким стенам железных башен. А меж ними
протянулась паутина дорог. И медленно плыли в ней воздушные суда,
словно рыбины в сетях.

– Вот и я... сомневаюсь. А стало быть, будет война.

– Империя огромна.

– А они в заднице мира. И хрен кто сюда доберется... тут много магов. Ну и не только их... и Итон уверен, что дело даже не в магах и мастерах. Что неладно там, по другую сторону гор. Что все это неправильно.

И я согласилась, что неправильно.

Чего ради воевать-то?

– А еще Итон сказал, что далеко не все внешники довольны императором. И... в определенной ситуации может выйти так, что император... он ведь тоже не вечный. Дети маленькие. Императрица же... женщина.

Эдди уставился на город.

Чем ближе он становился, тем больше я могла разглядеть.

Дома в тени башен.

И путы веревок, их соединившие. Переходы. Галереи. Будто кто-то выгрыз скалу изнутри, источил её до крайности. Огромное сооружение из железа и стекла, в котором отражаются окрестности. И медленно проворачиваются колеса, черпая что-то, выливая, перемешивая. А из коротких труб вырываются клубы желтого вонючего пара.

Он расползается, накрывая и колесо, и людишек, что суеются вокруг. Он выползает по-за ограду, чтобы растечься по улицам желтой жижей.

Он...

Я закрываю лицо, ибо дышать этим невозможно. И сгибаюсь в приступе кашля. Эдди же, зараза этакая, заботливо хлопает по спине и говорит так, ласково:

– Вот и я думаю, что поспешить бы тебе надобно.

Графчик же поворачивается к окну, сквозь которое и пробивается алхимическая вонь странного города. И смотрит вниз так... молча.

Долго смотрит.

А потом говорит:

– Поспешим.

Данный текст был приобретен на портале Литнет (№ 34092622
20.05.2022). Литнет – новая эра литературы